

И $\frac{357}{28}$

А. Фахтіаровъ.

920

СЛУГИ ПЕЧАТИ.

ОЧЕРКИ КНИГОПЕЧАТНАГО ДѢЛА.

Съ рисунками на отдѣльныхъ листахъ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Катавскаго и К^о. Невскій пр., № 132.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Марта 1893 года.

59938-45

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Наборщикъ	1
Словолитчики	11
Типографія	33
Петербургскія типографіи	45
Синодальная типографія въ Петербургѣ	55
Газетное дѣло	80
Корректурa и корректоръ	124
Граверь	137
Типографская краска	149
Бумага	159
Книги для слѣпыхъ	169
Издатели и книгопродавцы	177
Писатели	196
Гравировальное дѣло въ Петербургѣ	227
Печатаніе афишъ	231
Объясненіе типографскихъ словъ	235

Наборщикъ.

СЛУГИ ПЕЧАТИ.

Наборщикъ.

Какъ извѣстно, Петербургъ представляет собою главный книжный рынокъ на всю Россію. Не мудрено поэтому, что въ Петербургѣ книгопечатное дѣло сосредоточиваетъ около себя тысячи труженниковъ—начиная отъ издателей и кончая разными техниками печатнаго дѣла: словолитчиками, наборщиками, рисовальщиками, граверами и т. д.

Всѣ эти слуги печати представляютъ своеобразный міръ, не лишенный интереса.

При современномъ развитіи періодической прессы, типографскій станокъ поглощаетъ массу упорнаго кропотливаго человѣческаго труда: приходится работать не только днемъ, но и по но-

чамъ; типографія, напримѣръ большой газеты, представляетъ поразительное зрѣлище: въ то время, когда обыватели спятъ, печатники, точно гномы, съ лихорадочной поспѣшностью, работаютъ цѣлую ночь напролетъ, чтобы къ утру выпустить «газетный листъ».

Войдите въ любую типографію: здѣсь вы наглядно увидите, какъ человѣческая мысль передается тисненію на бумагѣ, въ тысячахъ экземплярахъ, чтобы получить широкое распространеніе—среди читающей публики.

Уже одно перечисленіе слугъ печатнаго дѣла довольно характерно. Въ наборномъ отдѣленіи работаютъ: ученики, наборщики, метранпажъ, факторъ; въ машинномъ отдѣленіи—печатный мастеръ, подмастерье, накладчики, приѣмщики, печатники, батырщики (на ручныхъ станкахъ), тискальщики, прессовщики или подъемщики, мочильщики, глассировщики и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ тружениковъ—классъ наборщиковъ—наиболѣе многочисленная и типичная группа.

Смотря по размѣрамъ производства, въ каждой типографіи насчитывается отъ 20 до 100 и болѣе наборщиковъ. Всего въ петербургскихъ типографіяхъ свыше 3,000 наборщиковъ.

Обыкновенно, мы, читая книги, газеты, журналы и т. п. продукты типографскаго станка,

никогда не вспоминаемъ наборщика. А между тѣмъ, помимо рукъ этого мелкаго труженика не проходитъ ни одно литературное произведение. Наборщикъ—первый читатель писателя.

Когда наборщики набирали извѣстные «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», Гоголя, то они хохотали, что называется, до упаду, и такимъ образомъ, первые посмѣялись неистощимому юмору знаменитаго автора «Ревизора».

Войдя въ типографію, въ наборное отдѣленіе, видите — цѣлыя вереницы наборщиковъ возлѣ своихъ «шрифтъ-кассъ».

Шрифтъ-касса есть не что иное, какъ небольшой ящикъ, утвержденный въ наклонномъ положеніи и раздѣленный перегородками на множество отдѣленій, по числу буквъ алфавита: каждое отдѣленіе для особой литеры. Кто не видалъ «литеры», какъ они печатаются книги, для тѣхъ замѣтимъ, что онѣ имѣютъ видъ правильнаго четырехгранника около вершка длины, вылитаго изъ свинца: на одномъ концѣ—рельефная литера.

Шрифтъ-касса вся заполнена литерами: въ одномъ отдѣленіи помѣщается литера *а*, въ другомъ *б* и т. д.

Держа въ лѣвой рукѣ «верстать» — узенькую металлическую линейку — наборщикъ, не отрывая глазъ отъ рукописи, съ удивительною быстро-

тою и ловкостію, то и дѣло вынимаетъ изъ «шрифть-кассы» соответствующую литеру и «набираетъ» въ верстатъ, точно бисеръ вани-зываетъ на нитку.

Такъ мало-по-малу составляются слова, изъ словъ—строки, изъ строкъ — цѣлыя страницы. Обыкновенно, въ верстатъ набираютъ 10 — 12 строкъ, которыя наборщикъ бережно составляетъ на «уголокъ».

Нѣсколько строкъ, напримѣръ отъ 20 до 50, образуя длинный столбецъ, называется «гранкой», которая ставится на наборную доску, и на печатномъ станкѣ получается оттискъ для первой корректуры.

Этимъ трудъ наборщика кончается.

Большую часть времени наборщику приходится работать при огнѣ. Надъ «шрифть-кассой» — висячія лампы. Въ пыльномъ воздухѣ — особый специфическій запахъ свинца и типографскихъ чернилъ. Сѣрая блуза — обычный костюмъ наборщика. Если вы къ этому добавите блѣднолицую, худощавую фигуру наборщика, то составите о немъ болѣе или менѣе ясное представленіе.

Некрасовъ посвятилъ наборщикамъ слѣдующія прочувственныя строки, которыя, кстатѣ сказать, почти всѣ наборщики знаютъ наизусть:

«Чей это гимнъ суровый
Доносить къ вамъ зефиръ?»

То арміи свинцовой
 Смиранный командиръ —
 Наборщикъ распѣваетъ
 У пыльнаго станка,
 Межь тѣмъ какъ набираетъ
 Проворная рука:
 — Рабочему порядокъ
 Въ трудѣ всего важнѣй,
 И лишній рубль не сладокъ,
 Когда не спишь ночей...»

Хорошій наборщикъ можетъ набрать въ 1 часъ
 2,000 буквъ, а въ 1 день, работая 10 часовъ, —
 20,000 буквъ. Его правая рука при этомъ должна
 сдѣлать до 20 верстъ.

За свою работу наборщикъ получаетъ, смотря
 по работѣ, сдѣльно, а именно:

по 16 коп. съ каждой 1000 буквъ русск. шриф.

» 18—20 » » 1000 » франц. »

» 22—25 » » 1000 » нѣмец. »

» 25—20 » » 1000 » греч. »

по 20 копѣекъ за такъ называемый «смѣшан-
 ный шрифтъ», напримѣръ, въ книгахъ научнаго
 содержанія, гдѣ встрѣчаются математическія
 формулы, вычисленія и т. п. Рабочій день на-
 борщика 10 часовъ, отъ 8 часовъ утра и до
 8 часовъ вечера: два часа полагается на объ-
 денное время.

Въ день наборщикъ зарабатываетъ отъ 1¹/₂—2 рублей.

«Намъ всѣ равны статейки,
Печатай, разбирай—
Три четверти копѣйки
За строчку намъ отдай».

Наборщикъ никогда не знаетъ отдыха, даже въ заутреню Св. Христова воскресенія онъ корпится въ типографіи, чтобы выпустить праздничный нумеръ газеты. Ночной газетный наборъ оплачивается дороже.

«Хотите ли писать?
Мы вамъ дадимъ сюжеты:
Войдите-ка въ полночь
Въ наборную газеты —
Кромѣшный адъ точь-въ-точь!
Наборщикъ безответный
Красивъ, какъ трубочистъ...
Кто выдумалъ газетный
Безчеловѣчный листъ?»

Приступая къ работѣ, наборщикъ долженъ разобрать наборъ, т. е. по напечатаніи книги или газеты шрифтъ сортируется по кассѣ и снова идетъ въ дѣло. Это отнимаетъ много времени и въ счетъ платы не входитъ.

Дорого обходится человѣку печатное слово. Достаточно присмотрѣться къ быту наборщиковъ—къ этой «свинцовой арміи», чтобы убѣ-

даться, что книгопечатное дѣло, какъ профессіи уносить въ могилу не мало жертвъ.

Чахотка, потеря зрѣнія и свинцовое отравленіе—обыкновенныя профессиональныя болѣзни наборщиковъ. Они подтачиваютъ организмъ исподволь, незамѣтно и ведутъ къ неизбежной преждевременной гибели.

Откуда вербуются наборщики?

Посторонній наблюдатель, слѣдя за работой наборщика, удивляется необыкновенной ловкости и быстротѣ, съ какою производится наборъ. Эта ловкость сразу не дается никому: предварительно надо пройти извѣстную подготовку, чтобы получить навыкъ, сноровку. Всякій наборщикъ, поступивъ въ типографію 13—14-лѣтнимъ мальчикомъ, пріучается къ технику наборъ—въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ. Въ это время онъ «контрактный ученикъ», и жалованія ему платятъ рубля три въ мѣсяць, а то и совсѣмъ не платятъ.

На первыхъ порахъ ученикъ пріучается различать одну литеру отъ другой, что не такъ легко, потому что эти литеры—свинцовыя, сѣроватаго цвѣта и помѣщаются на концѣ свинцоваго четырехгранника. Затѣмъ ему даютъ разсортировать «наборъ», разобрать такъ называемую «сыпь» (тѣ же литеры, случайно выпавшіяся изъ набора), и т. п.; потомъ приступаетъ

къ набору «мелочей», и, наконецъ, набираетъ текстъ.

Замѣтимъ, что у всѣхъ наборщиковъ чрезвычайно тонко развито чувство осязанія на пальцахъ: они различаютъ малѣйшую разницу въ толщинѣ «шпонокъ» и т. п., такъ что въ известномъ смыслѣ можно сказать, что глаза наборщиковъ помѣщаются на концахъ пальцевъ.

Кромѣ «контрактной выучки», для наборщиковъ существуетъ въ Петербургѣ школа печатнаго дѣла, основанная въ 1879 г., подъ покровительствомъ Императорскаго русскаго техническаго общества.

Печатное дѣло, обнимающее собою искусства—типографское, литографское, словолитное, граверное и проч., болѣе другихъ производствъ нуждается въ технической подготовкѣ рабочихъ. Рабочему по печатному дѣлу необходимо основательно знать грамматику, чтобы не допускать грубыхъ ошибокъ; необходимо правильно читать на древнихъ и болѣе употребительныхъ новыхъ языкахъ и понимать научные знаки и термины.

Всѣ эти требованія положены въ программу школы печатнаго дѣла.

Эта школа содержится на средства самихъ же типографщиковъ, и въ ней обучается ежегодно около 50 человекъ. Въ школу поступаютъ мальчики всѣхъ сословій, не моложе 14 лѣтъ и при-

томъ находящіеся на дѣйствительной работѣ въ типографіи. Занятія бываютъ вечернія, отъ 6 до 10 часовъ вечера, т. е. по окончаніи работы въ типографіи.

Тяжела профессія наборщиковъ. Потерявъ человекъ здоровье, лишился зрѣнія, работай около типографскаго станка,—куда ему идти? Гдѣ искать помощи?

Содержатели типографій, въ этомъ случаѣ, умываютъ свои руки. Наборщику остается послѣдовать мудрому совѣту — помогать самому себѣ. На принципѣ взаимопомощи и существуетъ въ Петербургѣ вспомогательная касса типографовъ, которой 1 января 1891 года минуло 25 лѣтъ со дня ея основанія. Въ этой кассѣ участвуетъ до 500 типографщиковъ, преимущественно наборщиковъ. Въ настоящее время капиталъ кассы возросъ до 45,000 рублей. Каждый членъ кассы вноситъ при вступленіи въ нее 2 рубля, и затѣмъ ежемѣсячно по 1 рублю, т. е. по 12 рублей въ годъ.

Участникъ кассы, во время своей болѣзни, или потерявши свое здоровье, получаетъ ежемѣсячное денежное пособіе. Точно также вдовы и сироты наборщиковъ пользуются денежной помощью.

Если наборщикъ, по разстроенному здоровью, не въ состояніи больше работать, то онъ за-

числяется въ разрядъ такъ называемыхъ инвалидовъ, кои получаютъ изъ вспомогательной кассы небольшую ежемѣсячную пенсію. Конечно, все это—въ маленькихъ размѣрахъ.

Денежныя операціи вспомогательной кассы увеличатся, если сами типографщики охотнѣе будутъ поступать въ нее: 500 членовъ, конечно, мало, когда въ Петербургѣ однихъ только наборщиковъ свыше 3,000 человѣкъ.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Дружно—не грузно. Ладъ да согласіе—великое дѣло!

Свинцовая армія.

Въ словолитной мастерской отливаютъ литеры, конми печатаются книги, газеты и т. п. Войдя въ словолитную мастерскую и видя множество рабочихъ—блужняковъ, работающихъ на словолитныхъ ручныхъ машинахъ, разставленныхъ цѣлою вереницею, вы сразу ничего не разберете; надо присмотрѣться, чтобы понять въ чемъ дѣло.

При каждой словолитной машинѣ разведенъ огонь, надъ нимъ чугунный котелокъ, въ которомъ блеститъ расплавленный серебристый свинецъ. Жаръ и угаръ отъ углей, при помощи желѣзной трубы, уносится въ одну общую трубу, которая, въ горизонтальномъ положеніи, подходитъ то къ одной, то къ другой словолитной машинѣ, выходитъ, наконецъ, на улицу.

Прежде чѣмъ отливать литеры, готовится сплавъ или композиція изъ свинца, олова и антимонія.

Приготовление типографскаго металла производится въ особой плавильной печи. Въ углу мастерской помѣщается плавильная печь, выложенная изъ кирпича; въ нее вмазанъ огромный котель, который можетъ вмѣстить до 40 пудовъ свинца.

Въ котель на каждый пудъ свинца кладутъ 8—12 фунтовъ антимоніи и 1 фунтъ олова.

Плавильщикъ, въ кожаномъ передникѣ, зашучивъ свои рукава, приступаетъ къ работѣ: подкладываетъ подъ котель огонь и ждетъ, пока въ котлѣ не появится серебристая жидкая масса. Отъ расплавленнаго свинца такъ и пышетъ жаръ. Зачерпнувши ковшомъ, свинецъ переливаютъ въ чугунныя формы, кои формуютъ его въ видѣ небольшихъ кирпичей. Когда типографскій металлъ остынетъ, то онъ готовъ и можетъ идти въ дѣло. Теперь настаетъ очередь словолитчика. Плавильщикъ въ плавильной печи приготовляетъ сплавъ, а словолитчикъ изъ этого сплава отливаетъ литеры.

Какъ же отливаются литеры?

Литеры, коими печатаются книги, имѣютъ видъ четырехгранника около вершка длиною, на одномъ концѣ этого четырехгранника—рельефная буква, такъ что каждая литера состоитъ изъ четырехграннаго столбика (кегель) и коронки, т. е. самой буквы. При отливѣ собственно

важна самая буква, отъ размѣра и вида которой зависитъ разнообразіе прифтовъ. Для отливки литеры необходимо имѣть: пунсоны, матрицы, типографскій металлъ и словолитную машину.

Пунсонъ—остроконечный стальной штемпель, коимъ выбиваютъ или, правильнѣе, выдавливаютъ «очко», т. е. литеру.

Матрица есть не что иное, какъ четырехгранной формы кусокъ мѣди, въ которой выдвлена буква.

Если мы возьмемъ четырехгранную стальную трубку, къ одному концу этой трубки плотно приставимъ матрицу и въ трубку нальемъ расплавленнаго свинца, то черезъ нѣсколько секундъ свинецъ остынетъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ свинецъ соприкасается съ матрицей, онъ заполнитъ всѣ ея углубленія, такъ что образуется рельефная литера.

Свинецъ вливается въ формочки при помощи весьма остроумнаго приспособленія, особой помпы, приводя которую въ движеніе, рабочій гонитъ свинецъ въ словолитную форму.

Устройство помпы, въ общихъ чертахъ, легко понять, если вообразите обыкновенный чайникъ, налитый до верху водой. Нажмите крышку чайника, и вода польетъ изъ носка чайника. Помпа, выходной каналъ для свинца и матрица—все это вмѣстѣ составляетъ словолитную машину.

Взявшись за рычагъ и нажимая поршнемъ на помпу, мастеръ то и дѣло гонить расплавленный свинецъ по узенькому каналцу въ форму для литеры: здѣсь свинецъ моментально остываетъ.

Затѣмъ форма раскрывается, и отлитая литера падаетъ внизъ, на желѣзную доску, на которой утверждена машина, откуда мастеръ подбираетъ ее и бросаетъ въ общую кучу. Отливка производится очень быстро, машинально: когда рычагъ нажимаютъ внизъ, литера отлита; когда рычагъ поднимутъ вверхъ, литера, еще не вполне остывшая, выбрасывается прочь.

Только что отлитая литера бываетъ горяча, какъ уголь.

Чтобы судить, съ какою быстротою отливаютъ литеры, замѣтимъ, что мастеръ, работая на словолитной машинѣ втеченіе дня, отливаетъ отъ 10,000 до 20,000 литеръ.

Отлитая и остывшая литера поступаетъ въ руки слѣдующаго рабочаго, извѣстнаго подъ именемъ «ломщика». Ломщикъ отламываетъ отъ литеры такъ называемую «гузку», т. е. лишній придатокъ свинца, неизбѣжный при отливкѣ.

Ломщиками бываютъ, преимущественно, мальчики—«ученики». Работа ихъ очень простая, не требующая ни особаго физическаго усилія,

ни особой сметки: сиди себѣ да отламывай нитевидныя сосульки свинца. Ломщикъ втеченіе дни въ состояніи перебрать отъ 17,000 до 30,000 литеръ.

Обломки бросаютъ въ особую кучу и снова идутъ въ дѣло—на отливку.

Послѣ ломщика наступаетъ очередь шлифовщика, который шлифуетъ литеры, удаляя съ нихъ разныя неровности, шероховатости и т. п.

Работа шлифовщика — самая убійственная, низводящая человѣка на степень машины. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ рабочаго, сидящаго возлѣ каменной плиты. Плита лежитъ на столѣ. Съ лѣвой стороны, на столѣ, навалена куча литеръ, которыя предстоитъ отшлифовать. Взявъ въ руки первую попавшуюся литеру, шлифовщикъ третъ ее объ доску, перевортываетъ литеру на другую сторону и снова третъ ее, пока она не отшлифуется окончательно. Все это онъ продѣлываетъ съ такою быстротою, съ такою ловкостію, что вы едва успѣваете слѣдить за его работой. Видно только, какъ онъ правой рукой дѣлаетъ большіе размахи по каменной плитѣ и слышно треніе при шлифовкѣ литеры объ камень. Но зато совсѣмъ не замѣтите, какъ онъ перевортываетъ литеру съ одной стороны на другую: это дѣлается ловко, быстро, незамѣтно.

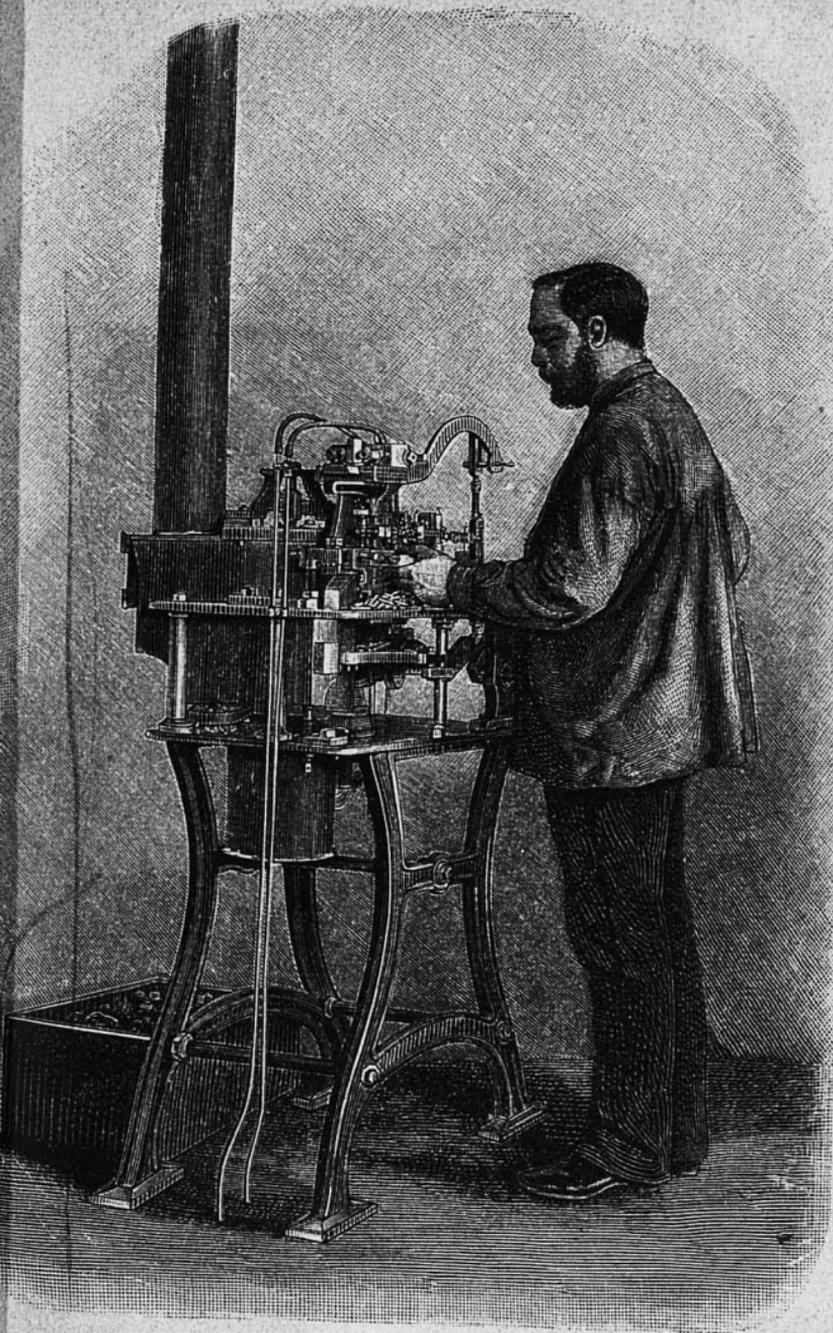
Вообще всё движеніе шлифовщика до того походи другъ на друга, до того автоматичны что, глядя на него, вы невольно подумаете, что передъ вами—живой автоматъ.

Чтобы руки не истрепались до крови объ каменную плиту, шлифовщики во время работы надѣваютъ кожаныя перчатки. Но не въ этомъ сила. Отъ шлифовки въ воздухѣ постоянно носится мельчайшая свинцовая пыль, которою дышать шлифовщики. Предохраняя свои пальцы, шлифовщики никакъ не могутъ предохранить свои «легкія» отъ свинцовой пыли и медленно, исподволь, отравляются ею. Достаточно взглянуть на блѣдную изможденную физиономію шлифовщика, чтобы понять это.

Шлифовщикъ шлифуетъ въ день отъ 15,000 до 30,000 литеръ.

Послѣ шлифовщика, литеры поступаютъ къ наборщику: ихъ набираютъ въ верстать, гдѣ онѣ и стоятъ плотно другъ къ дружкой. Теперь эту «свинцовую армію» надо выравнять, чтобы всѣ литеры были одинаковой высоты, чтобы «кегель» одной литеры не возвышался надъ другой: этимъ дѣломъ занимается отдѣльвальщикъ.

Замѣтимъ, что всѣ литеры, не смотря на разнообразіе прифтовъ, имѣютъ постоянную установленную высоту: строчная ли буква, прописная ли—все равно высота «кегля» одинакова.

Словолитчикъ.

Равненіе литеръ достигается скобленіемъ и струганіемъ ихъ стальнымъ рубанкомъ. Обстругавъ цѣлую верстатку литеръ, мастеръ вынимаетъ изъ нея какую нибудь литеру и пригоняетъ ее къ «типометру», т. е. мѣряетъ высоту литеры, чтобы она была не выше, не ниже установленной нормы.

Послѣ отдѣлывальщика, браковщикъ бракуетъ нѣкоторыя неудавшіяся литеры.

Когда все это продѣлано, «свинцовая армія» готова, ее можно пустить въ дѣло, т. е. въ типографскій станокъ.

Литеры упаковываются въ пачки, для чего опять-таки требуется особый рабочій—упаковщикъ.

Такимъ образомъ, производство литеры проходитъ черезъ руки: рисовальщика, пунсонщика, юстировщика, плавильщика, словолитчика, ломщика, шлифовщика, наборщика, отдѣлывальщика, браковщика и упаковщика — рисовальщикъ нарисуетъ литеру, пунсонщикъ выгравнируетъ ее на штемפלѣ, юстировщикъ сдѣлаетъ матрицу, плавильщикъ приготовитъ типографскій металлъ, словолитчикъ отольетъ, ломщикъ удалитъ прочь все лишнее, шлифовщикъ отшлифуетъ, наборщикъ наберетъ въ верстать, отдѣлывальщикъ выравниваетъ, браковщикъ выкинетъ вонъ плохія литеры, и, наконецъ, упаковщикъ

запакуеть въ пачки. Всѣ они работаютъ одновременно, безостановочно, и литера совершаетъ поступательное движеніе впередъ, пока не достигнетъ установленной нормы, образца.

Богатство всякой словолитни составляютъ матрицы.

Для *каждаго* русскаго шрифта требуется 106 матриць, что видно изъ слѣдующей таблицы:

для строчныхъ буквъ .	36	матриць
» прописныхъ » .	36	»
» цифръ съ № . . .	11	»
» знак. препинанія .	14	»
Да кромѣ того, капитель	9	»

Итого. . 106 »

Для французскаго шрифта требуется 96 матриць.

Если словолитня имѣеть, положимъ, 100 разныхъ шрифтовъ, то для этого необходимо по крайней мѣрѣ 20,000 матриць, что составитъ капиталъ, потому что каждая матрица стоитъ приблизительно 1—2 рубля.

Что касается цѣны шрифтовъ, то она бываетъ разная, смотря по величинѣ шрифта: мелкій шрифтъ цѣнится дороже, крупный—дешевле.

Самый дорогой шрифтъ такъ называемый діамантовый, мельчайшій изъ всѣхъ шрифтовъ:

только хорошіе глаза могутъ читать его безъ лупы. Этотъ шрифтъ, надо полагать, хорошо извѣстенъ фальшивымъ монетчикамъ и поддѣльвателямъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, потому что на каждой «кредиткѣ», на оборотѣ, діамантовымъ шрифтомъ отпечатаны три пункта, изъ коихъ третій спеціально относится до поддѣльвателей фальшивыхъ кредитокъ.

Діамантовый шрифтъ продается на фунты, тогда какъ прочіе шрифты—на пуды. Въ 1 фунтѣ діамантоваго шрифта насчитывается отъ 800 до 1,000 литеръ, и стоитъ онъ 5 руб. за 1 фунтъ.

Нонпарель — тоже довольно мелкій шрифтъ, продается по 48 рублей за 1 пудъ: въ немъ 25,000 литеръ.

Петить— 20 рублей за 1 пудъ—20,000 литеръ.

Цицero, обыкновенный книжный шрифтъ, 15 рублей за 1 пудъ, самый дешевый шрифтъ, въ немъ только 8,000 литеръ. Кромѣ упомянутыхъ шрифтовъ, есть еще много другихъ, въ разныя цѣны, невыходящія, однако, изъ указанныхъ предѣловъ. И наконецъ, такъ называемые «матеріалы для печати»: квадраты, полуквадраты, «бабашки» для пробѣловъ, шпаціи (для пробѣловъ между словами), шпоны (для пробѣловъ между строками)—отъ 10 до 20 руб. за 1 пудъ.

Любопытно, что словолитчикамъ и наборщикамъ въ своей практикѣ пришлось наткнуться

на нѣкоторыя фонетическія особенности русскаго языка.

Спросите записнаго грамматика, какой наиболѣе употребительный звукъ въ русской рѣчи, и онъ станетъ втупикъ. Тогда какъ каждый наборщикъ вамъ скажетъ, что наиболѣе употребительные звуки въ русской рѣчи слѣдующіе: гласные — *о, а, и, е*; согласныя — *н, с, т, р*.

Сообразно этому закону, и литеры этихъ звуковъ лежатъ въ шрифтъ-кассѣ ближе къ рукѣ наборщика, какъ наиболѣе ходкія.

По требованію наборщика, и словолитчикъ отливааетъ однихъ литеръ больше, другихъ — меньше, такъ что въ каждой словолитной мастерской имѣется буквенная таблица, сколько какихъ буквъ слѣдуетъ отливать.

Это на жаргонѣ словолитчиковъ называется «смѣной» или «комплектъ».

Напримѣръ, для шрифта № 10 (корпусъ газетный), на 10 пудовъ, словолитчикъ отливааетъ:

о 7,500 литеръ.

е 5,500 »

а, и, н, т . . . по 5,000 »

в, с, ъ, ы . . . » 4,000 »

р 3,500 »

к, л по 3,000 »

д, у » 2,500 »

Затѣмъ остальные буквы, отъ 1,000 до 2,000

каждая, за исключеніемъ ф, э, е, коихъ отливаютъ отъ 200 до 700 литеръ каждую. Спросъ на о и у наборщиковъ самый ничтожный и помѣщаются эти двѣ литеры на задворкахъ шрифтъ-кассы.

Если всѣ эти литеры сосчитать, то на 10 пудовъ газетнаго корпуса получится 105,000 литеръ, кои и представляютъ собою, такъ сказать, батальонъ «свинцовой арміи».

До сихъ поръ мы говорили о способѣ производства литеръ, и ни слова не упоминали о размѣрахъ производства этой свинцовой арміи.

Болѣе или менѣе близкое знакомство съ нѣкоторыми петербургскими словолитнями проливаетъ свѣтъ на эту невѣдомую область печатнаго дѣла. Вообще говоря, словолитня и типографія связаны между собою, такъ сказать, органически. Подымается въ гору книгопечатаніе, усиленно работаетъ и типографія—и даетъ работу словолитнѣ. Принимая во вниманіе, что книгопечатаніе изъ года въ годъ развивается, растетъ, можно сказать, что всѣ словолитны имѣютъ хорошую будущность. Впрочемъ, и теперь петербургскія словолитни работаютъ на славу, тѣмъ болѣе, что словолитенъ мало, а типографій много; къ тому же эти словолитни изготовляютъ «свинцовую армію» не только для

петербургскихъ типографій, но и для провинціальныхъ.

Въ старыя добрыя времена при каждой типографіи была и своя словолитня; но потомъ уже произошло раздѣленіе труда—для пользы книгопечатнаго дѣла.

Въ Петербургѣ, кромѣ словолитенъ при казенныхъ типографіяхъ, насчитывается 6 словолитенъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, а именно, словолитни — Лемана, Гольдберга, Франца-Марка, Ж. Росса, Щербакова и Вольфа.

Казенныя словолитни находятся при слѣдующихъ типографіяхъ: Синодальной, Сенатской, Главнаго штаба, Морского министерства, Министерства внутреннихъ дѣлъ и Академической типографіи.

Казенныя словолитни удовлетворяютъ потребностямъ собственныхъ типографій. Частныя словолитни работаютъ на заказъ.

Словолитное дѣло въ Петербургѣ находится въ рукахъ нѣмцевъ: хозяева словолитенъ—нѣмцы, словолитные мастера—тоже нѣмцы, и только рабочая сила—русскіе.

Нѣкоторыя петербургскія словолитни развили свое производство до громадныхъ размѣровъ. Изъ нихъ пальма первенства принадлежитъ словолитнѣ г. Лемана, старѣйшей въ Россіи. Она существуетъ съ 1854 года, и имѣетъ на

вывѣскѣ государственный гербъ «за трудолюбіе и искусство», и кромѣ того, семь почетныхъ дипломовъ отъ разныхъ выставокъ. На послѣдней парижской всемірной выставкѣ фирма экспонировала свои издѣлія. Представитель фирмы избранъ былъ экспертомъ международной комиссіи по словолитному производству.

При 150 рабочихъ, словолитня имѣетъ 30 словолитныхъ машинъ ручныхъ и 12 машинъ паровыхъ, новѣйшей конструкціи; всѣ эти машины вырабатываютъ свыше 500,000 литровъ ежедневно. Паровая словолитная машина замѣняетъ собою всѣхъ рабочихъ, необходимыхъ при отливкѣ литеры. Машина всю литеру выдѣлываетъ сама: отливаетъ, шлифуетъ, ровняетъ, укладываетъ въ верстатку и т. д. Литеры безконечною вереницею выходятъ другъ за дружкой — совсѣмъ готовые. Рабочій только подкладываетъ въ котелокъ типографскій металлъ.

Словолитня имѣетъ слѣдующіе отдѣлы: словолитное, граверное, мѣдно-литейное, стереотипное, гальванопластическое и столярное. Годовое производство словолитни простирается отъ 6,000 до 7,000 пудовъ литеръ, что составитъ приблизительно (считая 1 пудъ литеръ, среднимъ числомъ, въ 25 рублей) на сумму 200,000 рублей; при этомъ вовсе не входитъ въ расчетъ гальванопластическое, стереотипное и столярное произ-

водства. Литеры идутъ не только въ Петербургъ, но и въ Москву, провинціальные города, Восточную Сибирь, — въ Хабаровку, Благовѣщенскъ и даже на островъ Сахалинъ, гдѣ также имѣется типографія. Петербургъ является главнымъ производителемъ литеръ на всю Россію. Словолитня г. Лемана имѣеть въ Москвѣ складъ литеръ на сумму 50,000 рублей. Провинціальные типографіи выписываютъ словолитный матеріалъ изъ Петербурга и Москвы. Въ Петербургѣ въ словолитнѣ г. Лемана имѣется запасъ литеръ въ 10,000 пудовъ, т. е. на 250,000 рублей. Эта словолитня изготовляетъ и пунсоны, и матрицы. Выдѣлка пунсоновъ—самая кропотливая работа, требующая необыкновенной усидчивости и тщательности отдѣлки.

Гравированіе на стали требуетъ 2—3 дня для одной только литеры. Самый искусный граверъ въ теченіе года успѣваетъ сработать 2—5 шрифтовъ, т. е. около 500 литеръ. Для пунсоновъ выбирается крѣпкая сталь «безъ раковинъ» и «безъ пленокъ», какъ говорятъ мастера—пунсонщики. Если въ стали находится ничтожная скважина, видимая въ лупу, сталь не годится.

При такой медленной работѣ, приходится дѣлать заказы и заграничнымъ пунсонщикамъ—граверамъ.

Въ Парижѣ для Петербурга работаетъ, на-
примѣръ, гравёръ Генафть, а въ Лондонѣ—гра-
веръ Мэй.

Отъ пунсонщика требуется художественное
чутье и пониманіе законовъ симметріи — при
гравированіи буквъ, различныхъ украшеній и т. п.

Одинъ изъ пунсонщиковъ въ слолитнѣ г. Ле-
мана занимается гравированіемъ пунсоновъ
свыше 25 лѣтъ и имѣетъ академическую медаль
«за усердіе». Это — пожилой старикъ, посѣдѣвшій
за гравированіемъ. Цѣлый день онъ проводитъ
согнувшись за рабочимъ столомъ, со штихелемъ
или напилкомъ въ одной рукѣ и лупой — въ дру-
гой. Для гравированія на стали употребляется
до 20 разныхъ штихелей и напилковъ.

Нѣкоторые элементы мелкихъ литеръ до того
малы, что ихъ приходится разсматривать при
помощи лупы.

Очертаніе литеры прежде всего выцарапы-
вается на стали — иголкой, и затѣмъ присту-
паютъ къ гравированію. Самый простой эле-
ментъ — точка (знакъ препинанія), коихъ въ
рабочій день можно сдѣлать штукъ до 20.
Наибольшей усидчивости требуетъ буква *ж*,
за которой просидишь и день, и два.

Пунсонщики въ словолитныхъ мастерскихъ
являются главными законодателями въ области
шрифтовъ. Каждый вѣкъ имѣетъ свой харак-

терный шрифтъ. Подъ вліяніемъ времени, шрифты видоизмѣняются такъ же, какъ и одежда человѣка по требованію капризовъ моды. Въ старину, напримѣръ, шрифты были «жирные», нынче они отличаются subtilностью. Еще недавно шрифтъ былъ продолговатый, вытянутый, нынче замѣтно стремленіе въ ширь, на подобіе квадрата. Прежде въ шрифтѣ господствовала пестрота, современные словолитчики стремятся къ простотѣ и единообразію, что придаетъ шрифту выраженіе спокойствія, какъ говорятъ пунсонщики.

При всемъ томъ, никогда разнообразіе формъ шрифтовъ не достигало до такихъ размѣровъ, какъ въ наше время. Достаточно сказать, что въ иной большой словолитнѣ насчитывается 500 нумеровъ титульныхъ шрифтовъ, да около 100 нумеровъ строчныхъ шрифтовъ для отливки коихъ потребно до 100,000 матрицъ. Во всякой словолитнѣ имѣется книга съ образцами шрифтовъ и съ обозначеніемъ соотвѣтствующихъ цѣнъ. Заказчикъ выбираетъ шрифтъ, какой ему нравится.

При гравированіи литеръ, у пунсонщиковъ имѣются свои правила, коихъ они строго придерживаются, напримѣръ, закругленные элементы у всѣхъ литеръ должны быть одинаковы, буквы *m* или *и* въ 2 раза шире буквы *n* или *н*;

прописныя буквы на $\frac{1}{3}$ возвышаются надъ строкой и т. п.

Когда литеры поступаютъ въ типографію, то онѣ размѣщаются по шрифтъ-кассамъ, пуда по 2—3 въ каждую шрифтъ-кассу. Для набора какой-нибудь «большой газеты», надо имѣть отъ 50 до 100 пудовъ шрифта.

Количество буквъ въ печатномъ листѣ бываетъ весьма различно, начиная отъ 20,000 и доходить до 100,000 и болѣе буквъ въ 1 печатномъ листѣ. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіи Глѣба Успенскаго, изданіе Павленкова, 1889 г., въ каждомъ печатномъ листѣ 85,000 буквъ. Счетъ буквъ въ печатномъ листѣ производится такъ: берутъ средней величины букву *и* и, набравъ строку, высчитываютъ, сколько буквъ будетъ въ строкѣ, затѣмъ помножаютъ на число строкъ въ страницѣ и полученное произведеніе помножаютъ на 16 — число страницъ въ 1 печатномъ листѣ.

По мѣрѣ того, какъ съ «набора» дѣлаютъ оттиски, шрифтъ начинаетъ мало-по-малу портиться: онъ незамѣтнымъ образомъ сплющивается, стаптывается и наконецъ становится негоднымъ для полученія дальнѣйшихъ оттисковъ, такъ что и для шрифта есть извѣстный предѣлъ.

Сколько же оттисковъ можетъ вынести шрифтъ?

Это зависитъ отъ величины литеръ: чѣмъ литеры крупнѣе, тѣмъ шрифтъ устойчивѣе. Можно положить, что шрифтъ выносить отъ 100,000 до 500,000 оттисковъ, послѣ чего онъ становится негоднымъ и снова поступаетъ въ словолитню, гдѣ его покупаютъ уже какъ типографскій металлъ по 3—4 рубля за 1 пудъ. Типографскій «ломъ» переливаютъ и снова пускаютъ въ дѣло—на литеры.

Ради экономіи шрифта, въ типографіи существуетъ стереотипія.

Стереотипіей называется искусство получать точную копию съ «набора».

Это дѣлается такъ. Когда текстъ набранъ, то на «наборъ» кладутъ влажный тонкій листъ бумаги и затѣмъ особой щеткой начинаютъ бить по этому бумажному листу; вслѣдствіе чего бумажный листъ плотно прильнетъ къ «набору», на бумагѣ получатся всѣ выпуклости набора—до мельчайшихъ подробностей. На этотъ листъ такимъ же образомъ послѣдовательно накладываютъ еще нѣсколько листовъ, напримѣръ, числомъ до десяти, пока не получится стереотипный картонъ, который вполне рельефно воспроизводитъ «наборъ». Теперь если этотъ стереотипъ повернуть нижней стороной наверхъ и налить на него, при помощи особаго приспособленія, расплавленнаго типографскаго

металла, то этотъ послѣдній мгновенно засты-
веть—и получится стереотипная металлическая
доска, до мельчайшихъ подробностей воспроизво-
дящая наборъ. Если копию (стереотипъ) поста-
вить рядомъ съ оригиналомъ (наборъ), то нѣтъ
возможности отличить одно отъ другого. Разница
та, что стереотипъ представляетъ сплошную
металлическую доску, а наборъ составленъ изъ
отдѣльныхъ литеръ. Чтобы сохранить шрифтъ отъ
порчи, наборъ текста замѣняютъ стереотипомъ,
который если и собьется, то его снова можно
пустить въ дѣло: стоитъ только перелить.

Подобно тому, какъ богатство словолитни со-
ставляютъ матрицы, такъ точно богатство ти-
пографіи заключается, между прочимъ, въ изо-
биліи шрифтовъ.

Наши провинціальныя типографіи вообще
бѣдны шрифтами. Болѣе или менѣе порядочная
типографія въ Петербургѣ имѣетъ сотни и даже
тысячи пудовъ разныхъ сортовъ шрифта. Про
большія типографіи и говорить нечего. Такъ,
напримѣръ, одна изъ старѣйшихъ петербургскихъ
типографій, г. Граншеля, при 12 скоропечатныхъ
машинахъ, насчитываетъ до 3,000 пудовъ
шрифтовъ. Мелкія типографіи обходятся нѣсколь-
кими десятками пудовъ шрифта.

Образцы гражданского шрифта—

для печатанія книгъ, газетъ, брошюръ, журналовъ и т. п.

Кегль № 6. Нонпарель обыкновенный.

Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще, въ предѣлахъ Имперіи и губерній Царства Польскаго, сосредоточивается въ Мин. Внутреннихъ Дѣлъ.

Кегль № 8. Петить обыкновенный.

Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще, въ предѣлахъ Имперіи и губерній Царства Польскаго, сосредоточ

Кегль № 10. Корпусъ плотный.

Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще, въ предѣлахъ Имперіи и губерній Царства Польскаго....

Кегль № 11. Цицero обыкновенный.

Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще, въ предѣлахъ Имперіи и губерній цар

Кегль № 12. Цицero обыкновенный.

Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще, въ предѣлахъ Имперіи и губерній

Кегль № 16. Терція обыкновенная.

Завѣдываніе дѣлами цензуры

Кегль № 16. Терція эльзевирь.

**Изобрѣтеніе книгопечатанія во-
все не столь ново, какъ обыкновен**

Кегль № 8. Курсивъ петить.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не столь ново, какъ

Кегль № 10. Курсивъ корпусь.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не столь

Кегль № 11. Курсивъ цицero.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не столь

Кегль № 12. Курсивъ цицero.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не

Кегль № 16. Курсивъ терція.

Изобрѣтеніе книгопечатанія во

Кегль № 8. Петить древній.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не столь ново, какъ об

Кегль № 12. Цицero древній.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не столь

Кегль № 10. Корпусь англійскій.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не столь ново

Кегль № 11. Цицero египетскій.

Изобрѣтеніе книгопечатанія вовсе не

Кегль № 16. Терція скелетный.

ЮАННЪ ГУТТЕНБЕРГЪ РОДИЛСЯ ВЪ МАЙНЦЪ.

Кегль № 16. Терція египетская тонкая.

СЛОВИТНСЕ ДѢЛО ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Кегль № 20. Цвѣтной.

НОВОЕ ВРЕМЯ.

Кегль № 28. Этьень.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

Кегль № 36. Обыкновенный.

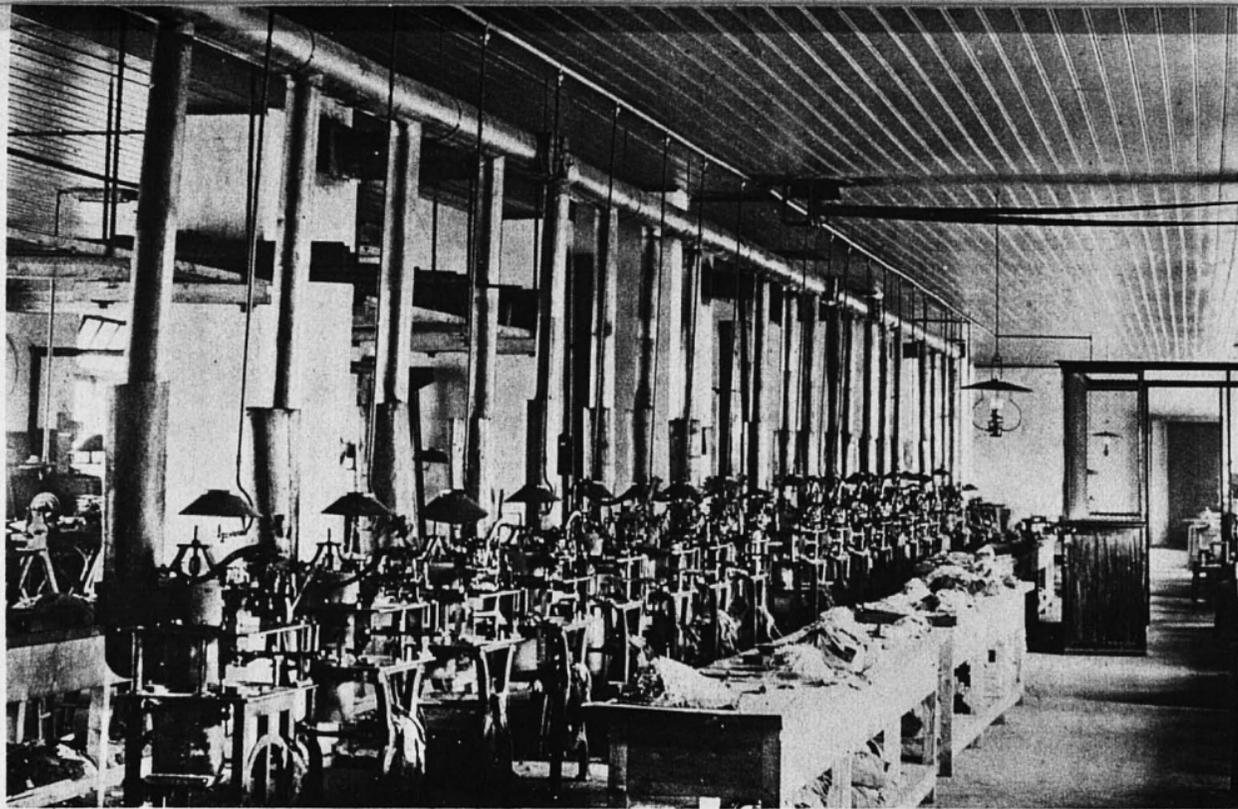
НИКОЛАЕВСКЪ.

Кегль № 48. Итальянскій.

НОВОЧЕРКАССКЪ

Кегль № 48. Скелетный.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

Общій видъ словолитни Р. И. Леманъ, въ С.-Петербургѣ.
(Ручныя машины).

Типографія.

Нюбопытно ознакомиться съ процессомъ производства книгъ. Сколько рукъ пройдетъ книга, прежде чѣмъ она попадаетъ въ руки читателя?

Во всякой большой типографіи имѣются слѣдующія отдѣленія: «наборная», «машинное отдѣленіе», «брошюровочная» и переплетная мастерская.

Когда рукопись принесена въ типографію, она поступаетъ въ руки фактора, который опредѣляетъ, во что обойдется ея печатаніе. Для этого онъ спрашиваетъ у автора, или самъ вычисляетъ, приблизительно, сколько въ рукописи будетъ печатныхъ листовъ, и въ какомъ количествѣ экземпляровъ предполагается выпустить изданіе. Обращается вниманіе и на качество бумаги. На основаніи всего этого, факторъ составляетъ смѣту или счетъ — за напечатаніе книги, куда, между прочимъ, входятъ слѣдующіи

рубрики: 1) наборъ, 2) печать, 3) гласировка, 4) брошюровка и 5) стоимость печатной бумаги.

Затѣмъ факторъ отдаетъ рукопись метранпажу, который, помѣтивъ страницы рукописи, раздаетъ ее наборщикамъ—полистно или по частямъ, для чего рукопись расшивается или распарывается. Метранпажъ — душа наборщиковъ и командиръ ихъ. Для одного наборщика набрать цѣлую книгу было бы очень мѣшкотно. Если же эту книгу набираютъ сразу нѣсколько наборщиковъ, то дѣло идетъ быстро, живо. На авторской рукописи, на страницахъ, прописываются фамиліи наборщиковъ—кто какую часть рукописи набиралъ. По мѣрѣ того, какъ наборщики набираютъ, метранпажъ верстаетъ наборъ по страницамъ или на полосы, какъ выражаются наборщики. Отъ каждаго наборщика метранпажъ собираетъ по порядку наборъ, въ видѣ гранокъ или колоннокъ, соединяетъ вмѣстѣ и раздѣляетъ на страницы. Цѣлый день метранпажъ возится съ колоннами свинцовой арміи и даетъ имъ надлежащее движеніе, каждой колоннѣ указываетъ свое мѣсто. Единичный трудъ каждаго наборщика метранпажъ суммируетъ въ общій итогъ, и притомъ слѣдитъ, чтобы при верстаніи не произошло бы какой-нибудь ошибки, чтобы, на примѣръ, конецъ рукописи не очутился въ началѣ и т. п.

Метранпажъ самъ не набираетъ, онъ только верстаетъ. За свою работу, съ каждой 1,000 буквъ, метранпажъ получаетъ на 4—7 копѣекъ больше, чѣмъ получаетъ наборщикъ, т. е., если, наборщикъ, напримѣръ, получаетъ по 16 копѣекъ съ 1,000 буквъ, то метранпажъ—по 23 копѣйки съ той же 1,000 буквъ.

Въ нѣкоторыхъ типографіяхъ метранпажъ работаетъ на жалованьи, помѣсячно.

Метранпажъ производитъ и расчетъ съ наборщиками. За недѣлю онъ высчитываетъ заработокъ каждаго наборщика и представляетъ свѣдѣнія управляющему типографіи для уплаты недѣльнаго заработка. Расчетъ бываетъ по субботамъ.

Приступая къ набору, наборщикъ съ благодарностью вспомнеть автора, если рукопись написана ясно, отчетливо.

Нерѣдко встрѣчаются рукописи, написанныя небрежно, каракулями или мелкими буквами, почти бисеромъ, что отнимаетъ у наборщика много времени на прочтеніе ихъ. За такія рукописи наборщики берутся неохотно, чтобы не терять времени даромъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ Петербургѣ во всѣхъ типографіяхъ наборщики работаютъ стоя. Въ «наборной» не найдете ни одного стула или скамейки. Простоять за работой цѣлый день

на ногахъ, конечно, тяжело: устаютъ ноги и спина.

Содержатели объясняютъ этотъ порядокъ тѣмъ, что будто бы наборщикамъ удобнѣе работать стоя, нежели сидя, что имъ, въ противномъ случаѣ, пришлось бы часто соскакивать съ сидѣнья, доставая какую-нибудь букву изъ крайняго отдѣленія шрифтъ-кассы. На это можно возразить тѣмъ, что слѣдуетъ сдѣлать сзади наборщиковъ — упоры, которые значительно облегчали бы ежедневное стояніе наборщика.

Въ нѣкоторыхъ заграничныхъ типографіяхъ, напримѣръ, американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, наборщикъ, входя въ типографію, въ наборное отдѣленіе, переодѣвается донага въ рабочій костюмъ. Выходя изъ типографіи, онъ переодѣвается снова въ свою домашнюю одежду. Это переодѣваніе практикуется въ тѣхъ видахъ, чтобы наборщики не приносили изъ типографіи къ себѣ домой, вмѣстѣ съ своею одеждою, свинцовую атмосферу...

Когда часть рукописи набрана и сверстана, метранпажъ несетъ наборъ къ «тискальщику», который на особомъ корректурномъ станкѣ получаетъ первый корректурный оттискъ и притомъ въ единственномъ экземплярѣ. Такимъ образомъ, съ рукописью автора произошла первая метаморфоза: она предана тисненію.

Прошли тѣ времена, когда «печатный листъ казался святымъ», нынѣ въ область печати все болѣе и болѣе вторгаются разныя темныя силы, которыя роняютъ уваженіе къ печатному слову, отнимаютъ силу у свинцовой арміи.

Но все-таки тискальщикъ, предавая рукопись первому тисненію, дѣлаетъ нѣчто важное: индивидуальная скоропись обезличивается работою свинцовой арміи—печатное слово имѣетъ болѣе вѣсу, нежели рукописное.

Первый пробный оттискъ отсылаютъ къ автору—для корректуры.

Когда корректура исправлена, наборъ изъ наборнаго отдѣленія поступаетъ въ машинное или печатное отдѣленіе.

Прежде чѣмъ приступить къ печатанію, надо приготовить бумагу—надо ее вымочить, чтобы она была влажная и хорошо воспринимала типографскую краску. Этимъ дѣломъ занимается мочильщикъ. Онъ работаетъ въ особой комнатѣ, около большого корыта (изъ цинковаго желѣза), наполненнаго водою. Взявъ въ руки двѣ драмки и защемивъ между ними отъ 10 до 20 и болѣе печатныхъ листовъ, мочильщикъ погружаетъ бумагу въ корыто, размахивая рукою направо и налево, какъ это дѣлаютъ прачки, когда полощутъ бѣлье, и складываетъ бумагу въ особую кучу. Мало по малу бумага начи-

наеть промокать, такъ-что часовъ черезъ пять даже срединные листы становятся влажными.

Изъ мочильни бумага поступаетъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ цѣлыми вереницами стоятъ скоропечатныя машины, приводимыя въ движеніе при помощи безконечныхъ ремней общимъ паровымъ двигателемъ.

При печатаніи книгъ скоропечатныя машины работаютъ со скоростью 800—1,200 оттисковъ въ 1 часъ.

Наиболѣе существенную часть въ печатной машинѣ составляетъ «талеръ» — движущаяся назадъ и впередъ платформа, на которую, въ желѣзной рамѣ, кладется приготовленный для печати шрифтъ, наборъ. Во время движенія талера впередъ, особые валики покрываютъ литеры типографскими чернилами, послѣ чего «талеръ» подкатывается подъ цилиндръ, на которомъ движется листъ бѣлой бумаги. Шрифтъ оттискивается на немъ и затѣмъ катится на талерѣ назадъ, а полученный оттискъ принимается на особыя «тесмы». Такимъ же способомъ печатаются и всѣ послѣдующіе оттиски. Это и есть — печатаніе.

Кромѣ мастера, около каждой скоропечатной машины работаютъ двое рабочихъ: «накладчикъ» и «пріемщикъ».

Накладчикъ, стоя на подножкѣ, на верху,

то и дѣло накладываетъ на цилиндръ листъ чистой бумаги; соотвѣтственно этому, пріемщикъ принимаетъ съ тесьмы отпечатанный листъ и откладываетъ въ сторону. И пріемщикъ, и накладчикъ работаютъ съ одинаковой скоростью: сколько накладчикъ положитъ на цилиндръ листовъ, столько пріемщикъ долженъ ихъ принять. Печатаніе происходитъ довольно быстро, такъ-что накладчикъ и пріемщикъ работаютъ непрерывно.

Красочные валики, числомъ до 8, соприкасаясь другъ съ другомъ, двигаются по разнымъ направленіямъ, растираютъ типографскую краску (чернила) и покрываютъ ею шрифтъ. Скоропечатная машина, печатая 1,200 экземпляровъ въ 1 часъ, при 10-ти часовой работѣ въ день, пожираетъ отъ 9 — 12 фунтовъ типографской краски, что приходится на 12,000 экземпляровъ текста.

Печатный мастеръ наблюдаетъ, хорошо ли машина печатаетъ. Какъ только отпечатаютъ первый оттискъ на машинѣ, мастеръ кладетъ его къ себѣ на столъ, переворачиваетъ на другую сторону, и смотритъ — равномерно ли тисненіе.

Такъ какъ цилиндръ или барабанъ, на который кладется листъ бумаги, въ дѣйствительности, не можетъ имѣть совершенно правильную математическую кривую поверхность,

то на дѣлѣ и происходитъ, что въ одномъ мѣстѣ барабанъ надавливаетъ на шрифтъ сильнѣе, въ другомъ—слабѣе, вслѣдствіе этого и тисненіе на бумагѣ вначалѣ происходитъ неравномѣрно. Опытный глазъ печатнаго мастера тотчасъ же это замѣчаетъ. Въ одномъ мѣстѣ оттиска буквы—ясныя, четкія, въ другомъ—нѣсколько блѣдныя, тусклыя. Чтобы поправить дѣло, мастеръ производитъ такъ называемую «приправку формъ набора». Она состоитъ въ томъ, что на тѣ части барабана, которыя слабо оттискиваютъ, наклеиваютъ куски бумаги. Но чтобъ не портить барабана, «приправку» дѣлаютъ на самомъ пробномъ оттискѣ: въ одномъ мѣстѣ наклеиваютъ листы бумаги, въ другомъ, напротивъ, вырѣзываютъ ту часть оттиска, гдѣ получилось жирное тисненіе, и затѣмъ пробный оттискъ наклеиваютъ на барабанъ — соотвѣтственно тому, какъ онъ лежалъ при полученіи перваго оттиска. Вслѣдствіе подобной манипуляціи, поверхность барабана выравнивается, и дальнѣйшіе оттиски получаются равномѣрнѣе. Когда вы посмотрите на «приправу», т. е. на пробный оттискъ, то онъ весь изрѣзанъ, исподосованъ и заклеенъ разной величины заплатами—изъ бумаги.

Главные орудія печатнаго мастера — ножъ, клейстеръ и бумага, т. е. вырѣзываніе и на-

клеиваніе. Привычною рукою онъ вырѣзываетъ ножомъ выдавленные части и наклеиваетъ заплаты на слабо оттиснутыя части.

По отпечатаніи, листы сушатся на жердяхъ въ продолженіи дня—тетрадками отъ 2 до 10 листовъ.

Когда текстъ рукописи отпечатанъ, надо печатные листы разложить по порядку нумераціи листовъ. Положимъ, что книга въ 20 печатныхъ листовъ печатается въ 1,000 экземпляровъ. Значитъ, всего получится 20,000 печатныхъ листовъ, кои надо разсортировать по числу печатныхъ экземпляровъ, притомъ, конечно, такимъ образомъ, чтобы въ книгѣ не встрѣчалось одинаковыхъ, т. е. тождественныхъ по своему содержанію печатныхъ листовъ.

Этимъ дѣломъ занимается такъ называемый «подъемщикъ» или «счетчикъ».

Техника подъемщика очень проста. Если книга отпечатана въ 20 печатныхъ листовъ, то онъ и раскладываетъ всѣ листы на 20 группъ: въ первой группѣ — первые печатные листы, во второй группѣ—вторые печатные листы и т. д. до двадцати, такъ-что въ двадцатой группѣ лежатъ все двадцатые печатные листы. Когда надо ему составить одинъ экземпляръ книги, то онъ продѣлываетъ слѣдующее: изъ каждой группы беретъ по одному печатному листу и складываетъ

ваетъ ихъ одинъ за другимъ, послѣдовательно, по порядку—получится одинъ экземпляръ книги. Это же самое онъ продѣлываетъ до тѣхъ поръ, пока не переберетъ всѣ листы, т. е. когда получится 1,000-й экземпляръ книги.

Обыкновенно, подъемщикъ работаетъ въ брошюровочномъ отдѣленіи, хотя въ нѣкоторыхъ типографіяхъ для него имѣется особое помѣщеніе, иногда въ кладовой.

Брошюровочное отдѣленіе типографій нисколько не похоже на прочія отдѣленія типографіи. Здѣсь не слышно шума и грохота скоропечатныхъ машинъ, здѣсь не раздастся ритмическое постукиваніе общаго парового двигателя. Напротивъ, здѣсь господствуетъ тишина. Все, что напечатано въ типографіи, попадаетъ въ послѣднюю инстанцію — въ брошюровочное отдѣленіе. На столахъ навалены кипы печатныхъ листовъ. На полу — груды книгъ. По угламъ и возлѣ стѣнъ тоже нагромождены книги, почти до самаго потолка. Возлѣ столовъ валяются обрѣзки бумаги. Повидимому, въ брошюровочномъ отдѣленіи царитъ страшный хаосъ печатныхъ листовъ отъ всевозможныхъ книгъ. Привести эти печатные листы въ систему и порядокъ и указать каждому печатному листу свое мѣсто—и есть задача «подъемщика». Онъ, такъ сказать, «подымаетъ» книгу.

Прежде чѣмъ брошюровать печатные листы въ книгу, надо ихъ сложить.

Складываніемъ печатнаго листа въ два, три и т. д. сгибовъ занимаются женщины или дѣвушки. Смотря по формату книги, печатный листъ складывается въ 3 сгиба, 4 сгиба, 5 сгибовъ и т. д. Эта работа называется фальцовкой. Тяжелый мускульный трудъ здѣсь не нуженъ, а требуется только ловкая, проворная рука женщины. Съ утра до вечера фальцовщицы съ удивительною быстротою складываютъ печатные листы въ нѣсколько сгибовъ. Въ день фальцовщица можетъ сложить до 4,000 печатныхъ листовъ. Держа въ рукѣ костяной ножикъ, фальцовщица беретъ изъ груды печатный листъ, складываетъ его пополамъ и проводитъ по сгибу костянымъ ножомъ, затѣмъ складываетъ въ четверку и снова проводитъ по сгибу костянымъ ножомъ и т. д. При этомъ требуется, чтобы листы сгибались ровно, чтобы углы не приходились къ серединѣ и т. п.

За фальцовку женщины получаютъ сдѣльно, по штучно, а именно за фальцовку въ 3 сгиба 20 копѣекъ съ 1,000 печатныхъ листовъ; за фальцовку въ 4 сгиба 30 копѣекъ съ 1,000 печатныхъ листовъ; за фальцовку въ 5 сгибовъ 40 копѣекъ съ 1,000 печатныхъ листовъ.

Въ день фальцовщица зарабатываетъ отъ 50 копѣекъ и до 1 рубля.

Когда печатные листы собраны рукою подъемщика и сложены рукою фальцовщицы, настаетъ очередь брошюровщика, который брошюруетъ ихъ въ книгу. За сшивку брошюровщикъ получаетъ по 20 копѣекъ съ 1,000 печатныхъ листовъ.

Вообще за подъемъ книги (фальцовку, брошюровку, «покрышку», т. е. наклеиваніе обложки и обрѣзку) платится отъ 80 копѣекъ и до 1 рубля съ каждой тысячи печатныхъ листовъ.

Въ продолженіи рабочаго дня подъемщикъ можетъ собрать отъ 8,000—10,000 печатныхъ листовъ.

Послѣ брошюровщика, книга складывается въ общую кладовую типографіи, откуда она уже идетъ на свѣтъ Божій.

Петербургскія типографіи.

Въ Петербургѣ насчитывается 138 типографій, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ разнымъ казеннымъ учрежденіямъ, а большая часть—частнымъ лицамъ.

На ряду съ русскими, типографскимъ дѣломъ въ Петербургѣ занимаются нѣмцы и евреи.

По національностямъ собственниковъ типографій, эти послѣднія распредѣляются такъ:

русскихъ типографій.	93
нѣмецкихъ	»	26
еврейскихъ	»	19

Итого . . . 138

Не должно думать, что въ нѣмецкихъ типографіяхъ печатаются книги нѣмецкія, или въ еврейскихъ—еврейскія: нѣтъ, всѣ упомянутыя типографіи печатають книги для русскихъ читателей.

По размѣрамъ своего производства, петербургскія типографіи весьма разнообразны.

Во всякой типографіи надо отличать три главнѣйшихъ дѣятеля: скоропечатныя машины, шрифтъ и рабочихъ.

Изъ большихъ столичныхъ типографій назовемъ нѣкоторыя, чтобы имѣть понятіе объ остальныхъ.

Типографія академіи наукъ имѣеть скоропечатн. машинъ	7
рабочихъ.	147
шрифта	5,000 пуд.

Типографія Вольфа:

скоропечатн. машинъ.	17
рабочихъ.	120
шрифта	3,300 пуд.

Типографія Добродѣева:

скоропечатн. машинъ.	13
рабочихъ.	185
шрифта	1,700 пуд.

Самыя маленькія типографіи — преимущественно, еврейскія, кои носятъ презрительную кличку «жидовскихъ типографій». Подобныя типографіи чрезвычайно бѣдны шрифтомъ, не могутъ брать большихъ заказовъ, и въ области печатнаго дѣла представляютъ собою нѣчто въ родѣ кустарнаго промысла; тѣмъ не менѣе петербургскіе типографы очень недовольны этими еврейскими кустарями.

— Помилуйте, всѣ желѣзнодорожныя дѣла отбили!..

— Что это значить?

— Печатаніе желѣзнодорожныхъ бланковъ, отчетовъ—все себѣ взяли!

— Какъ такъ?

— Очень просто! Цѣну сбавили до послѣдней крайности, до нуля!..

Кромѣ того, еврейскія типографіи занимаются и комиссіонерствомъ.

Возьметъ подобная типографія какой-нибудь заказъ, своего шрифта не хватаетъ, и типографія раздаетъ книгу по частямъ въ другія типографіи—для печати.

Не смотря на то, что книга печаталась въ чужихъ типографіяхъ, комиссіонеръ, однако, выставляетъ на обложкѣ свою фирму.

Такимъ образомъ, выходитъ, что такіе типографчики чужими руками жаръ загребаютъ.

Въ виду этого, въ 1889 г. изданъ циркуляръ, воспреещающій печатаніе книги по частямъ, въ разныхъ типографіяхъ.

По цензурному уставу, евреямъ разрѣшается открывать типографіи для печатанія въ оныхъ исключительно еврейскихъ книгъ: 1) во всѣхъ, дозволенныхъ евреямъ для жительства мѣстахъ, гдѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ возможнымъ и удобнымъ

имѣть особыхъ еврейскихъ цензоровъ, и 2) въ Петербургѣ тѣмъ изъ евреевъ, которые имѣютъ право пребыванія въ столицѣ. Съ означенныхъ типографій взимается, на содержаніе еврейскихъ училищъ, плата — съ каждой скоропечатной машины по 100 руб., а съ ручного типографскаго станка по 20 руб.

Въ Петербургѣ еврейскія типографіи умножаются довольно быстро.

Имѣя 1 печатный станокъ и пудовъ десять шрифта, еврейская типографія печатаетъ разныя «мелочи» — визитныя карточки, бланки и т. п.

Если завелась скоропечатная машина, то уже печатаются мелкія книжки и какой-нибудь дешевый журнальчикъ.

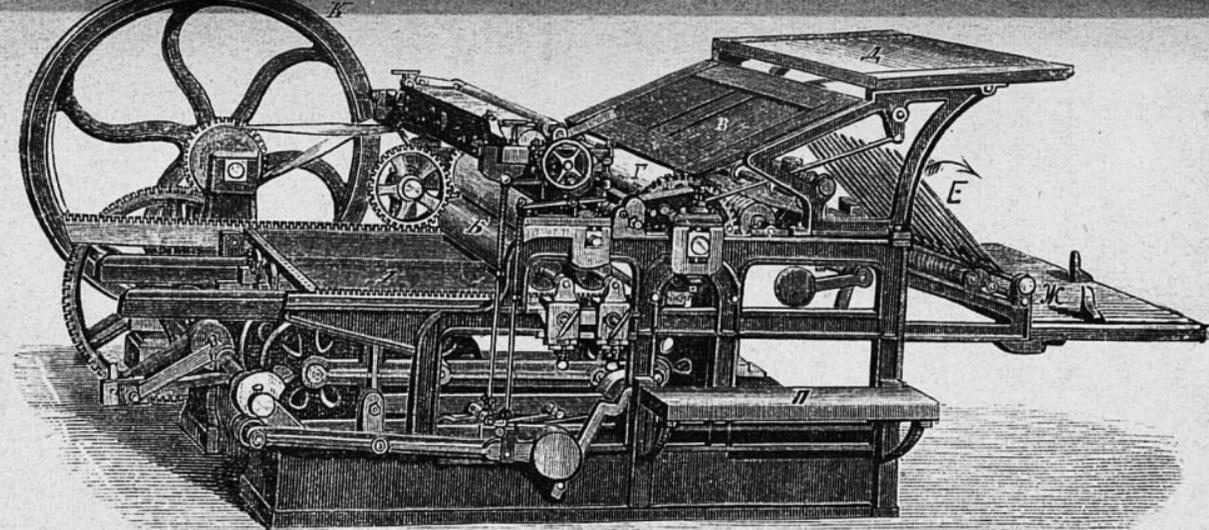
Въ маленькихъ типографіяхъ скоропечатная машина приводится въ дѣйствіе мускульной силой человѣка.

Имѣются такъ называемые «вертѣльщики», которые вертятъ колесо машины.

Вертѣльщики работаютъ попеременно.

Четверть часа безостановочно вертитъ вертѣльщикъ, и когда онъ устанетъ, его смѣняетъ другой.

Интересно посмотрѣть, какъ распредѣляется рабочая сила въ петербургскихъ типографіяхъ. Для этого возьмемъ типографію средней вели-

Скоропечатная машина.

На столик *Д* кладут чистую бумагу, въ *А* помещаютъ раму съ наборомъ. Когда начинаютъ вѣртыть колесо *К*, то рама съ наборомъ двигается взадъ и впередъ, подъ валикъ *В* и намазывается чернилами. Рабочій становится на подставку *II*, беретъ листъ бумаги съ *Д* и спускаетъ его по скату *В*; листъ идетъ на валъ *Г* и прижимается къ набору и отпечатанный выходитъ на рѣшетку *Е*. Рѣшетка эта отваливается въ сторону показанную стрѣлкой и укладываетъ отпечатанные листы на столикъ *Ж*.

чины, въ коей насчитывается, положимъ, 60—70 рабочихъ.

Тогда эта рабочая сила распределяется такъ:

Хозяинъ или влад. типогр.	1
Факторъ	1
Метранпажъ книжный	1
Метранпажъ газетный.	1
Наборщиковъ	25
Денной мастеръ	1
Ночной »	1
Накладчиковъ	6
Пріемщиковъ	6
Счетчиковъ	2
Мочильщикъ	1
Печатниковъ	2
Батырщиковъ	2
Корректоровъ	2
Кладовщикъ	1
Разсылный	1
Учениковъ-наборщиковъ	6

Итого 60 чел.

При этомъ работаетъ 4 скоропечатныхъ машины, 1 газетная ротационная машина, 2 газомотора и 6 паровыхъ машинъ.

Годовой оборотъ подобной типографіи простирается на сумму около 35,000 рублей.

Какъ извѣстно, Петербургъ, какъ столица

имперіи, представляетъ собою въ то же время и умственный центръ нашего отечества. И нигдѣ въ Россіи типографскій станокъ не работаетъ съ такою лихорадочною поспѣшностію, съ такою производительностію, какъ въ Петербургѣ. Работу типографскаго станка въ Петербургѣ, по своей энергіи, можно уподобить работѣ гигантскаго пароваго молотка, который и денно, и ночью съ неимовѣрною силою бьетъ по наковальнѣ—на всю Россію.

Чтобы имѣть понятіе о размѣрахъ типографскаго дѣла въ Петербургѣ, приведемъ слѣдующія массовыя цифры.

Въ столицѣ насчитывается:

Скоропечатныхъ машинъ	420
Литографскихъ »	129
Ручныхъ типогр. »	284
Ручныхъ литогр. »	331
Американокъ	11
Машинъ паровыхъ	35
Стереотипныхъ	36
Газомоторовъ	59
Словолитныхъ машинъ	100
Шрифтъ-кассъ	4270

Рабочаго народа во всѣхъ типографіяхъ числится 5,150 человекъ.

Свинцовой арміи, т. е. шрифта, Петербургъ

имѣть 100,000 пудовъ, стоимостью въ 2,500,000 рублей.

Сто тысячъ пудовъ свинцовой арміи, этихъ оловянныхъ солдатиковъ—такая сила, съ которой не могутъ сравняться заправскія арміи...

Годъ отъ года книгопечатное дѣло въ Россіи развивается, растетъ. Въ особенности оно быстро идетъ впередъ въ большихъ городахъ, какковы, на примѣръ, Петербургъ и Москва.

За какихъ-нибудь двадцать пять лѣтъ, съ 1865 по 1890 г., количество типографій и шрифта въ Москвѣ *утроилось* противъ прежняго.

Приведемъ сравнительную таблицу развитія книгопечатанія въ Москвѣ за послѣднее 25-ти лѣтіе:

	Было въ 1865 г.	Находится въ 1890 г.
Типографій.	31	111
Литографій.	93	152
Фотолиитографій	—	5
Цинкографій	—	5
Словолитень	15	14
Заведеній, продающихъ принадлежности тисненія .	15	40
Шрифта.	15,800 пуд. 56,800 п.	
Скоропечатныхъ машинъ	58	352
Литографскихъ машинъ.	3	231

Словолитныхъ машинъ .	28	67
Типографскихъ ручныхъ станковъ	194	163
Станковъ литографскихъ	375	525
Камней литографскихъ .	7,600	33,200
Машинъ скоро печатныхъ ротационныхъ	—	8

Какъ видно, 25 лѣтъ тому назадъ вовсе не было ни фотолитографій, ни цинкографій, ни ротационныхъ скоропечатныхъ машинъ, производшихъ переворотъ въ газетномъ дѣлѣ.

Самыя печатныя машины приводились въ движеніе рабочими—вертѣльщиками, а нынѣ, обыкновенно, паровою силою.

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя количество типографій и шрифта за послѣднее 25-лѣтіе въ Москвѣ утроилось, но самое книгопечатное дѣло увеличилось и разрослось еще въ большей степени, потому что типографское дѣло поставлено теперь гораздо шире—противъ прежняго.

Въ 1865 году многія типографіи печатали ручнымъ способомъ; скоропечатныя машины были несовершенной конструкціи, такъ-что печатавшія 1,200 экземпляровъ въ 1 часъ, считались уже образцовыми, а о ротационныхъ машинахъ, печатающихъ 10,000—25,000 экземпляровъ въ 1 часъ, не было и въ поминѣ.

Правительственный надзоръ за типографіями

организованъ слѣдующимъ образомъ. Именно, въ большихъ городахъ существуетъ «инспекція для надзора за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями, а также и за книжною торговлею».

Для удобства надзора, Петербургъ, напри- мѣръ, подраздѣленъ на 5 частей: всѣ типогра- фіи и книжные магазины извѣстнаго района находятся подъ вѣдѣніемъ особаго инспектора, такъ что всего числится 5 инспекторовъ.

Каждая типографія обязана имѣть три шну- ровыхъ книги: 1) книга шрифта, 2) книга производства и 3) книга рабочихъ.

Самая главная книга—книга производства, въ которую должно быть вписано все, что пе- чатается въ типографіи; она имѣетъ слѣдую- щія рубрики: 1) № попорядку, 2) годъ, мѣ- сяць и число, 3) названіе рукописи, 4) число печатныхъ листовъ, 5) обозначеніе фамилій: сочинителя издателя и цензора.

Приступая къ печатанію какой нибудь книги, типографщикъ обязанъ вписать ее въ шнуровую книгу.

Время отъ времени инспекторъ посѣщаетъ подвѣдомственныя ему типографіи, наблюдая, не печатается ли въ нихъ недозволенныхъ цен- зурою изданій.

Если, положимъ, инспекторъ войдетъ въ ти-

пографію, и замѣтить, что какая-нибудь книга печатается воровски, и не вписана въ шнуровую книгу, то сейчас же составляет протоколъ.—для судебного преслѣдованія содержателя типографіи.

Изъ типографіи каждая книга выпускается въ свѣтъ не иначе, какъ по предъявленіи въ цензурный комитетъ двухъ экземпляровъ ея, изъ коихъ одинъ экземпляръ возвращается снова въ типографію; на немъ печатью цензора прикрѣпленъ выпускной билетъ на выходъ книги въ свѣтъ. Благодаря этому паспорту о благонадежности книги, всякій книготорговецъ принимаетъ ее въ свою лавку безпрепятственно.

Синодальная типографія въ Петербургѣ.

Печатаніе церковно-славянскихъ книгъ.

Петербургская синодальная типографія, вмѣстѣ съ таковой же московской,—въ своемъ родѣ замѣчательнѣйшія въ Россіи: въ этихъ двухъ типографіяхъ печатаются церковныя книги для русскаго народа.

Упомянутыя типографіи находятся подъ вѣдѣніемъ святѣйшаго синода.

Только у насъ въ Россіи печатаніе богослужебныхъ книгъ изъято изъ частной инициативы и ввѣрено синодальнымъ типографіямъ, подъ контролемъ святѣйшаго синода.

Подобная монополія, присвоенная синодальными типографіями, имѣетъ въ виду сохранить богослужебныя книги отъ искаженія.

Наученныя историческимъ опытомъ, когда отъ «описливыхъ книгъ» рождались кривотолки и разныя ереси, мы, русскіе, съ чрезвычайною тщательностью печатаемъ свои богослужебныя книги.

Печатаніе церковно-славянскихъ книгъ централизовано въ Петербургъ и Москвѣ.

При синодальныхъ типографіяхъ еще со временъ царя Михаила Ѳеодоровича учреждены такъ называемыя «правильни», а при нихъ— «справщики» — для наблюденія за печатаніемъ книгъ.

Корректоры, просматривая корректуру печатаемой богослужебной книги, смотрятъ на свое занятіе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. По справедливости, можно сказать, что скорѣе канать пролѣзетъ сквозь игольное ухо, чѣмъ какая-нибудь ничтожная опечатка проскользнетъ въ богослужебную книгу.

Открыть въ Библии типографскую опечатку— то же, что отыскать на солнцѣ пятно.

Впрочемъ, спеціалисты находятъ все-таки ихъ...

Библейскій корректоръ долженъ обладать богословско-научнымъ образованіемъ. Въ петербургской синодальной типографіи главный «справщикъ» — г. П. А. Гильдебрандъ, извѣстный составитель «Объяснительнаго словаря къ Новому Завѣту», при немъ 4 помощника, изъ которыхъ нѣкоторые получили образованіе въ духовной академіи.

Синодальная типографія въ Петербургѣ стоитъ на Кабинетской улицѣ, близъ церкви Митрофа-

нѣвскаго синодальнаго подворья. Зданіе типографіи построено на новомъ мѣстѣ въ 1888 году и обошлось около 200,000 рублей.

Въ типографіи работаютъ 15 машинъ обыкновенныхъ скоропечатныхъ, 1 машина двухкрасочная, 1 ротационная; около 160 человекъ рабочихъ; шрифта—отъ 3,000—4,000 пудовъ; въ томъ числѣ церковно-славянскаго шрифта 1½ тысячи пудовъ, остальное приходится на долю русскаго, греческаго, латинскаго и др.

Единственнымъ разсадникомъ церковно-славянскаго шрифта пока является московская синодальная типографія съ ея словолитней; оттуда упомянутый шрифтъ доставленъ и въ петербургскую синодальную типографію, хотя въ этой послѣдней типографіи и имѣется словолитное отдѣленіе, но въ настоящее время нѣтъ еще всѣхъ приспособленій для отливки церковно-славянскаго шрифта въ большомъ количествѣ.

Синодальная типографія, во многихъ отношеніяхъ, можетъ считаться образцовой для всѣхъ прочихъ заведеній подобнаго рода.

Прежде всего бросается въ глаза гуманное отношеніе къ рабочимъ, чему доказательствомъ служить, на примѣръ, наборное отдѣленіе—для наборщиковъ.

Вы входите въ обширное зало; бѣлыя строй-

ныя колонны высоко подпирають потолокъ, давая много простора для свѣта и воздуха. По сторонамъ широкаго прохода разставлены шрифть-кассы: на лѣвой половинѣ работаютъ церковно-славянскіе наборщики, а на правой—гражданскіе. Освѣщеніе—электрическое, по системѣ Сименса и Гальске. Надъ каждой шрифть-кассой — электрическій источникъ свѣта, съ рефлекторомъ, который, защищая глаза наборщиковъ, отражаетъ свѣтъ на шрифть-кассу.

Въ типографіи насчитывается 250 электрическихъ лампочекъ, которыя превосходно освѣщаютъ всю типографію. Иного свѣта, кромѣ электрическаго, въ типографіи нѣтъ.

Среди всеобщей тишины, одѣтые въ сюртукахъ, джентльменами, работаютъ наборщики, стоя возлѣ своихъ шрифть-кассъ съ верстаткою въ рукѣ. Всего 60 наборщиковъ. Благодаря хорошей вентиляціи, воздухъ въ наборномъ отдѣленіи—чистый: нѣтъ той свинцовой пыли, какая бросается въ глаза и бьетъ въ носъ въ другихъ типографіяхъ.

Наборъ церковно - славянскихъ книгъ по трудности его во многомъ отличается отъ набора книгъ гражданскихъ, такъ что церковно-славянскій наборщикъ долженъ пройти предварительную подготовку, прежде чѣмъ приступить къ

своей работѣ. Наборщикъ гражданскихъ книгъ не можетъ безъ подготовки набирать книги церковно-славянскія, хотя, наоборотъ, церковно-славянскій наборщикъ гражданскія книги набирать всегда можетъ. Главное отличіе церковно-славянскихъ книгъ отъ гражданскихъ, въ отношеніи набора, заключается въ томъ, что въ церковно-славянскихъ книгахъ есть такъ называемыя «безпольныя буквы», которыя чрезвычайно усложняютъ наборъ.

Разверните какую-нибудь церковно-славянскую книгу, напримѣръ, Библію; въ ней вы увидите изобиліе надстрочныхъ знаковъ — по одному, по два и даже по три надстрочныхъ знака на каждомъ словѣ.

Въ церковно-славянскихъ книгахъ имѣется цѣлая система надстрочныхъ знаковъ, относящихся къ произношенію словъ, и заимствованная отъ грековъ, таковы суть: 1) ударенія, 2) придыханія и 3) знаки безгласные.

Для наглядности, приведемъ здѣсь таблицу славянскихъ надстрочныхъ знаковъ:

Оксія /	Звательцо ˆ
Исо ˆ	Титло ˆ
Варіа \	Словотитло . . . ˆ
Камора ˆ	Онъ титло . . . ˆ
Кавыка ˆ	Апострофъ . . . ˆ
Краткая ˆ	Ерокъ

Буква къ какому-нибудь надстрочному знаку называется у славянскихъ наборщиковъ «безпольною буквою», вѣроятно, потому, что въ ней нѣтъ поля, которое бываетъ занято надстрочнымъ знакомъ.

Кто не посвященъ въ технику славянскаго набора, тотъ можетъ подумать, что многочисленные надстрочные знаки надставляются надъ строкой потомъ, когда строка набрана. На самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ надъ буквой утвердить надстрочный знакъ, который къ самой буквѣ во все не прикасается, и какъ бы виситъ надъ нею.

Можно было бы буквы алфавита отлить со всевозможными надстрочными знаками, но тогда бы чрезвычайно усложнилась шрифть-касса: тогда бы пришлось букву *а* отлить съ десятью надстрочными знаками, букву *б* съ разными надстрочными знаками и т. д. Въ шрифть-кассѣ для буквъ съ надстрочными знаками пришлось бы сдѣлать нѣсколько сотъ разныхъ отдѣленій. Наборщику было бы трудно запомнить, въ какомъ отдѣленіи какая находится ли-тера.

Во избѣжаніе всего этого, придумана остроумная система шрифта для безпольныхъ буквъ.

Когда наборщикъ набираетъ буквы, надъ которыми не стоитъ надстрочныхъ знаковъ, то

онъ вынимаетъ изъ шрифтъ-кассы литеры простыя. Когда же надъ литерой долженъ стоять какой-нибудь надстрочный знакъ, онъ *составляетъ* литеру безпольную.

По славянскому слогаударенію, почти надъ каждой гласной буквой можетъ стоять до десяти разныхъ надстрочныхъ знаковъ, смотря по мѣсту и по значенію этой буквы въ словѣ. Надъ буквой *а*, напримѣръ, можетъ стоять *оксія, варія, звательцо, титло* и т. д.

Напримѣръ, въ выраженіи: «не на лица зряще, имѣйте вѣру» въ первомъ случаѣ *а*—простое, а во второмъ случаѣ (существительное *лица*) *а* съ надстрочнымъ знакомъ, а именно ставится *камора* (◌) для отличія множественнаго числа отъ единственнаго).

Наборщикъ, набирая эту фразу, первое *а* беретъ простое, а для второго *а* составляетъ литеру безпольную: въ данномъ случаѣ изъ десяти разныхъ надстрочныхъ знаковъ надъ буквой *а* должна быть *камора*.

Какъ составляются безпольныя литеры?

Безпольныя литеры устроены такъ, что къ каждой литерѣ, смотря по ея значенію въ словѣ, можетъ быть приставленъ любой изъ десяти надстрочныхъ знаковъ.

На ряду съ литерами, въ славянскомъ шрифѣ имѣются и надстрочные знаки, которые

отлиты отдѣльно, какъ и самыя литеры, напри-
мѣръ: титло, варія, несо, звательцо и т. п.
Когда буква безпольная, то въ кегль этой лите-
ры, съ краю, имѣется продольная полоска, выемка
во всю длину кегля. Если надъ буквой *a* надо по-
ставить *камеру*, то наборщикъ беретъ этотъ
надстрочный знакъ, и кегль его приставляетъ
или, вѣрнѣе, вкладываетъ въ кегль литеры *a*:
получится литера *a* и надъ ней надстрочный
знакъ — камера, и такъ какъ длина кегля
всѣхъ надстрочныхъ знаковъ одинакова съ дли-
ною кегля литеръ, то и надстрочные знаки
находятся въ одной плоскости съ литерами, что
важно для тисненія. Въ противномъ случаѣ,
могло быть такъ, что буква оттиснется, а над-
строчный знакъ — нѣтъ.

Славянская шрифтъ-касса отличается отъ
русской присутствіемъ безпольныхъ литеръ. На-
боръ приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ раза идетъ медлен-
нѣе, и плата славянскимъ наборщикамъ доро-
же, въ сравненіи съ платою наборщикамъ граж-
данскихъ книгъ.

Синодальная типографія имѣетъ свою слово-
литню, стереотипную, брошюровочную и пере-
плетную.

Библия, Новый Завѣтъ и другія книги со
времени открытія новой типографіи печатаются
стереотипомъ. Стереотипныя доски даютъ на

обыкновенныхъ скоропечатныхъ машинахъ до 100,000 экземпляровъ отчетливыхъ оттисковъ. Печатаніе же стереотипомъ на ротационной машинѣ даетъ до 70,000 экземпляровъ чистыхъ оттисковъ.

Кромѣ церковно-славянскихъ книгъ, синодальная типографія печатаетъ «Церковныя Вѣдомости», оффиціальный органъ святѣйшаго синода, обязательный для всѣхъ церковныхъ причтовъ, который выходитъ въ количествѣ 40,000 экземпляровъ. Столько же приблизительно въ Россіи церквей. «Церковныя Вѣдомости» выходятъ еженедѣльно; цѣна имъ 3 рубля въ 1 годъ. /

«Церковныя Вѣдомости» печатаются на ротационной машинѣ, которая работаетъ со скоростью 10,000 экземпляровъ въ 1 часъ. Въ какихъ нибудь 5 часовъ «Церковныя Вѣдомости» отпечатываются въ 40,000 экземплярахъ.

Кто не видалъ ротационную машину, чудо типографскаго искусства, для тѣхъ замѣтимъ, что она представляетъ систему цилиндровъ, соприкасающихся другъ къ другу своими поверхностями. Когда машина пущена въ ходъ и чистый листъ бумаги безконечной полосой идетъ между цилиндрами, то съ нимъ происходятъ слѣдующія измѣненія: на одномъ цилиндрѣ бумага рѣжется на листы—по формату газетнаго листа, на другомъ цилиндрѣ производится от-

тискъ на одной сторонѣ газетнаго листа, на третьемъ цилиндрѣ производится оттискъ на оборотной сторонѣ газетнаго листа, и, наконецъ, «газетный листъ» выходитъ изъ машины—готовый къ услугамъ читателя. По мѣрѣ того, какъ листъ бумаги безконечной полосой проходитъ между цилиндрами, эти послѣдніе оттискиваютъ на немъ текстъ набора.

Стереотипъ для ротационной машины отливается въ видѣ кривой полуцилиндрической поверхности—соотвѣтственно барабану (цилиндру), на который этотъ стереотипъ и налаживается.

Бумага разматывается съ бумажной катушки, вѣсомъ около 12—15 пудовъ; бумажный листъ тянется полосой въ 15,000 метровъ (т. е. около 14 верстъ!). Когда одна катушка выйдетъ, вставляютъ другую: на 40,000 экземпляровъ «Церковныхъ Вѣдомостей» идетъ 7 катушекъ бумаги, вѣсомъ 84 пуда. Втеченіе года на 52 еженедѣльныхъ № «Церковныхъ Вѣдомостей» выходитъ 6,000 стопъ бумаги—стоимостью на 30,000 рублей.

Бумага доставляется Голодаевскою писчебумажною фабрикою В. Печаткина.

По отпечатаніи «Церковныя Вѣдомости» поступаютъ въ брошюровочное отдѣленіе—для брошюровки. Здѣсь работаетъ 4 прошивныхъ машины, которыя ежедневно, каждая порознь, про-

пиваютъ тонкою проволокою отъ 6,000—7,000 экземпляровъ «Церковныхъ Вѣдомостей».

Переплетное дѣло въ синодальной типографіи поставлено высоко.

Какъ извѣстно, книги гражданской печати выходятъ въ свѣтъ въ болѣе или менѣе красивыхъ бумажныхъ обложкахъ. Книги церковной печати русскій народъ издавна привыкъ видѣть въ солидныхъ кожаныхъ переплетахъ, въ «дскахъ», съ мѣдными застѣжками.

Если про человѣка говорятъ, что по одеждѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ, то тѣмъ болѣе это можно сказать о книгѣ.

Изъ уваженія къ церковнымъ книгамъ и принимая во вниманіе, что въ нашемъ отечествѣ есть такіе города и веси, гдѣ не скоро сыщешь переплетчика, — церковныя книги слѣдуетъ выпускать на рынокъ въ переплетахъ. Этимъ самымъ покупатель уже по внѣшнему виду привыкаетъ отличать церковно-славянскую книгу отъ гражданской.

Кожаный переплетъ для Библии дѣлается изъ бараньей и козловой кожи, чернаго или желтоватаго цвѣта; «дски» для переплета употребляются дубовыя, въ палецъ толщиною; сосновыя доски не годятся.

По срединѣ переплета и по угламъ нерѣдко дѣлаютъ золотое тисненіе.

Въ синодальной типографіи ежемѣсячно выходитъ 50 золотыхъ книжекъ для золоченія Библии и другихъ книгъ. Обрѣзы на книгахъ бываютъ весьма различные.

Едва ли надъ украшеніемъ какихъ нибудь другихъ предметовъ обыденной жизни такъ много изощрялся вкусъ челоуѣка, какъ надъ украшеніемъ книгъ. Оно и понятно. Книга—другъ челоуѣка. Она близка его сердцу и уму. Исторія книги показываетъ намъ, что у всѣхъ народовъ, гдѣ только была книга, рукописная ли, печатная ли, существовали особые иллюминаторы, которые занимались украшеніемъ книгъ. Съ особеннымъ тщаніемъ украшались книги богослужебныя. Пустое, повидимому, дѣло—обрѣзъ книги, но и онъ украшается, смотря по книгѣ.

Можно обрѣзъ книги сдѣлать такимъ, что самая серьезная книга будетъ выглядѣть пошлою, дурною. Въ синодальной типографіи обрѣзы у книгъ наводятъ, подражая стариннымъ образцамъ, или красные—московскіе, для чего употребляется карминъ и киноварь.

Такъ какъ нѣкоторыя церковно-славянскія книги печатаются въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ, то фальцовщикамъ и брошюровщикамъ—не мало работы.

Въ «подъемномъ отдѣленіи» печатные листы разложены большими кучами, въ видѣ стол-

бовъ, отъ пола и до самаго потолка. Чтобы листы не перешутать, надъ каждой кипой при-
вѣшена надпись на дощечкѣ, напримѣръ:

«Новый Заветъ», на церковно-славянскомъ
языкѣ, въ 16 долю, 3-й листъ».

Подъемщикъ (или счетчикъ), собирая книгу,
руководствуется этими надписями.

Библия, на русскомъ языкѣ, въ 8-ю долю листа
заключаетъ въ себѣ около 100 печатныхъ листовъ.

Церковно-славянскій шрифтъ.

Какъ извѣстно, до Петра Великаго всѣ кни-
ти въ Россіи печатались церковнославянскимъ
шрифтомъ, неудобнымъ по своей сложности.
Петръ создалъ новый, такъ называемый граж-
данскій шрифтъ, которымъ и понынѣ печатают-
ся всѣ книги, кромѣ церковныхъ.

Первою книгою, отпечатанною гражданскимъ
шрифтомъ, считается геометрія, 1708 года, на-
печатанная въ Москвѣ.

Съ этого времени въ русской печати, отно-
сительно шрифта, произошло раздвоеніе: свѣт-
скія книги печатаются гражданскимъ шриф-
томъ, а богослужебныя—церковнославянскимъ.

Образцомъ для петровскаго гражданскаго
шрифта послужилъ шрифтъ латинскій *).

*) См. «Исторію книги на Руси», того же автора.

Въ то время, какъ гражданскій шрифтъ, подъ вѣяніемъ времени, подъ вліяніемъ заграничной моды, или наконецъ по капризу какого-нибудь словолитчика, подвергается разнымъ измѣненіямъ, — шрифтъ церковнославянскій, напротивъ, отличается устойчивостію своихъ формъ, онъ какъ бы окаменѣлъ, застылъ на мѣстѣ. Шрифтъ гражданскій имѣетъ эфемерный характеръ. Шрифтъ церковнославянскій — наслѣдіе сѣдой старины.

Въ половинѣ XVII вѣка въ московскомъ печатномъ дворѣ книги печатались четырьмя шрифтами. Одинъ шрифтъ носилъ названіе *осиновской азбуки*, по имени мастера Осипа Кириллова; другой — *евангельской большой азбуки*, которымъ печатались на престольныя евангелія, и форма для котораго была вылита мастеромъ Кодратомъ Ивановымъ; третій шрифтъ носилъ названіе *средней* или *никитской азбуки*, по имени мастера Никиты Фофанова; четвертый — *мелкой азбуки*, дѣло рѣзца Федора Иванова.

Московская и петербургская синодальныя типографіи свято охраняютъ церковнославянскій и въ особенности такъ называемый *евангельскій шрифтъ* отъ посягательствъ разныхъ новшествъ, нерѣдко западнаго латинскаго происхожденія.

Евангельскій шрифтъ есть ни что иное, какъ

старинное рукописное письмо: наши первые типографщики, печатая книги, подражали старинной рукописи. Мы этот старинный шрифт сохранили въ своихъ богослужебныхъ книгахъ.

Наши предки писали *уставомъ*, *полууставомъ* и т. п., соотвѣтственно этому, и церковнославянскій шрифтъ бываетъ крупный, средній и мелкій.

Нынѣ для печатанія Евангелія и Ветхаго Завѣта, а также и богослужебныхъ книгъ употребляется 8 разныхъ шрифтовъ, сообразно назначенію книги.

Эти шрифты носятъ названіе церковныхъ или славянскихъ азбукъ, какъ ихъ именуютъ въ синодальныхъ типографіяхъ. Онѣ суть слѣдующія:

1) Мелкобиблейная .	азбука на кегль	10
2) Ординарнобиблейная	»	» 12
3) Кіевская	»	» 14
4) Нововоскресенская .	»	» 14
5) Осиповская	»	» 18
6) Арсеніевская	»	» 20
7) Малоевангельская .	»	» 32
8) Среднеевангельская .	»	» 40

Для записного типографщика, или словолитчика вышеприведенная таблица славянскихъ шрифтовъ вполне понятна и ясна, какъ для математика понятны и ясны его математиче-

скіе знаки. Но для человѣка, не посвященнаго въ типографское дѣло, эта таблица требуетъ разъясненія.

Замѣтимъ, что типографщики и словолитчики, сравнивая относительную величину какихъ-нибудь двухъ шрифтовъ, обращаютъ вниманіе, главнымъ образомъ, на высоту буквъ, ширина же буквъ можетъ быть различная. Если типографщикъ говоритъ, наиримѣрь, что одинъ шрифтъ вдвое крупнѣе другого, то это значитъ, что высота буквъ одного шрифта вдвое болѣе другого.

На этомъ основаніи всѣ шрифты у типографщиковъ имѣютъ свою опредѣленную величину, мѣру. И шрифты у нихъ расположены по возрастающей степени, начиная съ самаго мелкаго.

Единицей мѣры у типографщиковъ служить *пунктъ* или *точка* — не та математическая точка, о которой трактуется въ геометріи, а та видимая точка, которая получается на бумагѣ перомъ или карандашемъ. Въ старинныхъ руководствахъ по ариметикѣ *точка* фигурируетъ даже въ качествѣ мѣры: «въ дюймѣ 10 линій а въ линіи 10 точекъ».

Самый мелкій шрифтъ—нонпарель, на кетл 6, т. е. высота буквъ этого шрифта всего только шесть точекъ. Книгъ этимъ шрифтомъ печатать нельзя, потому что онъ очень мелокъ: отъ сильнаго напряженія у читателя могутъ

заболѣть глаза. Этимъ шрифтомъ печатаются развѣ только примѣчанія внизу страницы, подъ текстомъ.

Самый мелкій шрифтъ церковнославянскій — «мелкобиблейный», на кегль 10 (т. е. высота буквъ 10 точекъ).

Въ послѣднее время, въ 1890 году, иль напечатано въ Москвѣ дешевое компактное изданіе Библии, съ указаніемъ параллельныхъ мѣсть, въ 16-ю долю листа, *105 печатныхъ листовъ*, цѣна въ бумажной обложкѣ *1 рубль 10 копѣекъ*. Такого дешеваго изданія Библии до сихъ поръ у насъ въ Россіи еще не бывало.

Кромѣ мелкой печати, по внѣшнему виду эта библия отъ другихъ изданій отличается, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней каждый стихъ отдѣленъ вертикальными чертами.

Ординарнобиблейнымъ шрифтомъ на кегль 12 (т. е. высота буквъ 12 точекъ) печатается Библия для общаго употребленія. Эту библию видалъ всякій: она самая распространенная.

Ординарнобиблейный шрифтъ соответствуетъ гражданскому *цицеро*, на кегль 12, обыкновенному книжному.

Нововоскресенскій шрифтъ бываетъ двухъ видовъ: 1) тонкій обыкновенный и 2) жирный широкій — для наглядныхъ изданій: для людей преклоннаго возраста, со слабымъ зрѣніемъ.

Обыкновенно, типографщики, для печатанія гражданскихъ книгъ, обходятся шрифтами въ предѣлахъ кегля № 12,—и только церковно-славянскія книги, и главнымъ образомъ, евангеліе, печатаются крупнымъ шрифтомъ, достигая чудовищнаго размѣра, а именно кегля № 40: подобный шрифтъ можно легко читать, стоя на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ книги.

Если шрифтъ крупный, онъ, понятно, требуетъ и много бумаги для книги.

Слѣдуетъ замѣтить, что помянутымъ диковиннымъ шрифтомъ печатаются только роскошныя евангелія, большого формата, вѣсомъ отъ 1 до 2¹/₂ пудовъ.

Образцы церковно-славянскаго шрифта—

для печатанія богослужебныхъ книгъ.

Мелкобиблейный шрифтъ на кегль 10.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да свѣтитса имя Твое, да придетъ царствіе Твое, да бѣдетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Хлѣбъ нашъ насѣщный даждь намъ днесь. И остави намъ долги наша, якоже и мы оставимъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ ко

Ординарнобиблейный шрифтъ на кегль 12.

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да свѣтитса имя Твое, да придетъ царствіе Твое, да бѣдетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Хлѣбъ нашъ насѣщный даждь намъ днесь. И остави намъ долги наша, якоже и мы оставимъ

Осиповскій шрифтъ на кегль 18.

Въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ бгѣ, и бгъ бѣ слово. Сѣи бѣ и скончѣ къ бгѣ. Всѣ тѣмъ быша: и безнегѣ ничтоже бысть, еже бысть. Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ чловѣкомъ: и свѣтъ во тмѣ свѣ

Арсеніевскій шрифть на кегль 20.

ВЪ НАЧАЛѢ БѢ СЛОВО, И СЛОВО
 БО БѢ КЪ БГД, И БГЪ БѢ
 СЛОВО. СЕИ БѢ ИСКОНИ КЪ БГД.
 ВСА ТѢМЪ ВЫША: И БЕЗЪ НЕГѠ
 НИЧТОЖЕ БЫСТЬ, ЕЖЕ БЫСТЬ.

Малоевангельскій шрифть на кегль 32.

ОЧЕ НАШЪ, ИЖЕ ЕСИ
 НА НЕБЕСѢХЪ!

Среднеевангельскій шрифть на кегль 40.

ВЪ НАЧАЛѢ БѢ
 СЛОВО,

Напрестольное евангеліе, самаго распростра-
неннаго формата, печатается малоевангельской
азбукой на кегль 32. Малоевангельскимъ шриф-
томъ печатаются еще — акаѳисты, молитвы и т. п.

По внѣшнему виду напрестольное евангеліе
печатается одинаково для всѣхъ церквей: во всей
православной Руси, «отъ фивскихъ хладныхъ
скаль, до стѣнъ недвижнаго Китая», для хра-
мовъ Божіихъ евангеліе напечатано однимъ и
тѣмъ же шрифтомъ: четкимъ, яснымъ, словомъ,
евангельскимъ шрифтомъ, удобочитаемымъ даже
для дѣтей и стариковъ.

Къ стыду нашему, нельзя не сознаться, что
многіе имѣютъ весьма смутное представленіе о
напрестольномъ евангеліи. Образованный классъ
общества, воспитанный европейскимъ раціона-
лизмомъ, совсѣмъ беззаботенъ на счетъ право-
славія; простой народъ, свято почитая «боже-
ственныя книги», не имѣетъ, однако, ни вре-
мени, ни средствъ, чтобы обстоятельно ознако-
миться съ ними. Между тѣмъ, наприм., весьма
интересно знать, какъ печатается евангеліе,
какимъ шрифтомъ, какого оно формата и т. п.

Напрестольное евангеліе имѣетъ высоту 9—12
вершковъ, ширину 5—6 вершковъ.

Печатается оно на писчей плотной, или на
александрійской бумагѣ: въ послѣднемъ случаѣ
и цѣна ему дороже.

Вообще — цѣна напрестольнаго евангелія зависитъ отъ роскоши украшенія на переплетѣ.

Въ синодальныхъ лавкахъ, при синодальныхъ типографіяхъ, евангеліе продается:

- 1) въ листахъ, безъ переплета и даже безъ брошюровки 7 р. —
- 2) въ «дскахъ» и съ золотымъ обрѣзомъ 8 р. 20 к.
- Доски—дубовыя, массивныя, въ палець толщиною, гладко обструганныя.
- 3) въ бархатномъ переплетѣ по верхъ досокъ, съ бронзовыми застѣжками. 16 р. 70 к.
- 4) на александрійской бумагѣ, въ бархатномъ переплетѣ, съ бронзовыми застѣжками 28 р. —

Каждая страница евангелія обведена черною или золотою узорчатою рамкою.

Обыкновенно, на страницѣ насчитываютъ 22 строки, расположенныхъ въ одинъ столбецъ; въ каждой строкѣ 32 буквы. Начальныя буквы напечатаны киноварью. Соответственно числу евангелій, имѣютъ 4 рисунка съ изображеніемъ свв. евангелистовъ — Матѳея, Марка, Луки и Іоанна. По угламъ золотого обрѣза сдѣланы узорчатые насѣчки.

Достойно замѣчанія, что первая *стереотипная* типографія въ Россіи учреждена русскимъ

библейскимъ обществомъ въ 1814 году, и первая книга, отпечатанная стереотипомъ, есть *Новый Заветъ*.

Если мы припомнимъ, что книгопечатаніе началось у насъ «Дѣянїями апостольскими», то эти два факта довольно знаменательны: начало книгопечатанія и дальнѣйшее его усовершенствованіе при помощи стереотипи—у насъ впервые примѣнено было къ богослужебнымъ книгамъ.

Какія книги печатаются въ синодальныхъ типографїяхъ и каковы размѣры производства?

Какъ извѣстно, синодальныя типографїи устроены съ исключительною цѣлью служить церковнымъ нуждамъ: «дабы святыя книги и впредь изложилися праведно и не смутно и безъ сомнѣнїя всякому православному, читающему и глаголющему по нимъ, и яко бы рѣки и потоки сладкіе испустити во всю русскую землю, ко святымъ Божиимъ церквямъ».

Синодальныя книги, по своему содержанію, можно подраздѣлить на слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Книги священнаго Писанїя;
- 2) Книги богослужебныя;
- 3) Повѣствованїя о жизни и чудесахъ святыхъ;
- 4) Бесѣды, слова и поученїя, и вообще статьи догматическаго и духовнонравственнаго содержанїя;

5) Рудоводства къ обученію и чтенію книгъ священнаго Писанія;

6) Книги историческія—лѣтописи, отчеты и изслѣдованія духовнаго вѣдомства;

7) Программы духовныхъ учебныхъ заведеній;

8) Листы съ изображеніемъ святыхъ, разные церковные документы, отчетности, метрическія свидѣтельства и т. п.—до «вѣнчиковъ» и «разрѣшительныхъ молитвъ» включительно.

Что касается до цѣль на церковнославянскія книги, то замѣтимъ, что синодальная типографія, поставленная въ исключительныя монопольныя условія, должна преслѣдовать, конечно, не эксплуататорскія цѣли, а исключительно—пользу для русскаго народа. Сей свѣтильникъ, стоящій на верху горы, и имѣющій за собою знатное историческое происхожденіе, своею дѣятельностію на пользу русскаго народа долженъ показывать примѣръ для частныхъ издателей.

Главною заботою синодальныхъ типографій должно быть удешевленіе книги, сдѣлать ее доступной для простаго народа, чтобы Слово Божіе безпрепятственно проникло въ нѣдра православнаго населенія.

Однако-жъ, инициатива удешевленія книги вообще принадлежитъ частнымъ издателямъ; въ этомъ отношеніи, синодальныя типографіи идутъ, такъ сказать, въ хвостѣ книжнаго дѣла, а не во главѣ.

При каждой синодальной типографіи имѣется синодальная лавка, гдѣ продаются церковно-славянскія книги.

По каталогу, въ этихъ лавкахъ продается до 600 названій разныхъ книгъ. Кромѣ цѣны, въ каталогѣ обозначенъ и вѣсъ каждой книги: «Минеи-четви», напримѣръ, вѣсятъ 41 фунтъ и стоятъ 25 рублей—въ 4 книгахъ, церковной печати, въ кожаномъ переплетѣ.

По Всеподданнѣйшему отчету по вѣдомству православнаго исповѣданія оберъ-прокурора свѣтѣйшаго синода, г. Побѣдоносцева, въ 1887 году въ петербургской синодальной типографіи отпечатано:

Евангелія: на славянскомъ языкѣ въ 16 долю листа 44,000 экз.; на русск. яз. въ 16 д. л. 10,000 экз.; на русск. яз. въ 32 д. л. 125,000 экз.; на сл. яз. въ 16 д. л. 50,000 экз.

Новаго Завѣта на русскомъ яз. въ 32 д. л. 168,000 экземпляровъ.

Псалтири: на славянскомъ языкѣ въ 32 долю листа 70,000 экз.; на русск. яз. въ 32 д. л. 70,000 экземпляровъ.

Новаго Завѣта на греческомъ, славянскомъ, русскомъ, латинскомъ яз. 20,000 экземпляровъ.

Въ московской синодальной типографіи напечатано:

Псалтири въ 16 д. л. 96,000 экз.

Съ 1860 г., когда началось изданіе книгъ священнаго Писанія на русскомъ языкѣ, синодальными типографіями напечатано:

на славянскомъ языкѣ:

Библіи	60,000 экз.
Псалтири	1.073,600 »
Новаго Завѣта	500,000 »
Евангелія	544,000 »
Апостола	51,000 »

на русскомъ языкѣ:

Евангелія	1.870,000 »
Новаго Завѣта	1.609,000 »
Дѣяній Апостольскихъ	372,000 »
Псалтири	576,000 »
Священнаго Писанія по частямъ	188,000 »
Библіи въ полномъ составѣ	72,000 »
Новаго Завѣта 32 долю	225,000 »
Новаго Завѣта на сл. и русск. яз.	160,000 »

Всего же съ 1860 по 1886 г. синодальными типографіями напечатано священныхъ книгъ, въ полномъ составѣ Библіи и отдѣльными частями и книгами, на славянскомъ и русскомъ языкахъ—около 10.000,000 экземпляровъ.

Часть доходовъ отъ синодальныхъ типографій идетъ на поддержаніе іерусалимской миссіи, а на деньги, выручаемыя отъ продажи «вѣнчиковъ» и «разрѣшительныхъ молитвъ», содержатся духовныя училища.

Г а з е т а.

Съверное Телеграфное Агентство.

Читатель, получая газету, конечно, и не думаетъ о тѣхъ многочисленныхъ труженикахъ, благодаря которымъ нво дня въ день выходитъ на свѣтъ Божій газетный листъ.

Для читателя важно, чтобы газета была интересная и чтобы она, по возможности, была дешева.

А между тѣмъ, сколько рабочихъ рукъ сосредоточено около газеты, сколько труда положено на каждый нумеръ ея!

Всѣхъ труженниковъ, прикосновенныхъ къ газетѣ, можно подраздѣлить на двѣ категоріи: одни работаютъ умомъ; ихъ главное орудіе—перо и бумага. Напротивъ, другіе работаютъ своей физической силой, руками, около печатной машины, въ пыльной и душной атмосферѣ типографіи. Это -- разные техники и чернорабочіе по печатному дѣлу.

Кромѣ того, множество людей занято собираніемъ разнаго рода извѣстій для газеты.

Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ во всякой газетѣ занимають международныя телеграммы, которыя извѣщаютъ, что новаго случилось на свѣтѣ, и въ особенности въ политической и общественной жизни народовъ.

Вслѣдствіе потребности печати и читающей публики, въ Европѣ организовалось нѣсколько телеграфныхъ агентствъ, которыя отовсюду собирають интересныя новости и сообщаютъ ихъ по телеграфу въ разныя періодическія изданія— для напечатанія во всеобщее свѣдѣніе.

За-границей извѣстны слѣдующія телеграфныя агентства: Гаваса—во Франціи, Рейтера—въ Англіи, Вольфа—въ Германіи, Стефани—въ Италіи и друг.

Въ Россіи существуетъ Сѣверное телеграфное агентство, основанное русскимъ купечествомъ въ 1882 году, на развалинахъ Международнаго телеграфнаго агентства, Краевскаго, бывшаго издателя «Голоса».

Сѣверное телеграфное агентство имѣетъ цѣлью собирать внутреннія и заграничныя свѣдѣнія политическаго, экономическаго и торговаго содержанія, а также и новости общественной жизни, и полученныя извѣстія сообщать внутри Имперіи и за-границу—редакціямъ газетъ.

Наше агентство получаетъ заграничныя телеграммы отъ трехъ вышеупомянутыхъ агентствъ, и платитъ за это 30,000 марокъ годового гонорара. Кромѣ того, агентство имѣетъ и своихъ корреспондентовъ въ главныхъ политическихъ центрахъ Европы.

Телеграммы приходятъ къ намъ изъ-за границы на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. У насъ ихъ тотчасъ же въ Сѣверномъ телеграфномъ агентствѣ переводятъ на русскій языкъ и сдаютъ въ почтамтъ, въ телеграфное отдѣленіе, — для разсылки по разнымъ мѣстамъ имперіи, въ редакціи газетъ.

Политическія телеграммы получаютъ въ Петербургѣ наканунѣ напечатанія ихъ въ мѣстныхъ заграничныхъ газетахъ: и потому всѣ эти телеграммы печатаются одновременно какъ въ Европѣ, такъ и у насъ.

Какъ извѣстно, Петербургъ со всѣми губернскими городами связанъ телеграфною проволокою. Телеграфная проволока, передавая политическія телеграммы, работаетъ два раза въ день: отъ 12 до 2 часовъ пополудни, и отъ 10 до 12 часовъ ночи.

Самый отдаленный пунктъ, куда идетъ политическая телеграмма, это — Владивостокъ. Такимъ образомъ, благодаря «союзу» Сѣвернаго телеграфнаго агентства съ тремя заграничными

агентствами, всякая политическая новость въ Парижѣ или Лондонѣ тотчасъ же бываетъ извѣстна и въ Петербургѣ; затѣмъ эта новость отъ финскихъ хладныхъ скалъ съ быстротою молніи передается во всѣ губернскіе города имперіи, вплоть до Владивостока.

Два раза въ день телеграфная проволока работаетъ между Балтійскимъ моремъ и Восточнымъ океаномъ.

Благодаря мгновенной передачѣ телеграммъ, европейскіе народы знакомятся съ политическими новостями одновременно.

Можно было бы начертить интересную географическую карту, съ обозначеніемъ многочисленныхъ развѣтвленій, по которымъ политическія телеграммы изъ Петербурга идутъ въ разные города—въ редакціи газетъ.

Всего около 100 газетъ получаютъ телеграммы Съвернаго телеграфнаго агентства. Техника разсылки политическихъ телеграммъ по имперіи такова. Изъ Петербурга телеграммы идутъ въ такъ называемые «телеграфные узлы»—въ Москву, Казань, Харьковъ, Вильно, Варшаву, Ригу, Либаву, Ревель, Митаву, Псковъ, Гельсингфорсъ, Выборгъ и Архангельскъ. Изъ этихъ «телеграфныхъ узловъ» телеграммы идутъ въ дальнѣйшіе города, по многочисленнымъ развѣтвленіямъ, подобно радіусамъ отъ центра. Такъ,

напримѣръ, изъ Москвы — въ Калугу, Орель, Воронежъ, Курскъ, Пензу, Саратовъ, Нижній-Новгородъ, Астрахань и т. д. Изъ Казани телеграммы идутъ въ Сибирь, Тобольскъ, Томскъ, Ташкентъ, Иркутскъ, Енисейскъ, Владивостокъ и т. д. всего въ 30 разныхъ городовъ, до Самарканда включительно.

Такимъ образомъ, «телеграфные узлы» служатъ передаточными пунктами для разсылки телеграммъ.

Для собиранія свѣдѣній собственно внутри Россіи, Сѣверное телеграфное агентство имѣеть до 250 русскихъ корреспондентовъ, преимущественно редакторовъ провинціальныхъ газетъ. Они сообщаютъ новости изъ провинціальной жизни, напримѣръ, о ярмаркахъ, объ открытіи навигаціи по рѣкамъ, о наводненіяхъ, пожарахъ и т. п. Гонораръ провинціальному корреспонденту платится по 1 рублю за каждую телеграмму, при чемъ телеграфная проволока оплачивается за счетъ агентства.

Годовая плата газетъ за телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства весьма различна, смотря по тому, какія для газеты требуются телеграммы — политическія или коммерческія, или тѣ и другія вмѣстѣ. Самую большую плату вносятъ петербургскія и московскія газеты, именно отъ 4,500 и до 1,000 рублей въ годъ.

Наименьшая плата взимается съ провинціальныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей», около 300 рублей въ годъ. Зато имъ посылають «выжимки» изъ телеграммъ.

Авторская собственность агентства на телеграммы продолжается всего только 48 часовъ, т. е. 2 сутокъ; по истеченіи этого срока—газеты и журналы могутъ ихъ перепечатывать невозбранно. Но дѣло въ томъ, что тогда эти телеграммы являются уже запоздавшими и не имѣютъ интереса «злобы дня».

Годовая плата агентства телеграфному вѣдомству за разсылку телеграммъ—около 100,000 р. Годовой оборотъ Сѣвернаго телеграфнаго агентства простирается на сумму 200,000 рублей, которые и уплачиваются разными редакціями русскихъ газетъ.

Сотрудники газеты.

Пишущая братія газеты, по своему умственному и нравственному цензу, весьма разнообразна, начиная отъ генераловъ литературы и кончая мелкой «газетной букашкой».

Рубрики большой политической газеты болѣе или менѣе извѣстны каждому читающему эти газеты. Вслѣдъ за телеграммами, на первой страницѣ, строчить свои ежедневныя обзорнія передовикъ.

«Точно дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый», онъ направляетъ общественное мнѣніе, по поводу текущихъ событій, въ ту или другую сторону. Ему отведено почетное мѣсто, на виду.

Въ нижнемъ этажѣ газеты помѣщаются фельетонисты. Въ большихъ газетахъ каждый день недѣли занять своимъ особымъ фельетономъ: изъ года въ годъ читатель встрѣчается съ одними и тѣми же именами.

Впрочемъ, одинъ, а то и два дня въ недѣлѣ, бывають оставлены для пришлыхъ элементовъ, со стороны.

Далѣе идутъ хроникеры, завѣдующіе внутреннею печатью, хроникеры, завѣдующіе иностранною печатью. Просматривая русскія и иностранныя газеты, они дѣлають оттуда ножницами вырѣзки и при помощи клейстера (гуммиарабика) наклеивають ихъ на бумагу—для перепечатанія въ своей газетѣ. Изрѣдка между перепечаткою они вставляютъ и свой «взглядъ и нѣчто».

Репортеры, театральные рецензенты, спеціальныя корреспонденты и стенографы (въ залахъ суда) погружаются, такъ сказать, въ самую сутолоку жизни и выносятъ оттуда на свѣтъ Божій интересныя свѣдѣнія, факты и наблюденія, имѣющіе подчасъ важное общественное значеніе.

Въ доброе старое время, когда газетное дѣло на Руси только что нарождалось, всякими городскими новостями и сплетнями завѣдывали Бобчинскіе и Добчинскіе. Въ настоящее время, когда русская пресса довольно окрѣпла и развилась, когда въ большихъ городахъ имѣется по нѣскольку «уличныхъ листковъ», Бобчинскимъ и Добчинскимъ поневолѣ пришлось ступать: ихъ мѣсто заняли репортеры.

Въ большой газетѣ имѣется нѣсколько репортеровъ, каждый по своей спеціальности: репортеръ по городу, репортеръ по ученымъ засѣданіямъ и т. п.

Въ Петербургѣ, между прочимъ, процвѣтаетъ и ночная жизнь. По вечерамъ кто ѣдетъ въ театръ, кто—на концертъ какойнибудь заморской «дивы» или знаменитаго маэстро, кто отправляется на засѣданіе какого-нибудь «благотворительнаго общества прикосновенія къ чужой собственности», чтобы выслушать докладъ о новомъ несбыточномъ проектѣ. Обо всемъ этомъ репортеръ долженъ дать отчетъ, занести имена достойныхъ мужей на страницы газеты, чтобы память о нихъ сохранилась для отдаленнаго потомства.

Каждый репортеръ вѣдаетъ свою спеціальность: репортеръ «по городу» не будетъ давать отчеты объ ученыхъ засѣданіяхъ, потому что

это не входитъ въ предѣлы его компетентности.

Городской репортеръ описываетъ собственно происшествія городской жизни: пожары, наводненія, уличныя драки, убійства; заглянетъ репортеръ и въ камеру мирового судьи, и на какойнибудь аристократическій или артистическій аукціонъ, устраиваемый какимъ-нибудь промотавшимся сибаритомъ.

Если же случится какое—нибудь убійство, то это отрицательное явленіе общественной жизни для репортера — суцая находка; звѣрское или загадочное убійство возводится въ истинное событіе.

Репортеръ, точно полицейскій сыщикъ, обслѣдуетъ фактъ убійства съ величайшею точностію, до мельчайшихъ подробностей: языкомъ Виктора Гюго, съ паэосомъ, онъ обстоятельно опишетъ мѣсто, время и образъ дѣйствій.

Въ Петербургѣ, на ученыхъ засѣданіяхъ, или въ собраніяхъ разныхъ обществъ (напримѣръ, «содѣйствія», «поощренія» и т. п.) для репортеровъ отводится особое мѣсто, за письменнымъ столомъ, впереди публики, на виду. Въ то время, когда докладчикъ «имѣетъ честь ознакомить публику, что дважды два—четыре», репортеры старательно дѣлаютъ замѣтки въ своихъ записныхъ книжечкахъ. Внутренняя фаланга ре-

портеровъ, усердно работающихъ своими карандашами и перьями, оратору «духу придаетъ» Члены общества «содѣйствія» или «поощренія» внимательно слушаютъ докладчика, чтобы сдѣлать потомъ надлежащія поправки, дополненія и возраженія. Вообще петербургскія засѣданія разныхъ обществъ для наблюдателя представляютъ большой интересъ, обширное поле для наблюденія. Вѣдь на эти засѣданія собираются представители интеллигенціи, соль русской земли.

Уже одна внѣшность «ученыхъ мужей» и «членовъ обществъ» внушаетъ невольное уваженіе.

Взлелѣянные петербургскимъ климатомъ, они очень часто имѣютъ фizioноміи, похожія на старинный пергаментъ. Кроме того, здѣсь можно встрѣтить и Хлестакова, и Чичикова и Коробочку, и Манилова, и Собакевича и т. д., вообще всѣхъ нашихъ старыхъ знакомыхъ.

Всѣ они перерядились въ черные фраки, тѣмъ не менѣе ихъ можно тотчасъ же узнать. Вотъ, на примѣръ, Чичиковъ убѣдительно упрашиваетъ Коробочку продать ему пухъ и перья. Но та настойчиво отказывается, желая предварительно навести справку о цѣнѣ.

Маниловъ развиваетъ передъ почтеннымъ собраніемъ несбыточный проектъ.

Поздравъ вретъ на пропалую.

Репортеръ все это отмѣчаетъ у себя въ записной книжечкѣ. Нѣкоторые изъ репортеровъ — отмѣтокъ въ книжечкѣ не дѣлаютъ, а внимательно вслушиваются въ дебаты засѣданія. Это тѣ — которые имѣютъ хорошую память. Придя домой, они могутъ воспроизвести на бумагѣ даже самую «идіотскую рѣчь».

Въ нашемъ обществѣ взглядъ на репортера, какъ на представителя печати, отличается нѣкоторою сбивчивостію.

Когда надо воспользоваться услугами печати, то репортера силою заманиваютъ на засѣданіе; иногда же, при нѣкоторыхъ щекотливыхъ дебатахъ, репортеровъ подвергаютъ беспощадному остракизму, выгоняютъ ихъ изъ залы засѣданія метлами, смѣются вслѣдъ имъ. И засѣданіе происходитъ въ темную, все шито, крыто. Соръ изъ избы не вынесенъ.

Подкупъ печати, конечно, одно изъ самыхъ сильныхъ золь, дискретирующихъ и самую печать. За неимѣніемъ данныхъ относительно этого вопроса, нельзя ничего сказать объ аристократіи пера, пишущей въ газетѣ, а также и о самихъ издателяхъ газетъ. Зато о нѣкоторыхъ газетныхъ чернорабочихъ, о мелкой сошкѣ — театральныхъ рецензентахъ и репортерахъ можно положительно утверждать, что они не всегда бываютъ на высотѣ своего призванія.

У многихъ изъ нихъ «рыльце въ пушку». Въ одной газетѣ недавно рассказано было, какъ одно петербургское страховое отъ огня общества предложило 15 репортерамъ столичныхъ газетъ.. по несгараемой шкатулкѣ — «на память». Положимъ, всѣ репортеры отказались, за исключеніемъ одного репортера какой-то нѣмецкой газеты, который взялъ несгараемую шкатулку— «показать своей женѣ», какъ онъ говорилъ. Предложено было репортерамъ и изысканное угощеніе «съ винами», гаванскія сигары и т. п.

«Попасть въ газету» за какую-нибудь глупость — не особенно пріятно, а если эта глупость граничитъ съ подлостью—то и тѣмъ болѣе.

Этимъ случаемъ иногда и пользуются репортеры, оцѣнивая свое молчаніе на вѣсъ золота. Для этого они иногда заглядываютъ въ камеры мировыхъ судей.

Въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, какъ о томъ оповѣщалось во всѣхъ газетахъ, редакторъ «Одесскаго Листка», г. Навроцкій собственно-ручно отколотилъ репортера своей же газеты. Господину Навроцкому дѣятельно помогаль при этомъ и секретарь газеты. За что такая напасть на бѣднаго Макара? Оказывается, что упомянутый репортеръ (фамилію его мы опускаемъ) ходилъ по табачнымъ и мелочнымъ лавкамъ и вымогалъ у содержателей оныхъ деньги, грозя

въ противномъ случаѣ «помѣстить ихъ въ газету».

Вообще умственный и нравственный цензъ репортеровъ не великъ. Въ этомъ отчасти виноваты сами редакторы газетъ, допуская къ репортерству всякаго, что называется, съ борка да съ сосенки. А потомъ, если репортеръ проворовался, они начинаютъ репортера колотить и краснѣть за свою газету. Обыкновенно репортерами бываютъ недоучившіеся гимназисты. Въ столицахъ, подъ гнетомъ нужды, этимъ дѣломъ занимаются студенты, учителя, иногда и доктора, по своей спеціальности.

Репортеръ всегда находится въ черномъ тѣлѣ. Построчный гонораръ его равняется отъ 1 до 3 копѣекъ. Въ большихъ газетахъ 5 копѣекъ. Столичный репортеръ, бѣгая по разнымъ засѣданіямъ, какъ лошадь, и не досыпая ночей, зарабатываетъ около 100 рублей въ мѣсяць.

Изъ репортеровъ русскихъ газетъ пользовался извѣстностію Ю. Шрейеръ, прозванный «королемъ репортеровъ». Свои репортерскіе замѣтки, отчеты и проч. онъ, при помощи гектографа, разсылалъ во многія газеты, гдѣ они печатались «одновременно». Ю. Шрейеръ основалъ газету «Новости», былъ ея редакторомъ, потомъ прогорѣлъ и пустился въ репортерство.

Покойный Калугинъ, репортеръ «Правитель-

ственнаго Вѣстника», за описаніе коронаціи Государя Императора, былъ награжденъ знакомъ ордена Станислава третьей степени. Репортеры подъ своими отчетами никогда не подписываютъ своей фамиліи.

Если репортеръ отыскиваетъ мелкіе фактики изъ городской жизни для наполненія ежедневной газетной хроники, то спеціальный корреспондентъ хватается шире: онъ долженъ знать все что новаго творится на бѣломъ свѣтѣ. Это — вѣчный странникъ, который, по первому слову редакціи, спѣшитъ туда, куда укажутъ событія.

Спеціальный корреспондентъ является въ не пріятельскую страну раньше вторженія непріятельской арміи; о всякихъ злоупотребленіяхъ онъ знаетъ раньше суда. Случись какая-нибудь катастрофа, съ человѣческими жертвами, спеціальный корреспондентъ изслѣдуетъ причину ея — нехуже полиціи, и т. д.

Такова роль спеціальнаго корреспондента въ заграничныхъ газетахъ. Тамъ репортеръ и корреспондентъ — душа газеты.

У насъ, влѣдствіе малаго развитія газетнаго дѣла, спеціальныя корреспонденты не имѣютъ того значенія, какимъ они давно пользуются въ американскихъ, англійскихъ и французскихъ газетахъ.

Нѣкоторые американскіе и англійскіе корреспонденты стяжали себѣ всесвѣтную славу, напримѣръ, Стэнли, Форбсъ и друг.

Отдавая дань времени, покойный сатприкъ Щедринъ вывелъ въ своемъ произведеніи двухъ спеціальныхъ корреспондентовъ: Подхалимовъ № 1 и Подхалимовъ № 2. Оба они во время русско-турецкой войны, проживая преспокойно въ Чебоксарахъ, пишутъ оттуда въ столичныя газеты свои корреспонденціи, якобы съ театра военныхъ дѣйствій...

Вообще—бывали ли подобныя мнѣшескіе корреспонденты на Руси, не извѣстно.

У насъ въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ положеніе корреспондента довольно тягостно. Если узнаютъ фамилію обличителя, тотчасъ пальцемъ начнутъ показывать, а то, можетъ быть нѣчто и хуже...

Не одинъ спеціальный корреспондентъ заплатился своими боками за свои несчастныя корреспонденціи.

Поздревы и Собакевичи страшно боятся попасть въ печать за свои дѣянія...

Какъ извѣстно, во время войны телеграммы и корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій читаются публикою съ особымъ интересомъ.

До самаго послѣдняго времени корреспонденты русскихъ повременныхъ изданій на театрѣ

военныхъ дѣйствій, при русской арміи, были только терпимы: отъ взгляда военнаго начальства зависило допустить ихъ, или нѣтъ. Начальство смотрѣло на нихъ сквозь пальцы.

Въ 1891 году опубликованы Высочайше утвержденныя «правила о допускѣ корреспондентовъ повременныхъ изданій для присутствованія на маневрахъ и прочихъ войсковыхъ занятіяхъ».

На основаніи этихъ правилъ корреспонденты обязуются имѣть при себѣ: 1) свидѣтельство о личности (отъ мѣстной гражданской власти), 2) удостовѣреніе отъ редакціи того изданія, куда сообщенія должны быть дѣлаемы, и 3) выдаваемое на основаніи сихъ документовъ письменное разрѣшеніе отъ высшаго изъ войсковыхъ начальниковъ, руководящихъ маневромъ или упражненіемъ.

Корреспонденціи и телеграммы съ маневровъ, а также и съ театра военныхъ дѣйствій подвергаются предварительно цензурѣ военнаго начальства.

Благодаря этимъ новымъ правиламъ, за представителями печати закономъ признано право—присутствовать на маневрахъ или театрѣ военныхъ дѣйствій. Отнынѣ тотъ или иной взглядъ войсковаго начальника на пребываніе корреспондента—не имѣетъ никакого значенія.

На ряду съ репортеромъ и корреспондентомъ можно поставить еще одного газетнаго труженника—театральнаго рецензента, хотя это будетъ уже другого поля ягода.

Въ послѣднее время критика драматическихъ произведеній сошла у насъ почти исключительно на газетную работу — на срочныя рецензіи въ ежедневныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Такъ какъ драматическое искусство процвѣтаетъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и настоящіе театральные рецензенты водятся преимущественно въ этихъ двухъ городахъ.

Въ казенныхъ театрахъ рецензенты разбросаны въ рассыпную, въ частныхъ театрахъ имъ отводится цѣлый рядъ кресель: можно представить себѣ, какое внушительное впечатлѣніе должны производить театральные рецензенты на какого-нибудь провинціального дебютанта, пріѣхавшаго въ Петербургъ поискать счастья.

Театральный рецензентъ — неизбежный свидѣтель перваго представленія каждой новой драматической пьесы. Онъ даетъ отчетъ о первомъ представленіи ея, какъ публика приняла новинку.

Билеты на спектакль присылаются театрами безвозмездно.

Въ Петербургѣ есть особый видъ театральныхъ рецензентовъ, извѣстныхъ подъ именемъ лѣтнихъ. Они, какъ клопы, заводятся преимуще-

щественно около частных театровъ, а также въ разныхъ загородныхъ притонахъ.

Это—мелкая газетная тля, которая служитъ для рекламы загороднаго увеселительнаго заведенія. Подобные рецензенты исполняютъ роль герольдовъ для антрепренеровъ и содержателей заведенія. Они больше заманиваютъ публику, чѣмъ критикуютъ пьесу.

Содержатели театра, антрепренеры, актеры, актрисы относятся къ этимъ «газетнымъ букашкамъ» съ омерзениемъ, но тѣмъ не менѣе должны терпѣть ихъ и даже заискивать у нихъ, потому что они представляютъ своего рода силу: чѣмъ больше панегириковъ они будутъ писать о театрѣ, объ актерахъ—тѣмъ больше успѣха въ матеріальномъ отношеніи—для содержателя заведенія.

Кому не извѣстно, какъ грубо и безцеремонно отзываются подчасъ театральные рецензенты объ игрѣ артистовъ, не отличая при этомъ самую игру артиста отъ его личности. Въ этомъ отношеніи, въ особенности много приходится терпѣть актрисамъ и балеринамъ. Театральные рецензенты относятся къ нимъ вполнѣ безцеремонно, нисколько не щадя женской стыдливости: они, что называется, разбираютъ ихъ по косточкамъ: описываютъ красоту женскихъ формъ—ногъ, рукъ и т. д., словомъ, составляютъ обстоятельный фізіологическій очеркъ.

Одинъ изъ рецензентовъ, на примѣръ, восхваляя извѣстную балерину Цукки, заявилъ печатно, что въ спицѣ Цукки гораздо больше пэзін, чѣмъ во всей итальянской литературѣ. Недавно провинціальный рецензентъ «Донской пчелы», въ Ростовѣ, безъ церемоніи обозвалъ госпожу Жюдикъ «старой, толстой бабой».

Умѣренность и объективность—качества, рѣдко присущія нашимъ рецензентамъ.

Они хватаютъ черезъ край, и если начнутъ хвалить кого-нибудь, то превозносятъ до небесъ. «Торжество, такъ торжество—валяй во всѣ колокола!»

За то если станутъ порицать игру какого-нибудь артиста, то непременно смѣшаютъ его самого съ грязью, и произведутъ артиста въ идіоты или дураки.

Если столичные рецензенты не всегда стоятъ на высотѣ своего призванія, то о провинціальныхъ—и говорить нечего. Они менѣе всего соблюдаютъ чувство мѣры. Присутствуя на представленіяхъ какой-нибудь заѣзжей иностранной знаменитости, они приходятъ въ необыкновенный энтузіазмъ и даже экстазъ. Составляютъ въ газетахъ велерѣчивые диэпирамбы объ игрѣ, при чемъ талантъ артиста сравниваютъ по крайней мѣрѣ съ Хеопсовой пирамидой, или пѣчто въ родѣ этого.

Слѣдуетъ упомянуть еще о стенографистахъ: присутствуя въ залахъ засѣданія суда, они стенографируютъ судебный процессъ—рѣчь прокурора, рѣчь адвоката и рѣчь подсудимаго; затѣмъ составляютъ отчетъ и представляютъ его въ газеты—для помѣщенія въ «судебной хроникѣ». Плата имъ за это полагается по 3 копѣйки со строки.

Смотря по значенію того или иного отдѣла, газета печатается разными шрифтами. Для печатанія большой газеты употребляется четыре шрифта, а именно: 1) петить, 2) корпусъ плотный, 3) корпусъ обыкновенный и 4) титульный шрифтъ. Петитомъ печатается: «судебная хроника», «биржевая хроника», «театръ и музыка», разныя мелочи — вообще маловажный отдѣлъ газеты. Нѣкоторые авторы никогда не выходятъ изъ петита, который для нихъ имѣетъ роковое значеніе. Корпусъ плотный является для нихъ недосыгаемою мечтою, какъ бы производствомъ въ слѣдующій чинъ. Корпусомъ плотнымъ печатается большая часть газеты — фельетоны внутреннія извѣстія и т. п.; корпусомъ обыкновеннымъ—передовыя статьи, и наконецъ титульнымъ шрифтомъ печатаются объявленія и рекламы.

Гонораръ, получаемый сотрудниками газеты, весьма различенъ.

Не смотря на незавидное положеніе нашего

газетнаго дѣла, все-таки нѣкоторые счастливые издатели успѣваютъ сколотить деньгу.

Краевскій, издатель «Голоса», оставилъ послѣ своей смерти миллионъ, нажитый газетнымъ и журнальнымъ дѣломъ.

Другіе издатели газетъ:
«Смотришь — помаленьку
То домикъ выстроить,
То купятъ деревеньку».

Аристократія пера, сотрудничая у нихъ въ газетѣ, получаетъ министерскіе оклады.

Прочіе сотрудники газетъ довольствуются за свои статьи построчною платою — по пятаку за строку. Со стороны кажется дикимъ, оцѣнивать газетную статью не качествомъ ея содержанія, а количествомъ строкъ, но за то это практично: число печатныхъ строкъ статьи помножилъ на 5, и статья измѣрена, взвѣшена и опредѣленъ гонораръ.

Чтобы не высчитывать строки, въ каждой конторѣ редакціи имѣются металлическія линейки — для опредѣленія числа строкъ петита, корпуса плотнаго, боргеса и т. д. Этими линейками статья измѣряется также, какъ, на примѣръ, сукно — аршинами.

Конечно, подобный способъ оцѣнки статей на руку всякой газетной посредственности, но, въ концѣ концовъ, газетная посредственность быстро

выдыхается, стиль ея обнаруживается яснѣе и мелкая газетная букашка принуждена бываетъ стушеваться предъ читателями — навсегда.

За стихи платится весьма разнообразно, смотря по извѣстности поэта, на примѣръ, отъ 25 копѣекъ и до 1 рубля за каждый стихъ, при этомъ длина стиха не принимается въ расчетъ, будь то «стихъ» или «стишина» — все равно, платять за число стиховъ.

Какъ печатается газета?

Весь литературный матеріалъ, предназначенный для газеты, поступаетъ въ редакцію газеты: фельетонисты доставляютъ сюда свои фельетоны, спеціальные корреспонденты присылаютъ свои корреспонденціи, репортеры — новости дня и т. д.

Какъ извѣстно, занятіе литературой относится у насъ къ числу либеральныхъ профессій, наравнѣ — съ музыкою и живописью. Около каждого журнала и газеты группируются свои собственные сотрудники, коихъ можно различить по шерсти и по масти.

Кромѣ коренныхъ ломовиковъ, въ газетѣ могутъ принимать участіе и «со стороны».

Подобно тому, какъ во время оно въ Запорожскую сѣчь принимали всякаго, лишь бы онъ далъ обѣтъ — бороться противъ басурмановъ

и стоять за православную вѣру, такъ точно двери редакціи широко открыты для всякаго желающаго выступить на литературное поприще, чтобы послужить на пользу общества. Въ литературномъ и журнальномъ мѣрѣ не помогутъ никакія протекціи. «Порадѣть родному человѣчку» — тутъ тоже нельзя. Всякій долженъ имѣть силу въ себѣ самомъ. Это — своего рода республика ума и таланта. Не даромъ печать называютъ шестою великою державою. Современная газета и журналъ служатъ колыбелью и школой для писателей: въ большинствѣ случаевъ здѣсь они начинаютъ свою литературную карьеру. Не у одного начинающаго писателя «сердце билось» — при входѣ въ редакцію.

Печатное слово граничитъ съ вѣчностію. Уваженіе къ печатному слову такъ велико, что всякій новичекъ, перешагнувъ за порогъ редакціи, смотритъ на нее, выражаясь высокимъ слогомъ, какъ на Олимпъ, гдѣ возсѣдаютъ боги.

Говорятъ, что писательство не требуетъ никакой подготовки. Но это такъ кажется.

Художникъ, чтобъ быть таковымъ, долженъ предварительно пройти школу рисованія и живописи. Онъ долженъ начать съ традиціонныхъ «носовъ», «глазъ», «ушей» и т. д., потомъ перейти къ фигурѣ человѣка.

Масляными красками рисуется года два — три

съ «натурщика» и, наконецъ, приступаетъ къ композиціи картины.

Музыкантъ нѣсколько лѣтъ учится играть гаммы, затѣмъ, подъ руководствомъ профессора музыки, разучиваетъ пальцеломные «этюды», «экзерсиціи» и, наконецъ, цѣлыя піесы.

Пройдетъ лѣтъ десять, прежде чѣмъ музыкантъ или художникъ выступитъ передъ публикою.

Какая же нужна подготовка—для профессіи писателя, для литератора?

Писатель прежде всего долженъ обладать умственнымъ и нравственнымъ капиталомъ, т. е. быть человѣкомъ образованнымъ.

Вотъ вамъ—и подготовка.

Кромѣ того, онъ долженъ обладать вѣрнымъ пониманіемъ жизни и имѣть хорошій слогъ, потому что слогъ, по выраженію Бюффона, это—самъ человѣкъ.

Иной пишетъ слогомъ тяжелымъ, неудобочитаемымъ, словно, бревна ворочаетъ; а другой пишетъ легко и пріятно. Чтобы «глаголомъ жечь сердца людей», надо самому имѣть «искру Божію».

Всякій человѣкъ видитъ жизнь, но не всякій ее понимаетъ: кто понимаетъ жизнь, благо тому, изъ него можетъ выработаться первоклассный писатель.

Гейне говоритъ, что писателемъ сдѣлаться

очень легко: стоит только взять перо и описывать все, что вокруг себя видишь...

Вѣроятно, полагая, что писателемъ можетъ быть всякій, кто взялся за перо, разные Митрофанушки и Гоголевскіе Петрушки лѣзутъ въ печать и распространяютъ вокругъ себя специфическую петрушкинскую атмосферу. Редакціи столичныхъ газетъ и журналовъ завалены разными «пробами пера»; «синіе чулки» ищутъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Дѣло редактора отдѣлать «чистыхъ» животныхъ отъ «нечистыхъ», и однимъ дать дорогу и просторъ, а другихъ прогнать прочь.

Редакторъ—душа газеты; отъ него зависитъ подборъ и приглашеніе сотрудниковъ. Въ установленные «пріемные часы» онъ бываетъ въ редакціи—къ услугамъ публики. Онъ составляетъ нумеръ газеты; онъ знаетъ содержаніе слѣдующаго № газеты, отъ первой строки до послѣдней. Его главное орудіе — синій карандашъ; подчасъ онъ выравниваетъ и стиль въ нѣкоторыхъ рукописяхъ.

Весь литературный матеріалъ для № газеты редакторъ отдаетъ газетному метранпажу.

Въ газетной типографіи по ночамъ дежурить вочная смѣна наборщиковъ и печатныхъ мастеровъ. Весь № газеты набранъ днемъ. Ночью ждутъ, когда придутъ послѣднія телеграммы.

Сѣверное телеграфное агентство доставляет телеграммы въ 1 часъ ночи. Лишь только разсылный принесетъ телеграммы, наборщики тотчасъ же приступаютъ къ работѣ — къ набору телеграммъ. Ночной газетный трудъ наборщиковъ оплачивается дороже деннаго.

Наборъ телеграммъ вставляется въ свое мѣсто газетнаго текста; остановка была только за телеграммами, — теперь въ 1—2 часа ночи весь № газеты набранъ, приступаютъ къ заготовкѣ стереотипа. Черезъ 10 минутъ бумажный стереотипъ готовъ. Для каждой страницы газеты готовится особая стереотипная полоса.

Если газета имѣетъ 8 страницъ, считая тутъ и объявленіи, то заготавливается 8 полосъ стереотипа. Каждая стереотипная полоса для большой газеты, напримѣръ, для «Новаго Времени», имѣетъ 1 пудъ 20 фунтовъ вѣсу. Всѣ 8 полосъ вѣсятъ 12 пудовъ.

Самое важное значеніе стереотипіи въ техникѣ типографскаго искусства заключается въ томъ, что стереотипную доску можно отлить въ видѣ кривой полуцилиндрической поверхности.

Каждую стереотипную полосу для газеты отливаютъ въ такомъ размѣрѣ, что если ее наложить на соотвѣтствующій цилиндръ, то она будетъ равняться $1/2$ поверхности цилиндра.

Цилиндрическіе стереотипы употребляются

для газетной ротационной машины: они дают возможность ускорить процесс печатанія до необычайной быстроты.

Но прежде всего скажемъ, какъ отливаются стереотипы для газетной полосы.

Чтобы изъ свинца или олова отлить кривую полуцилиндрическую доску, надо расплавленный металл налить въ соответствующую «форму».

Форма для отливки полуцилиндрическаго стереотипа устроена такъ.

Представьте себѣ стальную доску въ размѣрѣ газетной полосы, т. е. страницы газеты, и вообразите, что эта доска согнута такимъ образомъ, что равняется $\frac{1}{2}$ поверхности цилиндра. Параллельно къ этой доскѣ прикрѣплена другая—приблизительно на такомъ разстояніи, что между ними можно просунуть палецъ: получатся двѣ полуцилиндрическихъ поверхности, параллельныхъ между собою; съ трехъ сторонъ, въ отверстіи между досками, вставлены металлические бруски, а четвертая (широкая) сторона открыта—для вливанія сплава. Для удобства—одинъ полуцилиндръ вращается около другого на шалнерахъ.

Когда картонный стереотипъ (копія съ набора) готовъ, то его кладутъ въ «форму», т. е. между двумя полуцилиндрами.

Между тѣмъ, въ плавильной печи расплав-

лень типографскій металлъ. При помощи особой лейки съ широкимъ носкомъ, типографскій металлъ вливають въ «форму». Струя металла льется широкою полосою — соотвѣтственно отверстію полуцилиндра. Металла наливають доверху, на самый картонъ, именно съ той стороны, гдѣ выдавлены буквы, т. е. текстъ набора. Для охлажденія стереотипа требуется 20 минутъ. Когда стереотипъ вынуть изъ «формы», то получается металлическая доска полуцилиндрической формы, на внѣшней сторонѣ которой вылился точка въ точку, іота въ іоту, весь текстъ набора одной страницы газеты.

Послѣдовательно отливають всѣ 4 или 8 полосъ газетнаго стереотипа. Приблизительно съ 1 часа и до 3 часовъ ночи происходитъ отливка стереотипныхъ газетныхъ полосъ.

Затѣмъ приступаютъ къ печатанію.

Стереотипныя газетныя полосы вставляютъ въ ротационную машину, которая легко печатаетъ отъ 10,000 до 20,000 экземпляровъ въ 1 часъ. Въ 6 часовъ утра газета отпечатана, затѣмъ поступаетъ въ переплетную мастерскую для наклейки бандероля; въ 7-мъ часу сдается на почту. Въ 8—9 часовъ въ Петербургѣ почтальоны разносятъ газету по квартирамъ. За границей есть машины, печатающія 50,000 экземпляровъ въ 1 часъ.

Отчего возможна такая быстрота печатанія?

Благодаря стереотипии, наборъ текста съ «талера», т. е. съ *доски* обыкновенной скоростной машины перемѣщенъ въ ротационной машинѣ *на цилиндръ*.

Въ этомъ вся и выгода, именно замѣна прямой плоскости кривою цилиндрическою поверхностью. Теперь этотъ цилиндръ (барабанъ) или систему цилиндровъ (барабановъ) можно заставить, при помощи паровой машины, вертѣться около своей оси съ какою угодно скоростью; если подъ стереотипнымъ цилиндромъ, безконечную полосою, будетъ проходить съ соответственной скоростью бумажный листъ, то тисненіе будетъ происходить съ такою быстротою, какая и не снилась нашимъ первымъ книгопечатникамъ.

Въ американскихъ и англійскихъ типографіяхъ, гдѣ нѣкоторыя газеты печатаются въ нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ экземплярахъ, сдѣлано еще одно приспособленіе.

Тамъ съ одного и того же текста дѣлають не одинъ, а нѣсколько стереотиповъ, и каждый изъ нихъ пускается на отдѣльной машинѣ, такъ что въ два часа времени можно отпечатать 1.000,000 экземпляровъ.

При большомъ развитіи англійской ежедневной прессы, тамъ возможны такія чудеса. По-

ложимъ «первый министръ» въ 2—3 часа по полудни говорить въ парламентѣ блестящую рѣчь, на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, весь Лондонъ знаетъ уже содержаніе этой рѣчи: сотни тысячъ и даже милліоны летучихъ листовъ ходятъ по рукамъ читателей.

При видѣ подобныхъ успѣховъ типографскаго искусства, покачалъ бы головой, въ знакъ удивленія, и самъ дѣдушка изобрѣтенія книгопечатанія—И. Гутенбергъ.

Кромѣ выигрыша во времени для газетнаго дѣла, стереотипія удешевляетъ стоимость печатанія книгъ.

Библія, классическіе писатели, ходкіе учебники, вообще всѣ книги, которыя выдерживаютъ по нѣскольку изданій, печатаются стереотипіей.

Разъ книга напечатана, то наборъ текста разрушается, уничтожается, онъ снова разбирается по шрифтъ-кассѣ. Если книга разошлась, и надо выпустить новое изданіе, то снова приходится набирать текстъ и платить за эт наборщикамъ. Совсѣмъ не то, если изданіе—стереотипное. Для стереотипнаго изданія наборъ текста дѣлается разъ на всегда. Самыя металлическія доски, послѣ напечатанія книги, уничтожаются, но за то остаются стереотипные картоны, которые бережно сохраняются въ ти-

пографіи или у автора. Какъ только изданіе разошлось, при помощи стереотипныхъ картоновъ, снова отливаются металлическія доски— для печатанія новаго изданія.

Само собой разумѣется, что корректура для «стереотипныхъ изданій» ведется весьма тщательно; потому, что если въ текстѣ допущена опечатка, то ее не вырубишь топоромъ, и она будетъ назойливо повторяться во всѣхъ последующихъ изданіяхъ — сколько бы ихъ ни было.

Когда вы войдете въ газетную типографію во время работы ротационной машины, то вами невольно овладѣваетъ чувство удивленія къ гению человѣка. Огромное чудовище, со множествомъ колесъ и цилиндровъ, стучить, гремитъ и вбираетъ въ себя безконечную полосу газетной бумаги; на другомъ концѣ машины эта бумага, съ чрезвычайною быстротою, выбрасывается въ видѣ «нумера газеты», такъ что вы тотчасъ же можете приступить къ чтенію, хотя № газеты пахнетъ еще типографской краской. Для напечатанія № газеты «Новаго Времени» расходуется 70 пудовъ газетной бумаги. И это только на одинъ №, на одинъ день. Если эту бумажную полосу развернуть въ одну линію, то она займетъ пространство по крайней мѣрѣ верстѣ около 30...

Ротаціонной машиной управляетъ одинъ мастеръ; около него два помощника. Машина пускается въ ходъ и останавливается—по волѣ мастера.

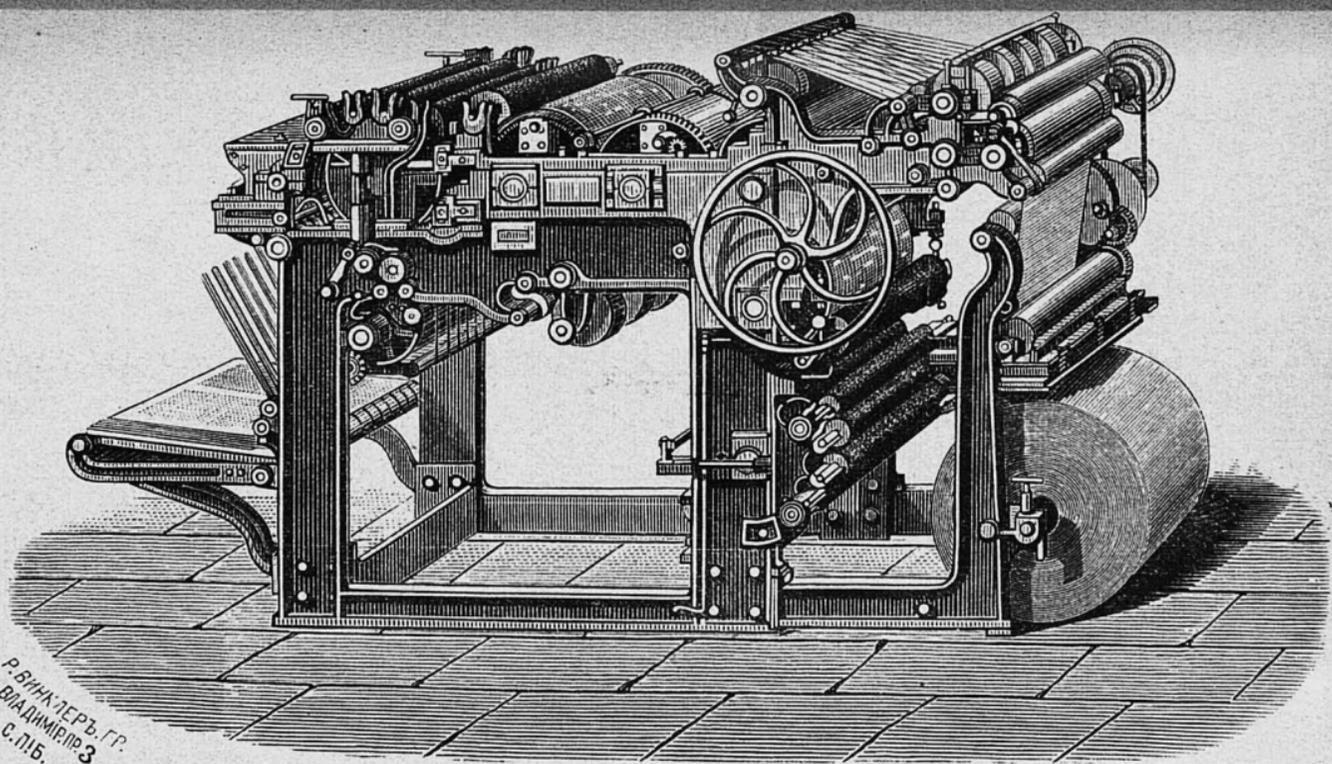
— Берегись, пуцу!..—кричитъ мастеръ своимъ помощникамъ, пуская машину въ ходъ.

И чудовище снова стучитъ и гремитъ.

Въ самое послѣднее время Гордонъ Беннетъ, издатель газеты «Newyork Herald» (Ньюіоркскій герольдъ), въ № отъ 10 мая 1891 года, заявилъ своимъ читателямъ, что въ Ньюіоркѣ начала дѣятельность скоропечатная машина Гоэ и К°.—90,000 оттисковъ, формата 80×58 сантиметровъ, въ 1 часъ.

Девяносто тысячъ экземпляровъ 6-ти страничной газеты въ 1 часъ!..

Самое пылкое воображеніе спасуетъ передъ такой перспективой. 90,000 въ часъ означаетъ 1,500 въ минуту и 25 въ секунду, т. е. машина выбрасываетъ 25 экз. отпечатанных, обрѣзанныхъ, сфальцованныхъ и сосчитанныхъ въ такой короткій промежутокъ времени, въ какой человекъ едва можетъ сказать разъ, два, три. Если считать столбецъ «Herald» въ 1,800 словъ среднимъ числомъ, то въ каждомъ экземплярѣ въ 6 страницъ по шести столбцовъ на каждой окажется 1,620,000 словъ. Сверхъ того, каждый номеръ американской газеты

Р. ВИНКЛЕРЪ. ГГ.
ВЛАДИМИРЪ. 3
С. П. Б.

Ротаціонная машина для печатанія газеты.

украшенъ многочисленными иллюстраціями, отчасти весьма мелкими (въ № отъ 10-го мая изображена новая машина и ея предшественницы), и все это машина отчетливо воспроизводитъ быстрѣе, чѣмъ можетъ промелькнуть мысль. Наилучшее понятіе о значеніи этихъ цифръ получаешь, узнавъ, что три свитка бумаги, одновременно питающіе это чудовище, въ часъ могутъ дать 52 мили или 84,000 метровъ бумаги въ 80 сантиметровъ ширины.

Давно извѣстно, что всякая машина закрепощаетъ за собою человѣка.

Типографское искусство сдѣлало громадный шагъ впередъ, благодаря именно стереотипии. Производство книгъ носитъ фабричный характеръ.

Человѣческая мысль предается тисненію на бумагѣ, можно сказать, съ быстротою урагана...

Но за то ухудшилось положеніе многочисленныхъ труженниковъ печатнаго дѣла. Стоитъ только ночью придти въ газетную типографію и посмотрѣть на *ночную смѣну* наборщиковъ и типографщиковъ.

«Хоть цѣлый свѣтъ обрыщешь,

И въ самыхъ рудникахъ

Тошнѣй труда не сыщешь—

Мы вѣчно на ногахъ.

Отъ частой недосыпки,
 Отъ пыли, отъ свинца
 Мы всё здоровьемъ хлыпки,
 Всё зелены съ лица».

Типографщики работаютъ и по воскреснымъ днямъ, чтобы выпустить понедѣльничный № газеты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди нѣкоторыхъ петербургскихъ издателей газетъ возникла было мысль—послѣдовать примѣру англійской печати: праздновать воскресенье и не выпускать газету по понедѣльникамъ, чтобы дать воскресный отдыхъ для типографщиковъ. Но дѣло не выгорѣло. Въ нынѣшнемъ году двѣ казанскихъ газеты «Волжскій Вѣстникъ» и «Казанскій Листокъ», по взаимному соглашенію редакцій, рѣшили «не выходить по понедѣльникамъ».

Благой гуманный починъ, достойный подражанія.

Петербургская пресса.

Какъ извѣстно, Петербургъ представляетъ собою главный умственный центръ нашего отечества. Въ столицу неудержимо стремится какъ аристократія капитала, такъ и аристократія ума. Не мудрено, что въ столицѣ сосредоточивается больше «книжниковъ и фарисеевъ», чѣмъ въ любомъ провинціальномъ городѣ. Здѣсь под-

визаются на своемъ поприщѣ и писатели, издатели, книгопродавцы, критики, библіографы и т. п.

Нигдѣ въ Россіи типографскій станокъ не работаетъ съ такою лихорадочною поспѣшностію, какъ въ Петербургѣ. Наибольшее количество книгъ поступаетъ на русскій книжный рынокъ—изъ Петербурга. Петербургская пресса занимаетъ первое мѣсто въ Россіи.

А между тѣмъ, спросите любого русскаго читателя, какъ велики размѣры производства типографскаго станка въ Петербургѣ? На какую сумму печатается ежегодно въ Петербургѣ газетъ, журналовъ и прочихъ повременныхъ изданій? Наконецъ, сколько экземпляровъ высылаетъ Петербургъ въ Россію—разныхъ повременныхъ изданій, начиная отъ «толстыхъ журналовъ» и кончая летучимъ листкомъ? Все это—неизвѣстно.

Оставляя вопросъ о книжной производительности столицы въ сторонѣ, я хочу выяснитъ размѣры производительности петербургскихъ повременныхъ изданій—именно, въ количественномъ отношеніи.

Въ 1890 году въ Петербургѣ выходило 186 повременныхъ изданій. Количество подписчиковъ у нихъ было весьма разнообразно.

Вмѣсто того, чтобы перечислять число подписчиковъ каждаго повременнаго изданія, эти послѣднія разбиты мною на группы.

Получилась слѣдующая таблица о состояніи петербургской журналистики за прошлый годъ подписчиковъ.

78	поврем. изд.	имѣли	отъ 200—	1000
38	»	»	»	1001— 2000
15	»	»	»	2001— 3000
5	»	»	»	3001— 4000
6	»	»	»	4001— 5000
18	»	»	»	5001— 6000
4	»	»	»	6001— 7000
9	»	»	»	7001— 8000
3	»	»	»	8001—10000
7	»	»	»	10000—15000
5	»	»	»	15000—20000
2	»	»	»	25001—35000
1	»	»	»	60000
1	»	»	»	120000

Изъ приведенной таблицы видно, что петербургскія повременныя изданія не особенно обременены своими подписчиками.

Слонъ петербургской журналистики (именно «Нива») имѣетъ 120,000 подписчиковъ. Затѣмъ, огромное большинство, а именно 116 повременныхъ изданій, каждое порознь, насчитываютъ отъ 200 до 2,000 своихъ читателей. Семьдесятъ восемь изданій имѣютъ даже менѣе 1,001 подписчика.

Что же это за изданія, которыя могутъ существовать при такомъ ограниченномъ количествѣ подписчиковъ?

Вопервыхъ, это — всевозможные «вѣстники», «записки», «труды» и посильные «вклады» разныхъ ученыхъ обществъ; они издаются при помощи денежныхъ субсидій отъ этихъ обществъ. Всѣ эти «вѣстники», «записки» и «труды», мало извѣстные публикѣ, имѣютъ однако важное значеніе для науки. Современные и будущіе ученые изыскатели не разъ заглянуть въ этотъ кладезь мудрости.

Вовторыхъ, это — новички на журнальномъ поприщѣ, которые еще только пробиваютъ себѣ дорогу, и отъ которыхъ, быть можетъ, слѣдуетъ ожидать многое — въ будущемъ...

Всякій новый журналъ или газета, появляясь на свѣтъ Божій, желаетъ себѣ, конечно, широкаго распространенія среди публики. Иные изъ нихъ возникаютъ съ цѣлью «восполнить существующій пробѣлъ»; другіе появляются на журнальное поприще — на подобіе гоголевскаго городничаго, который всегда находилъ себѣ мѣсто въ церкви, какъ бы въ ней ни было тѣсно, если бы даже и яблоку негдѣ было упасть.

Если вновь народившееся повременное изданіе придется по вкусу читающей публикѣ, то оно быстро завоевываетъ себѣ симпатіи публи-

ки. Примѣромъ можетъ служить хотя бы «Художникъ» г-на Авсѣенки.

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что въ Петербургѣ есть, такъ сказать, журналисты-гробокопатели.

Эти литературные гробовщики, по истинѣ, служатъ притчею во языцехъ.

Фортуна ходить съ завязанными глазами, и нерѣдко роли, предназначенныя для людей, страшно перепутываетъ...

Иному сапожнику, по его разсудительности, по его свѣжему здравому смыслу, такъ и слѣдовало бы быть профессоромъ, а, глядишь, онъ тачаетъ сапоги. Зато другому «ординарному профессору», усыпляющему своихъ немногихъ слушателей, на роду написано быть сапожникомъ, а, глядишь, онъ профессорствуетъ.

Точно также — и въ области журналистики. Чтобъ быть хорошимъ журналистомъ, помимо эрудиціи, надо имѣть врожденный талантъ.

Возьмется журналистъ-гробокопатель издавать журналъ, смотришь, черезъ годъ, черезъ два изданіе прекратилось отъ равнодушія публики. Но литературный гробовщикъ на этомъ печальномъ опытѣ не останавливается. Онъ покупаетъ право собственности на другое какое-нибудь чахлое захудалое изданіе. Съ нимъ — та же исторія и т. д.

Въ полную противоположность журналисту-гробокопателю, въ Петербургѣ есть издатели, которые сразу издають по нѣскольکو печатныхъ органовъ: по два, по три, и даже по четыре.

У этихъ издателей-энциклопедистовъ вы можете записаться на журналы: «для маленькихъ дѣтей», «для юношей», «для дамъ», «для людей преклонныхъ лѣтъ», и, наконецъ, «для публики вообще». Въ издательской лавочкѣ сосредоточены журналы—для всѣхъ возрастовъ и состояній. Конечно, при такомъ обширномъ журнальномъ производствѣ, у издателя-энциклопедиста встрѣчаются и маленькіе недосмотры, напримѣръ, статья, предназначенная «для дамъ», вдругъ попадетъ въ руки дѣтей, и, наоборотъ, дѣтская статья идетъ «для публики вообще».

Тѣмъ не менѣе торговля идетъ бойко—и въ розницу, и оптомъ. И ужъ, конечно, издатель-энциклопедистъ болѣе выгадаетъ, чѣмъ тотъ журналистъ, который начинаетъ издавать новый печатный органъ, что бы «восполнить существующій пробѣлъ».

Сколько экземпляровъ выходитъ въ Петербургѣ разныхъ повременныхъ изданій?

Въ 1890 году газетъ, журналовъ и другихъ повременныхъ изданій выходило въ столицѣ 850,000 экземпляровъ — за весь годъ—цифра далеко небольшая.

Остается много и много пожелать развитію нашей прессы.

Что значать эти 850,000 подписчиковъ для 110 миллионнаго населенія имперіи? Капля въ морѣ. Положимъ, не одинъ Петербургъ поставляетъ въ провинцію газеты и журналы. Есть еще Москва и другіе книжные и журнальные города, но вѣдь Петербургъ занимаетъ между ними первое мѣсто. Солидный конкуррентъ ему развѣ только одна Москва.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, во время подписки на газеты и журналы, въ Петербургѣ бываетъ приливъ денегъ изъ провинціи. Издатели газетъ и журналовъ отъ удовольствія потирають руки. Нѣкоторые изъ нихъ до того отощали за цѣлый годъ, что ждутъ наступающей «подписки», какъ манны небесной.

Еще ранѣе открытія подписки, наиболѣе впечатлительные петербургскіе издатели приходятъ въ нѣкоторое безпокойство, подобно тому какъ вороны передъ ненастьемъ. Это безпокойство рефлексивно выражается въ томъ, что издатели начинаютъ принимать разныя мѣры, которыя всѣ клоняются къ ловлѣ подписчика. Вполнѣ вѣруя въ силу рекламы, издатели шлютъ изъ Петербурга въ провинцію курьеровъ, курьеровъ, курьеровъ, тридцать тысячъ курьеровъ... Иной печатный органъ разсылаетъ по почтѣ въ

провинцію 500,000 и болѣ летучихъ объявленій, гдѣ обозначены условія подписки.

Русскій читатель заманивается пресловутыми «преміями» и т. п.

Зная число подписчиковъ каждаго повременнаго изданія, а также и подписную цѣву его, можно высчитать, какой гонораръ получаетъ Петербургъ съ провинціального читателя за свою журналистику. Работа эта—египетская, но возможная.

Оказывается, что петербургская пресса получила въ 1890 году подписной платы около 6.000,000 рублей. Аристократія пера изъ этого гонорара получаетъ себѣ, конечно, львиную долю...

Въ журналахъ весь доходъ исчерпывается подписной платой. Совсѣмъ не то въ газетахъ: здѣсь, кромѣ подписной платы, плата за публикацію объявленій представляетъ выгодный источникъ дохода. Такъ какъ публикуютъ объявленія, преимущественно, петербургскіе обыватели, то и деньги за публикаціи уплачиваютъ они. Такимъ образомъ, столичная гезата имѣеть двойной источникъ гонорара: подписная плата—съ провинціального читателя, и плата за публикацію объявленій—съ петербургскаго обывателя.

Единицей мѣры для взиманія платы за публикацію объявленій—въ газетѣ принята стро-

ка петита (петить=8 пунктамъ). Ширина столбца во всѣхъ газетахъ почти одинакова. Въ газетной строкѣ петита — приблизительно помѣщается 30 буквъ, и за это платится отъ 10 до 15 копѣекъ на послѣдней страницѣ и отъ 25 копѣекъ и до 1 рубля на первой страницѣ газеты. Каждая газета имѣетъ свою таксу за объявленія. № большой столичной газеты, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ выручить около 2,000 рублей въ одинъ день за одни только объявленія. Изъ этого видно, что плата за объявленія для иного издателя представляетъ въ своемъ родѣ неистощимый перуанскій рудникъ...

Чтобы судить о доходности публикаціи объявленій, замѣтимъ, что она иногда покрываетъ издержки за бумагу и типографскіе расходы — по изданію газеты.

Что касается до содержанія публикуемыхъ газетныхъ объявленій, то онѣ весьма разнообразны. Общая тенденція та, что рабочія руки ищутъ для себя примѣненія: работы, труда. Тутъ и «кухарка за повара», и «молодая горничная», и «лакей трезваго поведенія», и «непьющій швейцаръ», и студентъ, и «опытный педагогъ» — всѣ предлагаютъ свои услуги. Подчасъ публикаціи бросаются въ глаза своею циническою откровенностію: «молодая дѣвица

ищетъ мѣсто къ одинокому; согласна и въ отъѣздъ».

Попадаются и такія публикаціи, предъ которыми читатель становится втупикъ: напримеръ, «дѣвочку пяти лѣтъ желаютъ отдать совѣмъ» или: «ребенокъ двухъ мѣсяцевъ отдается навсегда».

Газетныя публикаціи навсегда останутся живою книгою, въ которой отразился духъ времени.

Корректурa и корректоръ.

Въ типографскомъ отношеніи, идеаломъ для каждой книги можно поставить, между прочимъ, слѣдующее требованіе—отсутствіе опечатокъ. Особенно тщательно корректурa держится при изданіи богослужебныхъ книгъ.

Про нихъ можно сказать, что тутъ и самъ комаръ носа не подточить. Затѣмъ идутъ стереотипныя изданія, въ которыхъ опечатку тоже можно считать рѣдкостью.

Въ прочихъ книгахъ опечатка—дѣло обыкновенное.

Въ особенности неряшливо издаются дешевыя книги для народа, такъ называемыя лубочныя изданія:

«Во первыхъ—сѣрая бумага,
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь—сотни опечатокъ».

Повидному, легко устранить изъ книгъ

опечатки. Однако, это не такъ просто, какъ кажется. Когда книга или газета свободна отъ опечатокъ?

Когда будутъ соблюдены слѣдующія предосторожности:

- 1) Когда писатель правильно напишетъ.
- 2) Когда писатель ясно напишетъ.
- 3) Когда наборщикъ положить въ шрифты-кассу правильныя буквы.
- 4) Когда наборщикъ возьметъ соотвѣтствующую правильную букву.
- 5) Когда правильно ихъ наберетъ.
- 6) Когда корректоръ внимательно и правильно прочтетъ.
- 7) Когда наборщикъ внимательно исправить первую корректуру.
- 8) Когда корректоръ внимательно и правильно исправить вторую корректуру.
- 9) Когда наборщикъ правильно исправить вторую корректуру.
- 10) Когда все это пересмотрѣнное будетъ внимательно и правильно прочитано.
- 11) Когда прочитывающему будетъ предоставлено достаточно времени.
- 12) Когда цѣлая масса другихъ подробностей, необходимыхъ во время процесса печатанія, будутъ всѣ правильно исполнены.

Не мудрено, если одно изъ этихъ много-

численныхъ условій будетъ нарушено, и въ книгу, какъ воръ, проскользнетъ опечатка. Корректуру держитъ корректоръ, или самъ авторъ, или наконецъ издатель.

Въ каждой типографіи для разыскиванія и уничтоженія опечатокъ имѣется одинъ или нѣсколько корректоровъ.

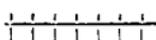
За корректуру платится отъ 1 и до 3 рублей съ cadaго печатнаго листа.

Для хорошей корректуры надо имѣть большой навыкъ, потому что опечатка трудно бываетъ замѣтна въ текстѣ. Съ утра до вечера корректоръ сидитъ за письменнымъ столомъ, въ типографіи, или у себя дома, съ перомъ въ рукѣ, и исправляетъ опечатки. Работа корректора — самая бессмысленная, потому что вся обоснована на опечаткахъ и чужихъ ошибкахъ. Она не даетъ нищи ни для сердца, ни для ума, ни для развитія мышцъ. Для удобства исправленія, придуманы «правила корректуры», или особые условные знаки, которыми корректоры отмѣчаютъ опечатки.

У корректоровъ принято отъ 20—30 условныхъ знаковъ, понятныхъ имъ самимъ.

Основное правило корректуры слѣдующее: каждая опечатка должна быть отмѣчена яснымъ отчетливымъ знакомъ, какъ въ самомъ текстѣ, такъ и на поляхъ корректурнаго оттиска, а

именно противъ той строки, въ которой находится опечатка въ текстѣ. Изъ многочисленныхъ условныхъ знаковъ корректора упомянемъ о нѣкоторыхъ, чтобы имѣть понятіе объ остальныхъ.

Если два слова неправильно соединены въ одно, то между ними ставится раздѣляющій ихъ знакъ: } ; наоборотъ, чтобы соединить два слова, между ними ставятъ знакъ { ; если предложіе должно начать съ новой строки, ставятъ знакъ ∫ ; если буквы или слова переставлены, т. е. набраны не въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, то это обозначаютъ знакомъ ; если слово должно быть набрано со шпаціями, т. е. разставлено, то подчеркиваютъ его и на поляхъ черту пересѣкаютъ столькими линіями, сколько буквъ въ словѣ: ; пропускъ обозначается знакомъ X или V въ текстѣ, и на поляхъ пишутъ то, что пропущено; если въ словѣ нѣсколько ошибокъ, то первая ошибка обозначается вертикальной чертой или крючкомъ ∟, вторая ошибка—двойнымъ крючкомъ ∟∟, третья—тройнымъ ∟∟∟ и т. д.

Часто случается, что при печатаніи промежуточные вставки между буквами или словами (шпаціи) приподымаются и, намазанныя краской, отпечатываются въ видѣ чернаго четырехугольника ; чтобы наборщикъ удалилъ

подобное пятно, корректоръ подчеркиваетъ въ текстѣ это пятно и на поляхъ ставитъ значокъ || .

Корректоръ, читая корректуру, все свое вниманіе обращаетъ на типографскія ошибки, и потому почти никогда не знаетъ содержанія печатаемой статьи.

Если же онъ захочетъ вникнуть въ смыслъ редактируемой статьи, то вниманіе его при этомъ раздвѣивается, и онъ навѣрно не замѣтитъ и пропуститъ нѣсколько опечатокъ. Въ доказательство того, что корректоръ, читая статью не знаетъ ея содержанія, приводимъ слѣдующій фактъ.

Какъ извѣстно, въ Германіи проектируется въ дѣлахъ о диффамациі и клеветѣ, наравнѣ съ редакторомъ газеты, привлекать къ суду и корректора, читавшаго инкриминируемую статью. По этому поводу профессоръ Карль Фогтъ обратился въ «Fr. Ztg.» съ интереснымъ письмомъ: «Такъ какъ изъ полученнаго нумера вашей газеты я вижу, что все еще не конченъ споръ о томъ, можетъ ли корректоръ печатаемой статьи знать ея содержаніе, то я позволяю себѣ рассказать вамъ случай изъ моей жизни, который можетъ бросить на дѣло нѣкоторый свѣтъ. Когда мы двое, Дезоръ и я, работали у Агасица въ Нейенбургѣ, другъ мой Дезоръ

долженъ былъ описать по замѣткамъ Агассица ископаемыхъ рыбъ, изслѣдованныхъ и определенныхъ упомянутымъ ученымъ. Дезоръ диктовалъ эти описанія молодому человѣку, нѣкоему Чарльзу, утверждавшему, что онъ отлично понимаетъ диктуемое ему Дезоромъ, между тѣмъ, какъ Дезоръ оспаривалъ это и даже требовалъ, чтобы переписчикъ былъ простою машиною, безсознательнымъ перомъ. Чтобы рѣшить этотъ споръ, Дезоръ, съ моего вѣдома, рѣшилъ продиктовать своему секретарю явную безсмыслицу и включилъ въ описаніе одной ископаемой рыбы слѣдующую фразу: «Эта рыба отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что у нея голова находится тамъ, гдѣ у другихъ находится хвостъ». Мистеръ Чарльзъ написалъ эту фразу, не замѣтивъ ея безсмысленности. Дезоръ ушелъ, забывъ о своей шуткѣ, и рукопись въ такомъ видѣ попала въ типографію. Корректуру читали: Дезоръ, докторъ Г., только корректурою занимавшійся, и, кромѣ того, какъ научно-свѣдущій человѣкъ, составлявшій номенклатуру, затѣмъ я и, наконецъ, Агассицъ, подписывавшій къ печати. Большею частью читалъ корректуру также и мистеръ Чарльзъ, но я не знаю, прошелъ ли черезъ его руки листъ съ упомянутой безсмыслицей. Но черезъ руки насъ четверыхъ, всѣхъ специально занятыхъ этимъ дѣломъ, онъ

прошелъ; мы—Дезоръ, докторъ Г. и я—читали свои корректуры послѣ двухъ типографскихъ корректуръ, и затѣмъ Агасенцъ подписалъ къ печати, не замѣтивъ безсмыслицы. Листъ такъ и былъ отпечатанъ и только по отпечатаніи и передъ разсылкою книги Дезоръ вспомнилъ о своей шуткѣ. Пришлось перепечатать страницу. Выводъ изъ этого ясенъ самъ собою. Четыре корректора исправляли, не понимая читаемаго. Ницца, 8-го іюня, 1891 г. Карль Фогтъ».

Въ спеціальныхъ и научныхъ сочиненіяхъ корректуру держитъ самъ авторъ.

Техника чтенія корректуры такова: корректоръ внимательно читаетъ каждое слово отдѣльно и смотритъ, нѣтъ ли въ немъ ошибокъ, опечатки.

При этомъ важно, чтобы корректоръ, во время чтенія корректуры, не развлекался бы посторонними дѣлами, напримѣръ, не разговаривалъ бы и т. п. Тогда все его вниманіе будетъ поглощено каждою найтти опечатку, и онъ ее найдетъ при внимательномъ чтеніи и хорошемъ усердіи. Корректоръ по профессіи при открытіи каждой новой опечатки испытываетъ даже нѣкоторое удовольствіе, которое можно сравнить развѣ съ удовольствіемъ истаго охотника—при видѣ дичи...

По прочтеніи корректуры, корректурный от-

тискъ отсылается въ типографію, и наборщикъ исправляетъ отмѣченныя ошибки.

Каждая опечатка исходитъ отъ наборщика. Хорошо, если корректоръ во-время замѣтитъ ее; въ противномъ случаѣ, опечатка останется въ книгѣ навсегда.

Какъ замѣчено было выше, ясность и четкость почерка авторской рукописи имѣетъ важное вліяніе на возможность, или полное отсутствіе, опечатокъ въ книгѣ.

Представьте себѣ, что писатель пишетъ небрежно, неразборчиво, и подобно Гоголевской помѣщицѣ, вмѣсто, напримѣръ, Евдокія напишетъ «обмакни». Мудрено ли тутъ, если наборщикъ не такъ прочтетъ, какъ надо, и наберетъ неправильно.

Ясность и четкость почерка, между прочимъ, зависитъ и отъ того, по какой методѣ вы учились писать въ школѣ. Наши прописи въ отношеніи каллиграфіи, въ большинствѣ случаевъ, неудовлетворительны.

За-границей — наборщики неоднократно выражали свой протестъ противъ неудовлетворительности внѣшняго вида авторскихъ рукописей. Одна нѣмецкая газета пишетъ: «небрежный и неразборчивый почеркъ есть большая несправедливость, которая учиняется противъ цѣлаго класса ремесленного сословія, именно

противъ наборщиковъ. Послѣдніе работаютъ, какъ извѣстно, за задѣльную плату. Работа, которой они занимаются, трудна и изнурительна. Сносный же заработокъ они имѣютъ только тогда, когда получаютъ для набора четкія и разборчивыя рукописи, и, наоборотъ, ихъ заработокъ значительно сокращается, когда имъ приходится много трудиться еще надъ разборомъ рукописи, чаще всего — собственныхъ именъ и иностранныхъ выраженій».

Извѣстный философъ А. Шопенгауэръ, приступая къ печатанію своего сочиненія: «Миръ, какъ воля и представленіе», послалъ слѣдующее остроумное письмо къ своему наборщику:

«Любезный г. наборщикъ!

Мы относимся другъ къ другу, какъ душа къ тѣлу; поэтому, по примѣру послѣднихъ, мы должны оказывать другъ къ другу взаимную поддержку, въ видахъ созданія такого труда, который заставилъ бы возникнуть сердце господина Брокгауза (издателя). Я съ этой цѣлью сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, и на каждой строчкѣ, при каждомъ словѣ, даже при каждой буквѣ, думалъ о васъ, — о томъ, съумѣете ли вы прочесть написанное. Теперь сдѣлайте же и вы то, что отъ васъ зависитъ. Рукопись моя писана не изящнымъ, но четкимъ почеркомъ. Тщательная отдѣлка труда

моего вызвала необходимость многихъ вставокъ; но при каждой вставкѣ ясно обозначено, куда она относится, такъ что въ этомъ отношеніи не можете впасть въ ошибку, лишь бы вы были достаточно внимательны и прониклись увѣренностью, что все въ порядкѣ, и что нужно только подыскать для каждаго значка на поляхъ — соответствующее слово. Прошу васъ также обратить должное вниманіе на мое правописаніе и на мою пунктуацію, и пожалуйста, не воображайте, будто вы смыслите въ этомъ отношеніи болѣе моего: повторяю: я — душа, а вы — тѣло.

Если вамъ гдѣ либо встрѣтится зачеркнутая строка, то всмотритесь внимательно, не найдется ли въ этой строкѣ незачеркнутого слова; отнюдь не допускайте предположенія, что здѣсь могъ случиться недосмотръ съ моей стороны. Если вы не желаете создать для себя лишняго корректурнаго труда, то избавьте меня отъ необходимости производить многочисленныя поправки на корректурныхъ листахъ» *).

Русскіе писатели, посылая небрежно и неразборчиво написанную рукопись — въ редакцію или типографію, руководствуются, въ этомъ

* См. Біографическая бібліотека г. Павленкова: А. Шонгауэръ.

случаѣ, классическимъ выраженіемъ полицейскихъ городовыхъ: «тамъ разберутъ!»

Вотъ именно этой фразою руководствуются очень часто и писатели—въ отношеніи своихъ рукописей.

Кто нѣсколько беззаботенъ на счетъ грамматики, тѣ, обыкновенно, полагаютъ, что въ типографіяхъ и редакціяхъ на это есть свѣдущіе люди—въ лицѣ корректоровъ. Дѣйствительно, корректору иногда приходится слѣдить и за правильной пунктуаціей рукописи.

Одна американская газета, въ юмористической формѣ, даетъ слѣдующіе *совѣты наборщика къ авторамъ*:

«Пока вы можете употреблять для писанія что-либо другое, чѣмъ чернила и перо,—остерегайтесь употреблять названное.

Почеркъ можетъ сдѣлаться черезчуръ четкимъ, и вслѣдствіе этого недостаточно будетъ напрягать вниманіе редактора и наборщика.

Если же вы заставлены обстоятельствами писать перомъ и чернилами, то остерегайтесь, по крайней мѣрѣ, при перевертываніи листа употреблять пропускную бумагу: это давно уже вышло изъ моды. Если вы сдѣлали кляксъ, то можете обойтись только посредствомъ своего языка для удаленія его.

Такимъ образомъ, вамъ уластятъ также рас-

ширить клякъъ на большее пространство и болѣе равномерно. Интеллигентный наборщикъ никогда не чувствуетъ себя болѣе польщеннымъ, чѣмъ когда ему приходится отгадывать штукъ двадцать словъ, которыя вълѣдствіе подобнаго приѣма сдѣлались невозможными для прочтенія. Мы сами видѣли многихъ наборщиковъ, которые съ полчаса занимались только тѣмъ, что старались разобрать подобное мѣсто; въ это время они ругались, какъ извозчики, что у нихъ означаетъ очень хорошее расположеніе духа. Не употребляйте никогда знаковъ препинанія; намъ очень пріятно, когда мы должны отгадывать, что вы, собственно, хотите сказать. Точно также совершенно излишне употреблять прописныя начальныя буквы; такъ мы можемъ, по крайней мѣрѣ, употреблять знаки препинанія и прописныя буквы по собственному благоусмотрѣнію. Совершенно излишне—выработать себѣ хорошій почеркъ, последнее выдаетъ всегда плебейское происхожденіе, и даетъ право къ предположенію, что вы получили образованіе въ какомъ либо учебномъ заведеніи. Дурной почеркъ, наоборотъ, показываетъ гениальность пишущаго. Многіе писатели только этимъ путемъ дѣлаются извѣстными. Поэтому при писаніи закрывайте глаза и пишите сколько возможно неразборчивѣе. На собственныя

имена не нужно обращать особеннаго вниманія, такъ какъ каждый наборщикъ знаетъ имя и фамилію каждаго мужчины, каждой женщины и каждаго ребенка цѣлаго свѣта.

Очень выгодно исписать обѣ стороны листа, и если страницы уже совершенно наполнены и нужно прибавить еще пару—другую строкъ, то рекомендуется писать еще поперекъ страницъ.

Мы на седьмомъ небѣ, когда намъ попадаетъ въ руки подобная рукопись; пріятнѣе всего было бы намъ, если бы и самъ авторъ подобной рукописи попался намъ въ руки гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ...»

Гравёръ.

Въ доброе старое время, до изобрѣтенія книгопечатанія, рукописныя книги, какъ извѣстно, украшались иногда рисунками и картинками, сдѣланными отъ руки.

Этимъ дѣломъ занимались иллюминаторы и рубрикаторы: эти послѣдніе, впрочемъ, исключительно выводили и разрисовывали одни только заглавныя буквы.

Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, иллюминаторы уступили свое мѣсто граверамъ. Съ тѣхъ поръ графическія искусства нашли благопріятную для себя почву—въ области книгопечатанія.

Не говоря уже о разныхъ научныхъ изданіяхъ, въ коихъ рисунокъ дополняетъ текстъ, вынче даже многія беллетристическія произведенія украшаются иллюстраціями.

Мало того, пелѣныя фантазіи, неимѣющія подчасъ никакой реальной подкладки, въ родѣ,

напримѣръ, «Путешествія на луну», — и тѣ для пущей важности украшаются рисунками.

Какъ извѣстно, вѣкоторые журналы иллюстрируются рисунками.

Многія книги также не могутъ обойтись безъ рисунковъ или чертежей.

Въ особенности рисунокъ необходимъ въ книгахъ естественно-историческаго содержанія.

Для большей наглядности, опытное перо естествоиспытателя нуждается въ бойкомъ карандашѣ художника — рисовальщика. Точно также многія руководства и учебники, предназначенные для молодого учащагося поколѣнія, тоже сопровождаются рисунками. Попробуйте-ка, напримѣръ, изучать «физику» безъ рисунковъ, или геометрію — безъ чертежей!

Въ иллюстрированныхъ журналахъ и газетахъ рисунокъ воспроизводитъ жизнь какъ она есть, и, преимущественно, разные злобы дни.

Происходитъ ли на свѣтѣ какое-нибудь важное политическое событіе, редація иллюстрированнаго періодическаго изданія посылаетъ на мѣсто дѣйствія рисовальщика, который зарисовываетъ карандашомъ свои наблюденія чтобы передать рисунокъ — граверу. Умеръ ли писатель, публицистъ или вообще какой-нибудь общественный дѣятель — о нихъ пишутся некрологи съ приложеніемъ портретовъ. Возгорѣлась ли гдѣ

нибудь кровопролитная война, тамъ кромѣ спеціальныхъ корреспондентовъ, наблюдаютъ баталію и рисовальщики.

Чтобы удовлетворить любопытству публики, иллюстрированныя изданія помѣщаютъ даже портреты разныхъ отрицательныхъ дѣятелей, темныхъ субъектовъ — ловкихъ мошенниковъ, грабителей, убійцъ, крупныхъ воровъ, фигурирующихъ на скамьѣ подсудимыхъ, и т. п.

Въ этомъ отношеніи усердіе простирается такъ далеко, что редакція роздала бы своимъ подписчикамъ по куску веревки, на которой повѣшенъ былъ преступникъ; но, къ сожалѣнію, это невозможно....

Каждое иллюстрированное изданіе имѣетъ своихъ граверовъ, которые работаютъ на него.

Войдите въ мастерскую гравера, въ особенности вечеромъ, когда онъ работаетъ при искусственномъ освѣщеніи, при огнѣ.

Вы увидите слѣдующую картину. За рабочимъ столомъ, гдѣ лежатъ разные гравировальные инструменты, сидитъ граверъ, согнувшись и наклонивъ голову надъ деревянной досочкой; не отрывая отъ нея глазъ, онъ рѣжетъ то однимъ, то другимъ штихелемъ.

При особо мелкихъ частяхъ рисунка, граверъ употребляетъ увеличительное стекло. Кусокъ дерева лежитъ на кожаной подушкѣ, набитой

пескомъ. Другіе привинчиваютъ его къ столу. Чтобы не портить и не пачкать рисунка, дерево покрыто бумагою, которую и отдираютъ по мѣрѣ гравированія. Впередѣ лампы, на особой подставкѣ, стоитъ стеклянный шаръ, наполненный водою. Лучи свѣта, благодаря этому шару, концентрируются на известной точкѣ, смотря по желанію гравера. Завертывая винтъ, граверь можетъ приподымать стеклянный шаръ выше и ниже, и направлять лучи свѣта по своему усмотрѣнію — прямо на рисунокъ, такъ что видны мельчайшія его детали. Въ этомъ мѣстѣ бываетъ ослѣпительный снопъ свѣта.

Граверь надѣваетъ на свои глаза зеленый зонтикъ, наглазникъ, который предохраняетъ зрѣніе отъ сильнаго свѣта.

Для гравированія употребляютъ штихеля разной толщины, начиная съ 1 № и кончая 20 №, и даже больше. Представьте себѣ перочинный ножикъ, который имѣетъ косою сръзь изнутри — наружу, и вы получите понятіе о штихелѣ — главномъ инструментѣ граверовъ. Въ поперечномъ разрѣзѣ штихель — треугольной формы. Имъ рѣжутъ снизу вверхъ и проводятъ на деревѣ борозду въ одинъ приемъ руки.

Штихель дѣйствуетъ на деревѣ такъ же, какъ соха въ полѣ, во время паханія.

Для гравированія употребляется пальмовое

дерево, какъ наиболѣе твердое, при чемъ пальмовыя доски распиливаютъ не вдоль, а поперекъ ствола, потому что въ этомъ случаѣ сопротивленіе дерева одинаково по всѣмъ направленіямъ; да къ тому же каждая точка на поверхности доски сидитъ крѣпко, потому что ея основаніе (растительное волокно) коренится глубоко въ деревѣ. Выбираютъ пальмовыя доски, смотря по величинѣ рисунка.

Толщина же пальмовыхъ досокъ для гравированія почти всегда одинакова, именно, около $1/2$ вершка, что соотвѣтствуетъ высотѣ литеръ, употребляемыхъ для печатанія: это необходимо для того, чтобы при тисненіи рисунокъ, вставленный въ текстъ, находился бы въ одной плоскости со шрифтомъ. Только при этомъ условіи, рисунокъ и текстъ отпечатаются одновременно. Въ противномъ случаѣ, т. е. если пальмовая доска будетъ ниже литеры, произойдетъ то, что текстъ отпечатается, а рисунокъ — нѣтъ.

Приступая къ гравированію, граверъ предварительно переводитъ данный рисунокъ, оригиналь — на доску. Это дѣлается при помощи ксилографіи. Примѣненіе свѣтописи въ типографскомъ дѣлѣ представляетъ собою одно изъ самыхъ чудеснѣйшихъ изобрѣтеній.

Съ натуры получаютъ фотографическій снимокъ, и полученный фотографическій негативъ

переводятъ на пальмовую доску. Это дѣлается такъ:

Пальмовая доска покрывается цинковыми бѣлилами; когда онѣ высохли, сверху ихъ покрываютъ растворомъ серебра. Теперь на эту доску кладутъ фотографическій негативъ и выставляютъ на свѣтъ—отъ $\frac{1}{4}$ до 1 часа, смотря по погодѣ. Въ это время происходитъ работа солнечнаго свѣта. Природа является искуснымъ живописцемъ. Съ великимъ мастерствомъ она переводитъ фотографическій негативъ на пальмовую доску: гдѣ свѣтъ проходитъ черезъ негативъ, тамъ онъ чернитъ бѣлила на пальмовой доскѣ, а гдѣ свѣтъ задерживается негативомъ, тамъ остаются бѣлыя мѣста. Такимъ образомъ, на пальмовой доскѣ получается рисунокъ, въ которомъ свѣтъ и тѣни расположены въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ въ негативѣ. Принимая во вниманіе, что въ фотографическомъ негативѣ, въ свою очередь, свѣтъ и тѣни расположены тоже въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ въ натурѣ, не трудно понять, что на пальмовой доскѣ получится изображеніе предмета, согласное съ натурой, т. е. свѣтъ и тѣни получатся на соответственныхъ мѣстахъ.

Имѣя изображеніе предмета на пальмовой доскѣ, граверъ начинаетъ гравировать его, т. е. рѣзать на деревѣ.

Искусство гравированія основано на томъ законѣ, что чѣмъ толще штрихи и чаще они расположены на бумагѣ, тѣмъ сильнѣе они обозначаютъ отсутствіе свѣта, т. е. тѣневые мѣста, и наоборотъ, чѣмъ тоньше штрихи и рѣже они расположены на бумагѣ, тѣмъ ярче обозначаютъ свѣтовые мѣста. Искусно комбинируя штрихами, граверъ обозначаетъ на рисункѣ всѣ градаціи свѣта, полутѣни и тѣни и, такимъ образомъ, достигаетъ рельефнаго изображенія предмета.

Говорятъ, что искусство скульптуры заключается въ томъ, что *берутъ кусокъ камня и отсыкаютъ все лишнее.*

Для скульптора въ каждомъ кускѣ мрамора заключается уже Аполлонъ Бельведерскій или Венера Милосская. Точно также искусство гравированія заключается въ томъ, что берутъ деревянную доску и удаляютъ съ ея поверхности все лишнее, оставляя нетронутымъ только рисунокъ.

Для записного гравера каждая пальмовая доска представляетъ уже великолѣпную гравюру, находящуюся пока, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи. Остается только раскрыть ее при помощи рѣзца.

Техника гравированія такова.

Въ томъ мѣстѣ картинки, гдѣ показана тѣнь,

гравёръ проводитъ параллельныя тонкія, широко разставленныя борозды — при тисненіи получатся жирныя толстыя штрихи, и наоборотъ, въ свѣтовыхъ частяхъ картинки проводитъ широкія, близко стоящія къ другу борозды — при тисненіи получатся тонкіе, вѣжные штрихи.

Вырѣзавъ весь рисунокъ, гравёръ особымъ штихелемъ удаляетъ прочь поля, и гравюра на деревѣ готова. Это и есть клише.

Если клише намазать типографской краской, то она покроетъ только рельефныя выпуклыя черты рисунка, который и оттиснется.

Работа гравера одна изъ самыхъ кропотливыхъ и усидчивыхъ. Про него можно сказать, что сколько онъ посидѣлъ, столько и награвировалъ. Иногда работу цѣлаго дня можно прикрыть концомъ пальца.

Если какая нибудь часть рисунка у гравера вышла плохо, то онъ высверливаетъ испорченное мѣсто и вколачиваетъ новый кусокъ дерева.

Нерѣдко естественныя недостатки дерева заставляютъ уже заранѣе прибѣгать къ починкѣ подобнаго рода.

Плата за гравированіе весьма различна и зависитъ отъ качества работы гравера.

Одни граверы рѣжутъ мелкія картинки къ разнымъ научнымъ изданіямъ, другіе работа-

ють портреты, жанровыя сцены и т. п., для чего требуется художественное чутье. За гравированіе, при помощи ксилографіи, платять отъ 30 копѣекъ и до 1 рубля съ каждаго квадратнаго дюйма.

За гравированіе портретовъ историческихъ дѣятелей, или сложныхъ жанровыхъ сценъ плата взимается по особому соглашенію.

Въ Петербургѣ работаютъ слѣдующіе граверы: Матте, Винклеръ—для отдѣльныхъ изданій, Рашевскій—журнала «Нивы», Адтъ—для «Живописнаго Обозрѣнія», Вейерманъ—для «Всемирной Иллюстраціи» и мн. друг.

Нельзя сказать, чтобы въ Россіи гравировальное искусство процвѣтало. Доказательствомъ тому служить то, что хорошіе заказы мы нерѣдко отдаемъ за-границу въ Парижъ, Паннемакеру, въ Лейпцигъ—Гедану и проч.

А между тѣмъ гравировальное искусство имѣетъ всѣ шансы для своего развитія: спросъ на него большой, вслѣдствіе роста повременныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Какимъ образомъ производится заказы заграничнымъ граверамъ?

Положимъ, надо награвировать портреты разныхъ русскихъ дѣятелей для какого нибудь изданія. Съ имѣющагося портрета, или прямо съ натуры снимають фотографію; негативъ (жела-

тинную пленку) бережно свимають со стекла и посылають ее при письмѣ въ Лейпцигъ, граверу г. Гедану.

Г. Геданъ имѣеть обширную гравировальную мастерскую, гдѣ работаетъ до 40 человѣкъ рабочихъ-мастеровъ. Эта мастерская носитъ международный характеръ, потому что въ ней изготовляютъ гравюры по заказу, для издателей разныхъ европейскихъ государствъ. Самъ г. Геданъ гравируетъ только головы, остальное, т. е. туловище, руки, одежду и т. д., отдаетъ доканчивать своимъ рабочимъ и ученикамъ.

При такомъ раздѣленіи труда, Геданъ успѣваетъ награвировать до 230 портретовъ въ 1 годъ. За каждый портретъ обыкновеннаго книжнаго формата онъ беретъ по 100 марокъ, съ переводомъ портрета на мѣдное клише, при помощи гальванопластики; а за портретъ Рѣшетникова (Собраніе сочиненій Рѣшетникова, изданіе г. Павленкова, 1890 годъ) взято 140 марокъ. Зато портреты награвированы хорошо.

Изъ Лейпцига готовое клише пересылается въ Петербургъ и поступаетъ въ типографію.

Работа извѣстныхъ хорошихъ граверовъ имѣеть международный характеръ.

Благодаря любезности г. Гедана, приводимъ

здѣсь небезынтересную таблицу. Въ 1890 г. изъ 230 портретовъ имъ отправлено:

въ Россію	40
» Штутгардъ	30
» Мюнхень	40
» Лондонъ	20
» Берлинъ	30
» Лейпцигъ	70

Кромѣ того, въ его мастерской изготовлено было: 300 жанровыхъ сценъ, 250 ландшафтовъ, 200 растений, 400 рисунковъ по зоологіи и до 200 геометрическихъ фигуръ.

По своей манерѣ работать—граверъ на деревѣ приравняется къ рисовальщику карандашемъ.

Разница между ними та, что рисовальщикъ работаетъ самостоятельно, а граверъ на деревѣ воспроизводитъ до мельчайшихъ подробностей, рабски, работу рисовальщика. Въ настоящее время граверъ въ состояніи передать какой угодно рисунокъ. Благодаря гравюрѣ, многія знаменитыя произведенія живописи идутъ въ народъ; они, такъ сказать, демократизируются. Вліяніе иллюстраціи, какъ наглядной популяризаціи знаній, выше, чѣмъ вліяніе живописп. Сатира сплошь и рядомъ облачается въ лубочную картинку.

Если появилось художественное произведеніе въ области живописи или скульптуры, то оно

идеть въ столицы и большіе города, въ руки богачей и знатоковъ, такъ что безъ копій съ него въ гравюрѣ—оно осталось бы неизвѣстнымъ для большей части публики. Со всѣхъ знаменитыхъ художественныхъ произведеній народы получаютъ копій, въ которыхъ передается существенное содержаніе творенія.

Рафаэли и Рембранты болѣе извѣстны по гравюрамъ, чѣмъ по своимъ картинамъ.

Типографская краска.

Нѣтъ двадцать тому назадъ для роскошныхъ изданій русскія типографіи выписывали бумагу изъ Парижа и Лондона, а типографскую краску— изъ Гамбурга.

Въ настоящее время и бумагу, и типографскую краску мы имѣемъ у себя, и только скоропечатныя машины попрежнему продолжаемъ выписывать изъ-за границы.

Быстрое развитіе книгопечатнаго дѣла вызвало къ жизни нѣкоторыя другія отрасли производства, которыя тѣсно связаны съ типографскимъ искусствомъ.

Въ прежнее время типографщикъ и литеры самъ отливалъ, и краску самъ растиралъ. Но тогда книгъ печатали мало. Нынѣшнему типографщику не успѣтъ въ одно и то же время: печатать книги, отливать литеры и растирать краску.

Литеры отливаютъ въ словолитныхъ мастерскихъ, а типографскую краску выдѣлываютъ на красочныхъ заводахъ.

Въ Петербургѣ имѣется нѣсколько заводовъ типографской краски.

Самый старѣйшій заводъ типографской краски—Беггрова за Московской заставой, основанъ въ 1861 году инженеръ-технологомъ Беггровымъ.

Эта фирма имѣетъ четыре медали «за трудолюбіе и искусство», изъ коихъ одна золотая получена на всероссійской мануфактурной выставкѣ въ Москвѣ въ 1882 г.

Красочный заводъ Беггрова долгое время былъ единственнымъ въ Россіи, и все русскія типографіи получали краску изъ этого завода. Казалось бы, что на ряду съ Беггровымъ, русскимъ предпринимателямъ слѣдовало бы открыть еще нѣсколько красочныхъ заводовъ. Тѣмъ болѣе, что спросъ на типографскую краску все болѣе и болѣе возрасталъ, конкуренція была слабая, и дѣло обѣщало очевидныя выгоды. Но дѣло приняло иной оборотъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ возникли четыре новыхъ красочныхъ завода: Глейцмана въ Динабургѣ, Маркса, Палицина и Эрлинбаха—въ Петербургѣ. Все это—иностранцы, за исключеніемъ Палицина.

На преискурантѣ Маркса значитса, что онъ

имѣть заводы въ Вѣнѣ и Маинцѣ. Такимъ образомъ, заводъ Маркса въ Петербургѣ есть не что иное, какъ філіальное отдѣленіе.

Глейцманъ тоже живетъ за-границей, а въ Россіи, въ Динабургѣ, имѣетъ своего управляющаго.

При помощи комиссіонеровъ изъ евреевъ типографская краска изъ Динабурга доставляется въ Петербургъ.

Раньше мы видѣли, что словолитное дѣло въ Петербургѣ находится въ рукахъ нѣмцевъ, теперь приходится добавить, что и производство типографской краски тоже—въ рукахъ нѣмцевъ.

Русскіе люди, проснитесь!

Какъ извѣстно, типографская краска готовится изъ сажи, льняного масла и канифоли (гарпіуса). Канифоль подбавляютъ для клейкости краски.

Отъ типографской краски требуется способность противустоять вреднымъ вліяніямъ времени и затѣмъ—совершенно черный цвѣтъ. Кроме упомянутыхъ элементовъ, заводчики подбавляютъ еще немного мыла и берлинской лазури.

Вообще пропорцію составныхъ элементовъ типографской краски заводчики сохраняютъ въ величайшей тайнѣ и ревниво оберегаютъ свой заводъ отъ взоровъ любопытнаго.

Въ специальныхъ техническихъ руководствахъ

предлагается слѣдующій рецептъ для пригото-
вленія типографской краски, а именно:

12	вѣсовыхъ частей	льняного масла,
6	»	» канифоли,
1	»	» мыла,
7	»	» сажи,
$\frac{1}{3}$	»	» берл. лазури.

Эта норма для типографской краски, такъ ска-
зать, академическая, отъ нея всегда бываютъ укло-
ненія, смотря по качеству типографской краски.

Заводъ типографской краски имѣеть 4 от-
дѣленія: 1) сажекоптильное, 2) масловарное,
3) составное и 4) краскотерочное.

Есть заводы, которые исключительно зани-
маются коптѣнiемъ сажи.

Коптить сажу—дѣло весьма простое. Затопить
печку, дать ей остыть и сажа готова: надо
только соскрести ее со стѣнокъ трубы. На
заводахъ это дѣло поставлено на широкую ногу
и вполне цѣлесообразно: тамъ при сгоранiи раз-
ныхъ горючихъ веществъ вся сажа утилизи-
руется и не пропадаетъ зря—на воздухъ.

Представьте себѣ громадное трехъ-этажное
каменное зданiе съ высокой закоптѣлой тру-
бой, поднимающейя высоко въ воздухъ. Вви-
зу, въ первомъ этажѣ, большая печь, куда ко-
чегарь то и дѣло подбрасываетъ смолу, или неф-
тяные отбросы. Дымъ изъ печи идетъ въ много-

численные камеры, расположенные зигзагами одна за другой въ первомъ этажѣ. И такъ какъ камеры расположены въ нѣсколько параллельныхъ рядовъ, то дымъ сдѣлаетъ въ первомъ этажѣ нѣсколько концовъ, и потомъ проходить въ слѣдующій этажъ, тамъ также начинаетъ странствовать по камерамъ, и не найдя себѣ выхода, подымается въ слѣдующій этажъ, гдѣ наконецъ, обойдя всѣ камеры, выходитъ на свѣтъ Божій.

Но это почти уже не дымъ, а одинъ только жаръ, тепло: вся сажа осѣла на стѣнкахъ многочисленныхъ камеръ. Дымъ въ этомъ коптильномъ лабиринтѣ сдѣлаетъ по крайней мѣрѣ версту прежде чѣмъ выбраться на вольный воздухъ.

Коптильныхъ камеръ можно понастроить и болѣе, смотря по тому, какъ будетъ работать печь, сколько она будетъ сжигать горючаго матеріала.

Въ коптильныхъ камерахъ навѣшаны холщевые мѣшки для сбора сажи.

Коптильня съ двумя печами работает и денно, и ночно, въ продолженіи недѣли, потомъ даютъ ей остыть, и затѣмъ въ камеры входятъ рабочіе со щетками въ рукахъ, и принимаются сметать сажу со стѣнъ камеры— въ мѣшки. Выйдя изъ коптильни, рабочіе бы-

ваютъ похожи на трубочистовъ: одежда, волосы и лицо покрыто сажею, и только глаза блестятъ, да зубы кажутся бѣлыми, какъ снѣгъ.

Отъ 40 пудовъ газовой смолы получается приблизительно около 4 пудовъ сажи; отъ 10 пудовъ береста—1 пудъ сажи.

Хотя въ обыденной жизни сажу и называютъ черною, но въ большихъ массахъ она кажется сѣроватый цвѣтъ, впадающій въ рыжеватый тонъ.

Въ типографскомъ дѣлѣ, для иллюстрацій и рисунковъ, требуется краска совершенно черная, блестящая, какъ вороново крыло.

Очевидно, для такой краски обыкновенная сажа не годится: изготовляютъ особый высшій сортъ сажи—изъ ламповой копоти, которую подбавляютъ къ простой сажѣ.

Для этого жгутъ въ лампахъ разныя растительныя масла, скипидаръ, керосинъ, а также ворвань (китовый жиръ).

Берутъ десятка два лампъ и ставятъ ихъ въ видѣ круга въ камерѣ: копоть осѣдаетъ на стѣнахъ и потомъ ее бережно собираютъ. Копоть изъ ворвани самая дорогая—по 205 рублей за 1 пудъ.

Теперь перейдемъ къ технику производства типографской краски.

Въ масловарномъ отдѣлѣниі варятъ льняное

масло. Варятъ его въ котлѣ, и когда отъ масла поднимаются газы, рабочіе жгутъ ихъ при помощи зажженной лучины и затѣмъ во-время снимаютъ котель съ масломъ прочь, чтобы не дать маслу перейти за предѣлъ известной температуры, когда оно воспламеняется, вспыхиваетъ вдругъ.

Масло варится часа три-четыре. Когда оно проварено, его несутъ въ такъ называемое «составное отдѣленіе», гдѣ составляется типографская краска.

Въ этомъ отдѣленіи варится канифоль (гарпіусъ), а именно изъ нея удаляется прочь вода: пары поднимаются изъ котла и по особой трубѣ идутъ въ холодильникъ.

Когда гарпіусъ готовъ, его смѣшиваютъ вмѣстѣ съ льнянымъ масломъ и снова варятъ.

Въ составномъ отдѣленіи стоятъ удупленные пары гарпіуса (канифоли), напоминающіе смолистый запахъ сосноваго лѣса, съ тою только разницею, что эти пары—острые, нестерпимые для «легкихъ». Рабочіе то и дѣло выбѣгаютъ изъ помѣщенія во дворъ, чтобы перевести духъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Нечего и говорить, что всѣ они страшно перепачканы сажей.

Составленіе типографской краски производится такъ. Въ большіе чаны, наполненные са-

жей, наливаютъ «по препорціи» варенаго льняного масла и затѣмъ рабочіе мѣшаютъ эту массу большими деревянными веслами. Чѣмъ типографская краска выше по своему качеству, тѣмъ въ ней меньше гарпіуса. Какъ ни мѣшаютъ рабочіе своими веслами составъ краски, но они все-таки не могутъ растереть краску, какъ слѣдуетъ. И потому красочный составъ поступаетъ въ слѣдующее краскотерочное отдѣленіе, гдѣ ее растираютъ при помощи машины.

Представьте себѣ, что нѣсколько металлическихъ цилиндровъ (числомъ 6—8) находятся въ движеніи около своихъ осей, соприкасаясь другъ съ другомъ своими поверхностями.

Цилиндры вертятся при помощи безконечнаго ремня. Когда составъ краски налить на эти цилиндры, то они будутъ краску растирать.

Хорошо протертая типографская краска имѣетъ на видъ жидковатую, черную тягучую консистенцію: при переливаніи она тянется сперва въ нитку, а потомъ въ волосокъ, точно патока.

Двѣ-три краскотерочныхъ машины протираютъ отъ 5 до 30 пудовъ типографской краски въ 1 день. Укупориваютъ типографскую краску въ 1, 3, 10 пудовые боченки.

Смотря по размѣрамъ производства, красочный

заводъ выдѣлываетъ отъ 100 и до 400 пудовъ типографской краски въ 1 мѣсяцъ.

Всѣ красочные заводы въ Петербургѣ изготовляютъ цѣлое море типографскихъ чернилъ.

Расходъ типографской краски можно положить по 1 пуду въ 1 мѣсяцъ на каждую скоропечатную машину.

Ротаціонныя машины, печатающія газеты, пожираютъ краски больше.

При типографскихъ заказахъ, обыкновенно обозначается, для какихъ машинъ требуется краска — ротаціонныхъ, скоропечатныхъ или ручныхъ станковъ, и должны ли краски быть крѣпкія, среднія, или слабыя.

Цѣны на типографскую краску весьма разнообразны, смотря потому для чего краска требуется: для газетъ ли, книгъ ли, иллюстраціонныхъ изданій и т. п.

Самая дешевая типографская краска — для афишъ, по 7 рублей за 1 пудъ.

Далѣе идутъ:

№ 1 газетная . .	7 р. 50 к.	пудъ	
№ 2 газетная . .	9 »	—	»
№ 3 газетная . .	11 »	—	»
№ 4 книжная . .	12 »	—	»
№ 5 книжная . .	14 »	—	»
№ 6 акцидентная	16 »	—	»
№ 7 акцидентная	18 »	—	»
№ 8 акцидентная	20 »	—	»

Иллюстраціонная съ 9 по 14 №, цѣною отъ 25 до 60 рублей за 1 пудъ.

Затѣмъ идутъ роскошныя иллюстраціонныя краски, которыя, по причинѣ ихъ дороговизны, продаютъ на фунты, именно №№ 15—18, отъ 2 до 5 рублей за 1 фунтъ.

Бумага.

Подобно тому, какъ на неизмѣримой глубинѣ океана водятся ничтожные, едва видимые для глазъ полипы, которые, однако, созидаютъ цѣлые коралловые острова; такъ точно въ общественной жизни человѣка существуютъ мелкіе труженики, дѣятельность которыхъ не бросается въ глаза, но при всемъ томъ достигаетъ почтенныхъ результатовъ.

Мы разумѣемъ тряпичниковъ.

Какъ извѣстно, бумага готовится изъ холщевыхъ льняныхъ тряпокъ, которыя, за не-надобностию, сбываются тряпичникамъ.

Тряпичники подраздѣляются на городскихъ и деревенскихъ. Каждый изъ этихъ тряпичниковъ имѣетъ свою собственную фізіономію.

Деревенскіе тряпичники имѣютъ лошадь и объѣзжаютъ деревни, вымѣнивая тряпье у крестьянъ на разныя бездѣлушки, на такъ называемый галантерейный товаръ — бусы, зеркальца, платки, ленты и т. п.

Городской тряпичникъ живетъ преимущественно въ большихъ городахъ.

Онъ съ просторнымъ мѣшкомъ въ рукахъ обходитъ дворы и скупаетъ у обывателей негодное тряпье «на крикъ».

Тряпье, собранное въ деревняхъ и городахъ, поступаетъ на писчебумажную фабрику.

Въ ворота писчебумажной фабрики то и дѣло въѣзжаютъ ломовики съ громоздкими возами тряпья, а изъ воротъ вывозятъ разные сорта бумагъ, сложенныхъ въ стоны.

Грязное тряпье превратилось въ бумагу, на которой мы пишемъ и печатаемъ книги и газеты.

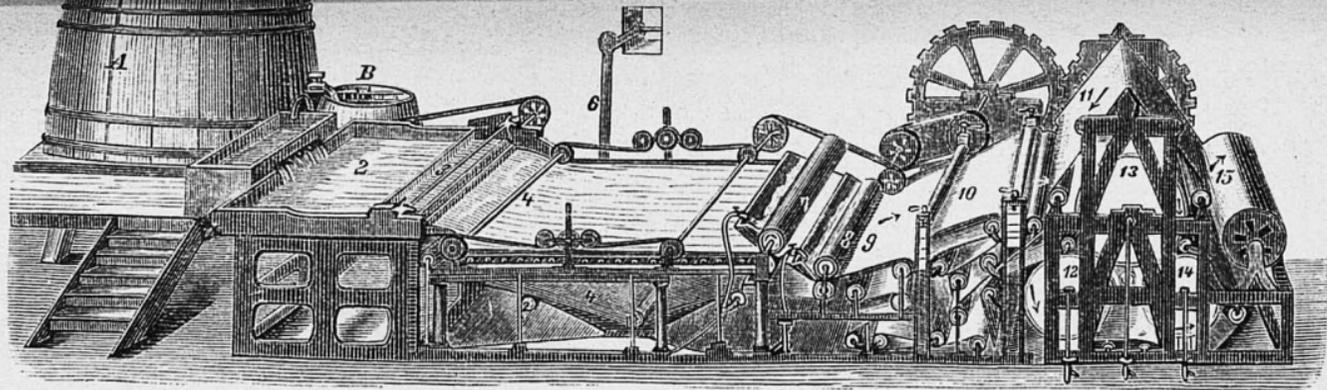
Какимъ образомъ произошло это удивительное превращеніе?

Предпримемъ вмѣстѣ съ читателемъ прогулку по писчебумажной фабрикѣ. Здѣсь мы увидимъ много интереснаго.

Во дворѣ фабрики, въ особыхъ сараяхъ, сложены колоссальныя груды тряпья—отъ пола и до самой крыши сарая. Это тряпье доставлено сюда изъ провинціи, съ нижегородской ярмарки. Кромѣ того, вдоль стѣны забора разставлены деревянные лари, куда петербургскіе тряпичники складываютъ свое тряпье.

— Это что такое?

— Мужичкиіе лапти!.. Веревоchnыe...

Бумагодѣлательная машина.

Въ чанѣ А находится жидкая бумажная масса; изъ чана она выливается въ ящикъ, отмѣченный на рисункѣ цифрою 1, на днѣ его устроены перегородки, перегородки эти замедляютъ теченіе массы и изъ нея осѣдаегъ на дно песокъ; затѣмъ масса переходитъ въ ящикъ (2), здѣсь устроена гребенка (3), которая вылавливаетъ изъ массы узлы и комочки; изъ второго ящика масса переходитъ на металлическое полотно, называемое с и т к о й (4), ситка эта, посредствомъ особой машинки (6), приводится въ сотрясеніе, изъ стороны въ сторону; отъ тряски вода, находящаяся въ бумажной массѣ, проходитъ черезъ ситку, отъ этого масса уплотняется и дѣлается крѣпче; на ситкѣ масса проходитъ сначала подъ однимъ валомъ (7), а потомъ между двумя валами (8), обтянутыми войлокомъ, эти валы сжимаютъ массу и уплотняютъ ее въ бумажный листъ, который выходя изъ валовъ (8) еще влажный, подхватывается безконечнымъ сукномъ, (9), натянутымъ на валахъ и проходитъ съ этимъ сукномъ между нѣсколькими парами валовъ, они сильно выжимаютъ изъ листа воду; послѣ этого бумажный листъ наматывается на пустые чугунные валы (12, 13 и 14); черезъ нихъ пропускаютъ горячій паръ, отчего валы нагрѣваются, а намотанная на нихъ бумага—просушивается. Наконецъ готовая бумага наворачивается на валъ м о т о в и л о (15). Когда мотовило полно, его снимаютъ и подставляютъ другое и т. д.

— Тоже идутъ на бумагу?

— Какъ-же! Многія тысячи потребляемъ...

— Откуда ихъ получаете? Вѣдь въ Петербургѣ лаптей не носятъ!

— Изъ Вологодской губерніи привозить, водою, на баркахъ!

— А это что?

— Старыя сѣти отъ финскихъ рыбаковъ... У насъ все идетъ въ прокъ...

Со двора тряпье прежде всего поступаетъ въ такъ называемое «тряпичное отдѣленіе», гдѣ производится сортировка тряпья — по его качеству, сообразно разнымъ сортамъ бумаги, выдѣлываемымъ изъ него. Здѣсь работаютъ «сортировщицы», «порщицы» и «рѣзчицы».

Большой силы тутъ не требуется, а нужна ловкость и быстрота, и потому эту работу съ успѣхомъ исполняютъ слабыя руки женщинъ.

Представьте себѣ громадное «зало» въ одномъ изъ этажей фабрики, гдѣ цѣлыми рядами стоятъ небольшіе столики. Посрединѣ столика утвердены въ наклонномъ положеніи громадный ножъ, остриемъ вверхъ, въ видѣ косы, которой крестьянинъ косить траву.

За этими столиками работаютъ *рѣзчицы*. *Рѣзчица* усаживается за столъ такъ, что верхній конецъ ножа подходитъ близко къ ней, а нижній конецъ, основаніе, гдѣ прикрѣпляется

ножь, удалено от нея. Такимъ образомъ, если рѣзчица обѣими руками за оба конца возьметъ какую-нибудь тряпку, накинетъ ее на ножъ и потянетъ къ себѣ, то тряпка будетъ скользить по наклоненному ножу снизу вверхъ, пока не разрѣжется пополамъ. Съ лѣвой стороны, около столика—груды тряпья, а съ правой стороны стоятъ корзины, куда и бросаются разрѣзанныя тряпки. Рѣзчица большія тряпки, непригодныя для машины, рѣжетъ на мелкія части. Въ этомъ—вся ее работа. Это дѣлается очень быстро.

Схвативъ изъ кучи тряпья первую попавшуюся тряпку, *рѣзчица* обѣими руками накладываетъ тряпку на ножъ, который отточенъ, какъ бритва, и тянетъ къ себѣ.

Если ножъ чуть зазубрился, *рѣзчица* сама же оттачиваетъ его, для чего тутъ же на столикѣ лежитъ напильокъ и точило.

Порщица распарываетъ швы у тряпокъ, удаляетъ прочь пуговицы, заплата и т. п.—все это можетъ испортить пшечубажную машину.

Сортировщицы сортируютъ тряпье—по качеству; на примѣръ, крестьянскую льняную тряпку отдѣляютъ отъ городской—хлопчато-бумажной, или шерстяной и т. п.

Для руководства *сортировщицамъ*—на фабрикѣ висятъ на стѣнѣ образцы всевозможныхъ

сортовъ тряпья, которыхъ насчитывается около пятидесяти сортовъ.

Впрочемъ, *сортировщицы* и безъ этого нагляднаго пособія превосходно различаютъ всѣ сорта тряпья. Высоко цѣнятся мужицкое льняное тряпье, и никуда не годится для выдѣлки бумаги городскія шерстяныя ткани, которыя даже портятъ машины.

Сортировщицы работаютъ въ особой комнатѣ, гдѣ тряпье навалено отъ пола и почти до самаго потолка. Тряпье принимается на вѣсъ, плата—задѣльная.

Вдоль стѣнъ сдѣланы деревянныя перегородки, куда и бросается отобранное тряпье.

Стоя спиною къ ларямъ, *сортировщицы* съ необыкновенною ловкостью и быстротою разбираютъ, точно курицы въ навозѣ, громоздкія кучи тряпья и швыряютъ тряпье по сортамъ—въ тотъ или другой ларь. Здѣсь царитъ такая пыль, что никакое перо не въ состояніи ее описать. Замѣтны только, что у *сортировщицъ* носъ и ротъ подвизаны платками...

Не говоря уже объ одеждѣ, волосы на головѣ и рѣсницы на глазахъ *сортировщицъ* покрыты валетомъ пыли... Отъ непроницаемой пыли у *сортировщицъ* нерѣдко болятъ глаза.

За свою работу *сортировщица* получаетъ по 3 копѣйки съ 1 пуда, такъ что въ день

она выручаетъ отъ 50 до 60 копѣекъ, т. е. успѣваетъ разсортировать около 20 пудовъ тряпья.

Въ тряпичномъ отдѣленіи, смотря по размѣру производства, насчитывается отъ 100 и до 300 «рѣзчицъ», «порщицъ» и «сортировщицъ». Цѣлый день здѣсь стоитъ страшная суতোлка. На полу—груды тряпья. Сотни женщинъ пересматриваютъ тряпье, рѣжутъ, пориютъ и бросаютъ въ корзины. Въ воздухѣ носится облако тряпичной пыли, такъ-что въ нѣсколькихъ шагахъ нѣтъ возможности различить человѣка.

Изъ тряпичнаго отдѣленія тряпье идетъ въ машинное отдѣленіе, гдѣ изъ него мало-по-малу, постепенно, выдѣлываютъ писчую бумагу.

Первая машина, дѣйствию которой подвергается тряпье, называется у фабрикантовъ «волкомъ». Представьте себѣ металлическій барабанъ, внутри котораго съ чрезвычайно быстрой скоростью вертятся на одну общую ось—острые вилки и ножи. Тряпье, попавъ на зубы «волка», рѣжется на мелкія части и при этомъ изъ него выбивается пыль, которая сильною струею воздуха уносится прочь—въ особый амбаръ, называемый «пыльникомъ». Затѣмъ тряпье попадаетъ въ огромные паровые котлы цилиндрической формы, изъ которыхъ каждый можетъ вмѣстить въ себѣ до 100 пу-

довъ тряпичной массы. Котлы медленно вертятся около своей оси; въ нихъ пускають парь, и тряпье вываривается, выпаривается и очищается. Когда надо вынуть тряпье, котель останавливають отверстиемъ внизъ. Предварительно выпустивъ парь, открываютъ отверстие, и тряпье само падаетъ на полъ.

Иногда рабочій, со свѣчею въ рукѣ, залѣзаетъ въ котель, чтобы очистить его хорошенько отъ тряпичной массы...

Вообще въ этомъ отдѣленіи, гдѣ работаютъ паровые котлы, стоитъ постоянно высокая температура и воздухъ обильно насыщенъ парами, такъ что, можно сказать, вмѣстѣ съ тряпьемъ выпариваются и сами рабочіе...

Вываренное и очищенное тряпье идетъ затѣмъ въ чаны или «ролы», гдѣ оно перетирается механическимъ способомъ до тѣхъ поръ, пока изъ него не образуется жидкая кашлица, которая, отъ примѣси бѣлилъ и соды, принимаетъ бѣлый цвѣтъ. Отдѣленіе, гдѣ стоятъ «ролы», называется «рольной».

Ролы работаютъ такъ же, какъ и вышеупомянутый рубильный барабанъ (или «волкъ»), съ тою только разницею, что въ ролахъ работаютъ не только вилки и ножи, но и вода; отъ воды измельченное тряпье разбухаетъ и обращается въ жидкую кашлицу.

Изъ этой кашицы сдѣлать бумагу уже легко: бумажная масса самотекомъ идетъ въ слѣдующее отдѣленіе фабрики, гдѣ стоятъ бумагодѣлательныя машины.

Двигаясь по безконечной металлической сѣткѣ, бумажная кашница попадаетъ на огромные мѣдныя цилиндры, плотно прикасающіеся своими поверхностями другъ къ другу.

Безконечная металлическая сѣтка, дойдя до сосѣдняго цилиндра, поворачиваетъ назадъ, въ то время какъ цилиндръ подхватываетъ широкій слой бумажной массы на себя и наматываетъ вокругъ себя. Въ это время второй цилиндръ своею поверхностію плотно давитъ на первый и бумажную массу прессуетъ въ бумажный листъ. Бумага накатывается на металлическіе цилиндры, и они въ одно и то же время прессуютъ и сушатъ ее, для чего во внутрь цилиндровъ пускаются пары.

Пройдя черезъ систему цилиндровъ, т. е. черезъ бумагодѣлательную машину, бумажный листъ наматывается, наконецъ, на пріемный валь—въ видѣ длинной полосы. Втеченіе рабочаго дня бумагодѣлательная машина «гонитъ бумажный листъ» верстъ въ 50 длиною. Теперь этотъ бумажный листъ остается только разрѣзать, смотря по формату—или писчаго листа, или печатнаго листа, или оставить, наконецъ,

намотаннымъ на катушкѣ—для ротационной печатной машины.

Нормы печатнаго листа, а также и писчебумажнаго листа у насъ не существуетъ.

Каждый издатель выбираетъ, или заказываетъ бумагу по своему усмотрѣнію.

Для печатныхъ произведеній типографскаго станка употребляются слѣдующіе сорта бумаги:

Книжная—отъ 5 до 10 руб. за 1 пудъ; *альбомная*, всевозможныхъ цвѣтовъ, для обложки книгъ, отъ 6 до 7 руб. за 1 пудъ; *газетная*—отъ 4½ до 5 руб. за 1 пудъ и, наконецъ, *простая афишная* бумага стоитъ по 1 рублю 60 копѣекъ за 1 стопу; въ стопѣ 500 листовъ: таковы цѣны на писчебумажной фабрикѣ Печаткина въ С.-Петербургѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что для поврежденныхъ изданій, т. е. газетъ и журналовъ, — употребляютъ бумагу, въ которой, ради дешевизны, имѣется большая примѣсь «древесной массы».

Такая бумага — непрочная, ломкая, скоро рвется, при сгибаніи издаетъ шумъ.

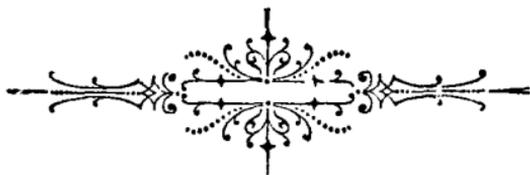
Въ старину бумага была гораздо крѣпче, чѣмъ нынче.

Впрочемъ, по особому заказу, и нынче можно получить бумагу какого угодно качества.

Г. Суворинъ, нацрмбръ, отпечаталъ сочиненіе Радищева на *японской бумагѣ*.

Эта бумага изготовлена въ Японіи: она крѣпка, какъ картонъ и ее не разорвать руками.

Понятно, Суворинское изданіе *Радищева* переживетъ вѣка...

Книги для слѣпыхъ.

Слѣпой относится къ зрячимъ людямъ подчасъ недовѣрчиво. Книга—лучшій другъ слѣпого. Она открываетъ передъ нимъ невѣдомые горизонты. Благодаря книгѣ, слѣпой проникаетъ въ душевный мiръ человѣка; ему становится доступно умственное богатство человѣчества, накопленное вѣками,—наука и литература.

Ничто такъ не удивляетъ несвѣдущаго простаго человѣка, какъ то, что слѣпые выучиваются читать и писать, и что для нихъ печатаются даже книги.

Французу Валентину Гаю пришла счастливая мысль выдавливать на бумагѣ рельефные знаки.

Въ 1784 году онъ началъ печатать книги для слѣпыхъ—рельефными буквами. Для печатанія онъ пользовался буквами латинскаго алфавита, при этомъ употреблялся крупный, такъ называемый унциальный шрифтъ, высотой въ 1

длюймъ. Буквы выдавливались на одной сторонѣ страницы. На оборотѣ страницы ничего не печаталось.

Втеченіе многихъ лѣтъ унциальный шрифтъ практиковался въ парижскомъ институтѣ слѣпыхъ; затѣмъ онъ появился въ Англии, гдѣ въ 1834 напечатано унциалами Св. Евангеліе отъ Маттея.

Приступая къ чтенію, слѣпой кладетъ обѣ руки на книгу и концамп пальцевъ ощупываетъ буквы: буквы складываетъ въ слога, изъ слоговъ составляетъ слова, а изъ словъ—фразы. Вслѣдствіе превосходно развитаго чувства осязанія, слѣпые читаютъ сравнительно довольно скоро. Но всетаки слѣпому не угнаться за зрячимъ, потому-что зрячій читаетъ сразу цѣлыми словамп или понятіями, а слѣпой—последовательно, буква за буквой. Онъ ощупываетъ буквы, точно бисеръ перебираетъ на ниткѣ.

Чтобы ускорить процессъ чтенія для слѣпыхъ, стали упрощать самый алфавитъ, т. е. начертаніе буквъ.

Убѣдившись въ трудности распознавать осязаніемъ мелкіе составныя части буквъ, начали придумывать буквы, имѣющія болѣе простую форму.

Это упрощеніе впервые было примѣнено къ латинской азбукѣ.

Нынѣ для слѣпыхъ употребляется два шриф-
та: *линейный* и *точечный*.

Линейный шрифтъ разработанъ тремя пе-
дагогами—Муномъ, Лукасомъ и Фреромъ; каж-
дый изъ нихъ составилъ свою упрощенную
азбуку для слѣпыхъ, которая, въ общихъ че-
ртахъ, напоминаетъ латинскую азбуку.

Изъ этихъ трехъ шрифтовъ мы остановимся
на шрифтѣ Муна.

Нѣкоторыя буквы этого шрифта сохранили
замѣтное сходство съ латинскимъ; въ другихъ
же—этого сходства почти нѣтъ.

Вотъ начертаніе этого упрощеннаго шрифта:

a	b	c	d	e	f	g	h	i	j
Λ	V	C	∩	Г	Λ	Λ	·, I	√	
k	l	m	n	o	p	q	r	s	t
<	L	7	N	O	→	←	∖	/	—
		u	v	w	x	y	z		
		∩	V	∩	>	∩	Z		

Такимъ образомъ видно, что въ основу это-
го шрифта положено два элемента—прямая
линія и кривая, палочка и дуга.

По этой системѣ, строки связаны между со-
бою скобками, т. е. на концѣ строки имѣется
дугообразная черта, которая соединяетъ конецъ
одной строки съ началомъ другой: по этой чер-
тѣ слѣпой проводить пальцемъ, чтобы не про-
пустить строки. Слѣдующая вторая строка чи-
тается обратно, такъ что всѣ строки одной

страницы читаются попеременно, то слѣва направо, то справа налево.

Точечная система письма и печатанія книгъ для слѣпыхъ изобрѣтена Луи Брайлемъ, въ 1829 году, бывшимъ воспитанникомъ, а потомъ профессоромъ парижскаго института слѣпыхъ.

Въ Парижѣ Брайлю поставленъ памятникъ, на которомъ знаменитый слѣпой профессоръ изображенъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ, тоже слѣпцемъ, котораго онъ выучилъ читать и писать по новой методѣ.

Въ настоящее время эта система распространена во всей З. Европѣ и принята у насъ въ Россіи. Въ Англіи точечнымъ шрифтомъ напечатано до 20,000 экземпляровъ книгъ для слѣпыхъ. Эта система рекомендована международнымъ конгрессомъ учителей и воспитателей слѣпыхъ въ 1878 году.

Въ основаніе системы Брайля взято шесть точекъ, расположенныхъ въ видѣ прямого четырехугольника:

. .
: :
. .

Цифрами послѣдовательность точекъ можно выразить такъ:

1 — 2
3 — 4
5 — 6

Изъ этихъ шести точекъ можно составить

62 различныхъ комбинаціи. Для русской азбуки достаточно и 36 знаковъ.

Приводимъ азбуку Брайля—для русскихъ слѣпыхъ:

•	•	••	••	•	••	••	•	•	••
а	б	в	г	д	е	ф	х	я	ж

Если къ этой строкѣ съ лѣвой стороны внизу прибавимъ по точкѣ, то получимъ новый рядъ буквъ:

•	•	••	••	••	••	•	••	•	••
к	л	м	н	о	п	ч	р	с	т

Третья строка составляется изъ первой же—прибавленіемъ двухъ точекъ внизу:

•	•	••	••	•	••	••	•	•	••
••	••	••	••	••	••	знакъ ошибки.	••	••	••
у	ѳ	щ	і	з	й	ть	ы	ь	

Затѣмъ остаются еще буквы:

•	•	••	••	•	••
ѣ	ш	я	ю	э	в

По изслѣдованію специалистовъ-педагоговъ, посвятившихъ себя воспитанію слѣпыхъ дѣтей, главное преимущество системы Брайля—то, что она легко читается: выпуклыя и раздѣльныя точки на бумагѣ ощупываются яснѣе, чѣмъ закругленныя сплошныя линіи.

Страницы книгъ, отпечатанныхъ по системѣ Брайля, зрячему человѣку представляются безчисленнымъ множествомъ выпуклыхъ точекъ, расположенныхъ параллельными рядами.

Въ типографскомъ отношеніи, книги для слѣпыхъ печатаются тѣмъ же способомъ, какъ для зрячихъ, съ тою разницею, что въ книгахъ для слѣпыхъ не требуется типографскихъ чернилъ. Набираются литеры и съ нихъ получается *углубленіе* на бумагѣ.

Для слѣпыхъ точно также бываютъ стереотипныя изданія—при помощи металлическихъ досокъ.

Въ Россіи первыя книги для слѣпыхъ напечатаны были рельефнымъ крупнымъ печатнымъ шрифтомъ, т. е. унциаломъ, въ типографіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, въ Петербургѣ. Въ 1882 году унциаломъ напечатано: 1) Святое Евангеліе отъ Маттея, цѣна 7 руб., 2) Статьи изъ «Дѣтскаго міра», Ушинскаго, цѣна 7 руб., 3) Первая книга чтенія для слѣпыхъ.

Затѣмъ стали печатать книги шрифтомъ Брайля, сперва въ Берлинѣ, а потомъ въ типографіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Типографія экспедиціи подарила шрифтъ и принадлежности тисненія книгъ для слѣпыхъ—

въ Александро-Маринское училище для слѣ-
пыхъ, гдѣ теперь книги и печатаются.

Въ настоящее время поименованное училище
является, между прочимъ, единственнымъ кни-
жнымъ магазиномъ для слѣпыхъ въ Россіи.

Кромѣ упомянутыхъ унциальныхъ изданій,
здѣсь шрифтомъ Брайля отпечатаны и продают-
ся слѣдующія книги:

«Евангеліе отъ Луки», «Книжка для чтенія
шрифта Брайля», «Царствованіе Императора
Александра I», «Русская исторія для начальныхъ
школъ, Горбова», «Христіанскій православный
катехизисъ», «Ежедневныя молитвы», «Басни
Крылова», «Разказы изъ Ветхаго Заветъа»,
«Элементарная зоологія, Сентъ-Илера», и т. д.

Всего 20 названій книгъ.

Независимо отъ печатанія книгъ типограф-
скимъ способомъ, въ 1888 г. въ Петербургѣ, при
училищѣ слѣпыхъ, основался дамскій кружокъ
переписыванія книгъ для слѣпыхъ точечнымъ
шрифтомъ Брайля.

Всѣхъ участвующихъ въ кружкѣ до 70 че-
ловѣкъ, благодаря трудамъ которыхъ перепи-
сано до 500 томовъ.

Переписываніе книгъ для слѣпыхъ—очень
кропотливая работа, потому-что каждая буква
точенаго шрифта пишется въ нѣсколько пріе-
мовъ руки.

Почти всё русскіе классическіе писатели переписаны для слѣпыхъ.

Вслѣдствіе печатанія (и письма) на одной только сторонѣ страницы книги, для слѣпыхъ выходятъ слишкомъ большими по объему, чему способствуетъ и самый шрифтъ—гораздо крупнѣе нормальнаго. Напримѣръ, «Мертвыи души», Гоголя, печатаются въ XVI томахъ.

«Наша метода письма и печатанія, говоритъ Брайль, занимаетъ столько мѣста на бумагѣ, что мысли наши должны быть выражаемы самымъ малымъ количествомъ словъ».

Издатели и книгопродавцы.

Издатели и книгопродавцы—естественные враги писателей. Но тѣмъ не менѣе съ этими врагами пріятно имѣть дѣло.

Издатели бываютъ двоякаго рода: 1) издатели разныхъ повременныхъ изданій, т. е. газетъ и журналовъ и 2) издатели книгъ.

Повременныя изданія издаются у насъ и самимъ правительствомъ, напримѣръ, «Правительственный Вѣстникъ», «Инвалидъ», «Военный Сборникъ», разныя губернскія вѣдомости и друг.; бываетъ иногда издателемъ и цѣлое учрежденіе, напримѣръ, святѣйшій синодъ издаетъ «Церковныя Вѣдомости», московскому университету принадлежитъ права издаванія «Московскихъ Вѣдомостей», петербургской академіи наукъ—«С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и т. д.

Оба упомянутыя учрежденія уступаютъ праву
СЛУГИ ПЕЧАТИ.

во на изданіе «вѣдомостей» по своему усмотрѣнію—на аренду.

Арендная плата за изданіе весьма различна, смотря по его репутаціи и количеству подписчиковъ: начинаясь съ нѣсколькихъ тысячъ, она доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ и даже сотенъ тысячъ рублей въ 1 годъ.

Покойному издателю «Голоса», Краевскому, за передачу изданія предлагали 300,000 рублей. Такъ высоко была установлена репутація газеты.

Издатель газеты или журнала долженъ быть журналистомъ по природѣ. Онъ долженъ обладать хорошимъ публицистическимъ чутьемъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время въ ряды издателей газетъ и журналовъ лѣзутъ люди, верѣдько не имѣющіе никакого литературнаго образованія.

Всякій типографщикъ норовитъ обзавестись какимъ-нибудь журналомъ, чтобы дать работы своей типографіи. Выходитъ странное явленіе: не типографія существуетъ для журнала, а журналъ—для типографіи. Мало по малу вырабатывается типъ хищнаго чумазаго издателя, не имѣющаго съ литературой ничего общаго, который вноситъ въ издательское дѣло свои особые приемы, преслѣдующіе только одну цѣль—ловлю подписчиковъ. Излюбленные приемы нашихъ

издателей — беззастѣнчивая реклама и обѣщаніе премій.

Нерѣдко при подпискѣ на журналъ, публика руководствуется не литературною фizioномією того или другого журнала, а количествомъ и качествомъ обѣщанныхъ премій, такъ что эти послѣднія заслоняютъ собою самый журналъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя приемы роняютъ печать въ глазахъ публики.

Съ коммерческой точки зрѣнія, издательство газетъ и журналовъ дѣло весьма выгодное: многіе издатели въ короткое время составили себѣ состояніе, хотя, конечно, бывали и обратныя явленія.

Въ этомъ отношеніи, возможны два типа издателей: 1) издатель, разбогатѣвшій отъ своего изданія, и 2) издатель разорившійся. Въ послѣднемъ случаѣ изданіе прекращается или же продается съ аукціона, съ молотка. Какъ примѣръ, издателя разбогатѣвшаго, возьмемъ издателя газеты «Новое Время».

Г. Суворинъ, бывшій фельетонистъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», писавшій подъ псевдонимомъ «Незнакомецъ», приобрѣлъ въ 1876 году право на изданіе газеты «Новое Время». Трубиныхъ передалъ новому издателю 1,562 подписчика.

Первый № «Новаго Времени» выпущенъ

г. Суворинымъ 29 февраля 1876 г. — въ количествѣ 13,300 нумеровъ. Газета быстро пошла въ гору, количество подписчиковъ прогрессивно увеличивалось и въ 1891 году «Новое Время» печаталось въ 35,000 экземплярахъ.

✓ Издатель быстро разбогатѣлъ: завелъ собственную типографію, въ Эртелевомъ переулкѣ, выстроилъ большой каменный домъ съ затѣйливою архитектурою и т. д.

Въ типографіи работаетъ болѣе 100 человекъ рабочихъ. Типографія раздѣляется на книжное и газетное отдѣленіе.

Въ книжномъ отдѣленіи печатаются изданія г. Суворина, и въ газетномъ — «Новое Время» и «Историческій Вѣстникъ».

При типографіи имѣется хорошо устроенная школа для дѣтей рабочихъ.

Школа снабжена библіотекой.

Плата наборщикамъ нѣсколько повышена, нежели въ другихъ типографіяхъ.

Талантливый журналистъ, г. Суворинъ, не зарылъ своего таланта въ землю, а пустилъ его въ оборотъ — и собираетъ плоды сто-рицею.

Впрочемъ, г. Суворинъ не только *издатель*: онъ прежде всего *человѣкъ пера*, и публика узнала его именно въ этомъ его послѣднемъ «рангѣ».

Другой примѣръ. Въ 1892 г. С. Н. Худековъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе изданія «Петербургской Газеты». Онъ принялъ ее отъ Арсеньева съ 600 подписчиковъ. Газета выходила 4 раза въ недѣлю. Втеченіе года газета печаталась въ количествѣ 120,000 экземплярахъ. Въ началѣ изданія, дѣло шло плохо, газета приносила убытки. С. Н. Худековъ приходилъ въ отчаяніе. Въ одно время онъ обращался за совѣтомъ къ Краевскому, какъ къ опытному журналисту. Краевскій, узнавъ отъ С. Н., что количество подписчиковъ на «Петербургскую Газету» хотя понемногу, да прибавляется, посоветовалъ продолжать изданіе газеты.

И вотъ газета мало по малу пошла...

Сперва газета выходила по 4 раза въ недѣлю, а съ 1882 года стала выходить ежедневно. Съ прибавленіемъ выхода №№, увеличился и самый форматъ газеты. Въ 1867 году каждый № газеты имѣлъ въ себѣ 2,060 строкъ, а въ 1891 году 4,320 строкъ.

Въ настоящее время «Петербургская Газета» одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ: она выходитъ въ количествѣ *восьми съ половиною миллионъ* экземпляровъ въ годъ, и приноситъ издателю изрядный доходъ. Кромѣ издателя, газета даетъ заработокъ и другимъ

многочисленнымъ труженникамъ, что явствуетъ изъ слѣдующихъ цифръ.

1) Жалованія уплачено за 20 л.	160,000 р.
2) За бумагу. » »	999,536 »
3) Построчный гонораръ » »	1.000,084 »
4) Типографск. расходы » »	459,636 »
5) Почта » »	230,000 »
6) Расходъ по конторѣ. . . » »	90,000 »

Итого. . . . 2.969,256 р.

Розничная продажа «Петербургской Газеты» въ столицѣ—самая наибольшая сравнительно со всѣми другими газетами.

Гонорарныя книги показываютъ, что въ теченіе 20 лѣтъ въ «Петербургской Газетѣ» участвовало 1,652 человекъ слугъ печати, начиная отъ мелкаго репортера и кончая звѣздами первостепенной величины, какъ, на примѣръ, Лѣсковъ, Чеховъ, Плещеевъ и друг.

Подобно издателю «Новаго Времени», С. Н. Худековъ сумѣлъ сосредоточить въ своей газетѣ талантливыхъ сотрудниковъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что всякій писатель, какъ мотылекъ къ свѣтку, стремится къ тому печатному органу, который наиболѣе распространенъ—въ публикѣ.

Г. Старчевскій въ «Воспоминаніяхъ стараго

литератора» («Историческій Вѣстникъ», окт. 1892 г.) рассказываетъ о любопытномъ фактѣ, что изданіе газеты «Сынъ Отечества» принято было безъ всякихъ денежныхъ средствъ. Надо было получить въ долгъ бумагу, найти согласную на кредитъ типографію и, наконецъ, добыть денегъ на гонораръ сотрудникамъ.

Небывалая для того времени по дешевизнѣ подписная цѣна въ 3 рубля заставляла всѣхъ относиться къ издацію съ предубѣжденіемъ и сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія. А Гречъ даже называлъ подобную попытку «чистымъ надувательствомъ, мошенничествомъ среди бѣлаго дня». Однако, вѣрные расчеты г. Старчевскаго оправдались вполне: уже въ первый годъ своего существованія газета имѣла 2,700 подписчиковъ. Со временемъ «Сынъ Отечества» сталъ расходиться въ 20,000 экземплярахъ — цифра для того времени неслыханная (въ пятидесятихъ годахъ).

До тѣхъ поръ г. Старчевскій жилъ въ бѣдной квартирѣ въ отдаленной части города, и вдругъ сразу разбогатѣлъ и приобрѣлъ роскошный дворецъ Монферана, извѣстнаго строителя Исаакіевскаго собора. Достаточно сказать, что въ нѣкоторыхъ его комнатахъ, вмѣсто стѣнъ, были сплошныя зеркала, а въ числѣ мебели находилась кровать Маріи Антуанеты...

Теперь приведемъ примѣръ издателя раззорившагося отъ своего изданія.

Богатый заводчикъ и владѣлецъ четырехъ домовъ въ Петербургѣ, покойный Полетика вздумалъ пуститься въ журналистику; хотя онъ былъ человѣкъ образованный, но у него не было журнальной жилки. Этотъ недостатокъ онъ зналъ за собою, но не придавалъ ему никакого значенія. «Это все вздоръ, говорилъ онъ, надо только добросовѣстно вести дѣло, и оно пойдетъ прекрасно». Однако, его газета «Молва» шла плохо, и вскорѣ совсѣмъ замолкла, а Полетика, продавшій свои дома одинъ за другимъ—на изданіе газеты, сталъ въ буквальномъ смыслѣ нищимъ.

Главные расходы по изданію газеты слѣдующіе: 1) бумага, 2) типографскіе расходы (наборъ, корректура и проч.), 3) гонораръ сотрудникамъ, 4) плата за телеграммы Сѣверному телеграфному агентству, 5) конторскіе расходы и 6) почтовые расходы—за пересылку.

Отъ издателей газетъ и журналовъ перейдемъ къ изданію книгъ.

Въ большинствѣ случаевъ книги издаются издателями. Изданіе книги, помимо капитала, требуетъ еще и множество хлопотъ, сопряженныхъ съ печатаніемъ книги.

Авторъ, написавъ книгу, несетъ ее къ изда-

гелю, предлагая ему издать ее. Въ Россіи крупныя издатели извѣстны на перечеть, ихъ немного, они преимущественно—въ Петербургѣ и Москвѣ, какъ главнѣйшихъ издательскихъ городахъ.

Отъ издателя требуется, чтобы онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и понималъ толкъ въ книгахъ. У издателя, любящаго свое дѣло, все время проходить въ хлопотахъ по изданію книгъ. Придя къ издателю по профессіи, вы уже по обстановкѣ его квартиры сразу видите, съ кѣмъ имѣете дѣло.

По стѣнамъ рабочей комнаты стоятъ большіе шкафы во всю длину. Въ нихъ разставлено по экземпляру книгъ, выпущенныхъ въ свѣтъ за все время издательской дѣятельности. Среди этихъ книгъ есть и популярно-научныя изданія, и беллетристика и публицистика и т. д.

Въ особомъ шкафу, раздѣленномъ на множество перегородокъ, точно ячейки въ сотахъ улея, хранятся авторскія рукописи и многочисленные клише.

На письменномъ столѣ лежатъ отпечатанные листы разныхъ книгъ, разнаго шрифта, и груда корректуры въ гранкахъ (въ видѣ длинныхъ полосъ бумаги) и сверстанной по формату книги.

У издателя имѣется наемный корректоръ, который правитъ корректуру, но ни одной книги

онъ не выпуститъ въ свѣтъ, прежде чѣмъ самъ внимательно не просмотритъ ее.

Въ концѣ корректурнаго оттиска онъ подписываетъ: «можно печатать», и послѣ этого типографіи приступаетъ къ печатанію.

Издатель многолѣтнимъ опытомъ хорошо изучилъ свою публику: онъ знаетъ своихъ покупателей, знаетъ, какую книгу какой классъ читателей купить.

Извѣстные дни недѣли у издателя назначены для пріема «людей пера». Кромѣ писателей, въ эти дни вы встрѣтите и рисовальщиковъ, и граверовъ и т. п.

Вотъ, напримѣръ, одинъ писатель пришелъ справиться, какъ идетъ его книга?

— Поздравляю васъ, ваша книга идетъ прекрасно!.. Готовьтесь ко второму изданію..

Другой писатель пришелъ за отвѣтомъ. Нѣсколько дней тому назадъ, онъ оставилъ у издателя свою рукопись.

— Я прочиталъ вашу рукопись, и готовъ издать ваше сочиненіе. Теперь надо договориться объ условіяхъ.

Авторъ заявляетъ, что онъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ и желалъ бы узнать, каковы обыкновенны издательскія условія. Издатель объявилъ извѣстную процентную плату съ номинальной стоимости книги, затѣмъ взялъ карандашъ и

высчиталъ, сколько придется получить автору за свое изданіе. Въ итогѣ получился изрядный кушъ денегъ, превзошедшій самую смѣлую ожиданія автора. Но авторъ, подобно Плюшкину, для приличія поторговался еще немного съ издателемъ.

Получивъ надбавку, авторъ веселый и ликующій уходитъ отъ издателя съ деньгами, а въ будущемъ, быть можетъ, и со славою... смотря по тому, какъ будетъ встрѣчена его книга обществомъ.

Условія изданія, существующія на практикѣ, весьма различны:

1) Авторъ не получаетъ гонорара за свою книгу до тѣхъ поръ, пока издатель не выручитъ затраченнаго на изданіе капитала. Затѣмъ вырученные деньги дѣлятся пополамъ—между авторомъ и издателемъ, или даже авторъ получаетъ отъ 15° до 30° со стоимости книги. Это условіе самое тяжелое для автора.

2) Авторъ получаетъ гонораръ по мѣрѣ распродажи книги. Счеты вырученнымъ за продажу деньгамъ производятся черезъ опредѣленные по контракту промежутки времени.

3) Авторъ продаетъ свою рукопись издателю на одно изданіе въ извѣстномъ числѣ экземпляровъ и тотчасъ же, т. е. еще до напечатанія книги получаетъ гонораръ, по договору, напри- мѣръ, 15° съ номинальной стоимости книги.

Послѣдняя форма сдѣлки—самая распростра-
неная, хотя и невыгодная для автора. За то
авторъ получаетъ вознагражденіе за свой трудъ,
ничѣмъ не рискуя: хорошо ли пойдетъ его
книга, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, трудъ его
оплаченъ.

Весь дальнѣйшій рискъ принялъ на себя
издатель.

4) До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ слу-
чаяхъ, когда инициатива сочиненія книги при-
надлежитъ автору; но бываютъ случаи, когда
издатель предлагаетъ автору написать книгу
на данную тему.

Писателю, конечно, остается только оправ-
дать довѣріе издателя и добросовѣстно испол-
нить работу.

Плата здѣсь—полистная, напримѣръ, отъ 50
рублей за 1 печатный листъ, въ 30,000—40,000
буквъ.

Главные расходы по изданію книги состав-
ляютъ: 1) авторскій гонораръ, 2) наборъ и пе-
чать, 3) бумага, 4) рисунки, если книга съ
рисунками, 5) публикація въ газетахъ, 6) воз-
награжденіе издателя за труды по изданію и
7) уступка книгопродавцамъ.

Вычисливъ, во что обойдется печатаніе кни-
ги (считая тутъ и авторскій гонораръ), изда-
тель полученную сумму *утраиваетъ*: это и бу-

детъ рыночная цѣна книги. Изъ этой цѣны $\frac{1}{3}$ идетъ, какъ скидка книгопродавцу, $\frac{1}{2}$ стоитъ изданіе книги и $\frac{1}{2}$ — издательскій барышъ.

Цѣна книги зависитъ еще и отъ числа экземпляровъ изданія: чѣмъ больше печатается экземпляровъ, тѣмъ книга, сравнительно, дешевле, потому что стоимость набора и рисунковъ распределяется на большее число экземпляровъ.

Обыкновенно, издатель входитъ самъ во всѣ мелочи по изданію. Онъ имѣетъ дѣло съ типографіею, ведетъ дѣловую переписку съ цензурою и проч.

Покупатель прежде всего смотритъ на внѣшность книги, какъ она издана: хорошо или неряшливо и проч.

Если внутреннее содержаніе книги обуславливается авторомъ, то внѣшность книги зависитъ отъ издателя. Самую прекрасную книгу издатель можетъ издать неряшливо, и наоборотъ. Каждый издатель дорожитъ своею репутаціей, и въ публикѣ о нихъ существуетъ то или другое мнѣніе.

Есть издатели, такъ сказать, художники въ душѣ. Они любятъ свое дѣло, любятъ тѣ книги, которыя издають. Ихъ главная забота — дать въ руки читателя хорошую книгу. Въ этомъ отношеніи, дѣятельность просвѣщеннаго издателя достойна всякой похвалы.

Внѣшность книги зависитъ отъ качества бумаги, красоты шрифта и изящества рисунковъ. Все это издатель имѣетъ въ виду. Величина шрифта зависитъ и отъ того—для какихъ читателей книга предназначена. Беллетристика, напримѣръ, печатается нѣсколько инымъ шрифтомъ, чѣмъ научныя сочиненія. Положительно слѣдовало бы обязать издателей—печатать учебники для дѣтей крупнымъ шрифтомъ, чтобы не портить глаза учащемуся поколѣнiю.

Не всѣ издатели стоятъ на высотѣ своего призванiя.

Есть издатели — маклаки, которые готовы издать всякую дрянъ (даже скабрзную книгу) и пустить ее на книжный рынокъ.

Другiе издатели, ни сколько не заботясь о содержанiи книги, издають ихъ въ роскошныхъ богатыхъ переплетахъ, стараясь внутреннюю пустоту книги прикрыть внѣшнимъ блескомъ.

Въ подобныхъ изданiяхъ цѣна переплета неизмѣримо превышаетъ внутреннюю цѣнность книги. Смотри на хорошiй переплетъ, покупатель нерѣдко попадаетъ на удочку. Покупаютъ эти книги, преимущественно, мѣщанской публикой, невѣжественной по части литературы.

Справедливости ради, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые издатели назначаютъ варварскiя

цѣны за свои изданія. Чтобы не быть голо-
словнымъ, укажемъ на слѣдующіе факты.

Сочиненіе Лессинга, изданіе г. Вольфа, въ
5 томахъ, стоитъ 12 руб. 50 коп.

Въ пяти томахъ страницъ—1,898, на каждой
страницѣ буквъ 1,376; всего 2.611,648 буквъ.
Изданіе во всѣхъ отношеніяхъ плохое.

Сочиненіе Гете, изданіе Гербеля, въ 10 то-
махъ, стоитъ 14 рублей.

Въ десяти томахъ страницъ 5,049, на каж-
дой страницѣ буквъ 2,200; всего 11.107,800
буквъ. Изданіе весьма хорошее.

По цѣнѣ г. Вольфа (за изданіе Лессинга)
упомянутое изданіе Гете обошлось бы въ 50 руб-
лей.. Наоборотъ, по цѣнѣ Гербеля (за изданіе
Гете) сочиненіе Лессинга обошлось бы только
въ 3 рубля 50 копѣекъ.

Впрочемъ, сознаніе дать читателямъ деше-
вую книгу все болѣе и болѣе проникаетъ въ
ряды нашихъ издателей. Лучше взять съ книги
небольшой барышъ, да почаще, чѣмъ крупную
прибыль, да рѣдко.

Въ этомъ отношеніи, въ особенности далеко
ушли издатели народныхъ книгъ. Московскіе
издатели лубочныхъ книжекъ и картинокъ—для
народа даютъ за каждыя 1¹/₂ копѣйки 32 стра-
ницы текста. Это — предѣлъ рыночной цѣны
книгъ, и возможенъ только для такихъ народ-

ныхъ изданій, которыя расходятся въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Издателями бываютъ и цѣлыя учрежденія, на примѣръ, Императорская академія наукъ, въ Петербургѣ, издаетъ «Словарь русскаго языка», подъ редакціею Грота, ея же издаются русскіе классическіе писатели, — полное собраніе сочиненій, съ комментаріями, примѣчаніями и т. п. Комитетъ грамотности при вольно-экономическомъ обществѣ и комиссія по устройству народныхъ чтеній издають брошюры и книги для народа, и т. п.

Когда книга напечатана и «вышла въ свѣтъ», о ней дѣлаются публикаціи въ газетахъ. Число публикацій зависитъ отъ усмотрѣнія издателя. Выборъ газетъ для публикаціи отчасти обусловливается содержаніемъ книги. Публикаціи дѣлаются въ столичныхъ провинціальныхъ газетахъ, на примѣръ, въ 10 — 20 разныхъ изданіяхъ, на что требуется затрата въ 50—100 рублей.

Одновременно съ выходомъ книги въ свѣтъ, издатель разсылаетъ книгу въ нѣкоторыя редакціи газетъ для отзыва, для критики.

Критикъ—это книжный экспертъ. Отъ него зависитъ, убитъ книгу на поваль или рекомендовать ее вниманію публики.

Впрочемъ, огромное большинство книгъ, въ

особенности для народа, расходятся вопреки всякой критикѣ.

Такъ какъ книгъ выходитъ очень много, и газетамъ или журналамъ нѣтъ возможности о каждой изъ нихъ помѣщать рецензій, то практикуется «система замалчиванія книги», т. е. дается отзывъ о болѣе или менѣе выдающихся книгахъ.

Иногда бываютъ отзывы и о дурныхъ книгахъ, чтобы предостеречь публику отъ обмана и шарлатанства, на которыя, очевидно, рассчитывалъ издатель.

Издатели давно уже стали специализироваться по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній: одни издають популярно-научныя книги, другіе—духовно-нравственныя, третьи — юридическія, четвертые—учебники и т. д. Съ коммерческой точки зрѣнія, изданіе учебниковъ одно изъ самыхъ выгодныхъ предпріятій. Сравнительно съ другими издателями, издатели учебниковъ получаютъ наибольшій барышъ.

Учебники и календари расходятся больше другихъ книгъ.

Въ 1860 г. книгопродавцемъ Федоровымъ, напрымѣръ, издана была «Библейская исторія», Базарова, выдержавшая 26 изданій и разошедшаяся въ количествѣ 620,000 экземплярахъ. Федоровъ первый взялся за «Ковышка Горбунка»,

Ершова, котораго вначалѣ никто не хотѣлъ издавать—и даромъ, какъ предлагалъ Ершовъ.

Учебникъ по ариѳметикѣ, Евтушевскаго, изданный г. Полубояриновымъ, еще при жизни автора разошелся въ количествѣ 900,000 экземплярахъ.

Отпечатанная книга изъ типографіи поступаетъ къ книгопродавцу.

Въ большихъ городахъ всякая болѣе или менѣе интересная новая книга выставляется на окнахъ книжнаго магазина—на показъ публикѣ. Вновь вышедшая книга разносится артельщикомъ по лавкамъ книгопродавцевъ.

Книгопродавцы бываютъ двухъ родовъ: одни книгопродавцы сами издають книги, т. е. имѣють свои изданія, и при этомъ торгуютъ и чужими книгами; другіе книгопродавцы своихъ изданій не имѣють, а торгуютъ только чужими изданіями.

Книгопродавецъ-комиссіонеръ представляетъ собою посредника между издателемъ и публикою, или между авторомъ и публикою.

Книгопродавецъ прибрѣтаетъ отъ издателей книги на двухъ условіяхъ: или на наличныя деньги съ уступкою 30⁰/₀—40⁰/₀, или на комиссію; въ послѣднемъ случаѣ, скидка бываетъ меньше, именно, отъ 20⁰/₀ до 30⁰/₀.

Если втеченіе года книга не продана, то

книгопродавецъ—комиссіонеръ можетъ вернуть ее обратно издателю.

Книгопродавецъ - комиссіонеръ ни чѣмъ не рискуетъ: онъ получаетъ вѣрный барышъ. Онъ присматривается, какія изданія идутъ ходко, и покупаетъ ихъ у издателя съ большою скидкою.

Книгопродавцы и комиссіонеры рассылаютъ въ провинцію объявленія (напримѣръ въ колпачествѣ 100,000 объявленій въ 1 годъ) о выходѣ въ свѣтъ новыхъ изданій. По окончаніи cadaго мѣсяца, книгопродавецъ-комиссіонеръ доставляетъ издателю отчетность о количествѣ проданныхъ экземпляровъ cadaго сочиненія, а также и счетъ вырученнымъ отъ продажи деньгамъ.

За исключеніемъ народныхъ изданій, на каждой книгѣ, на обложкѣ, выставляется рыночная цѣна ея. Эта цѣна—окончательная, она скрываетъ подъ собою всевозможные расходы, сопряженные съ изданіемъ книги, считая тутъ даже и барышъ книгопродавца.

Большой книжный магазинъ въ Петербургѣ торгуетъ на 100,000—200,000 рублей въ 1 годъ.

Московскіе издатели народныхъ книгъ посылаютъ книжный товаръ на нижегородскую и другія ярмарки, и дѣла у нихъ на этихъ ярмаркахъ идутъ прекрасно.

Писатели.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ одномъ иностранномъ путешествіи было замѣчено, что въ Россіи «нѣсколько дворянъ занимаются литературою». И это было вѣрно. Но съ того времени много утекло воды.

Въ настоящее время, къ концу XIX вѣка, въ ряды писателей понахлынули со всѣхъ сторонъ новыя силы. Литературный рынокъ переполненъ желающими попытать счастья въ области писательства.

Многихъ счастливая звѣзда выводитъ на дорогу, но еще того болѣе остается—подспудомъ.

«Братья писатели! Въ нашей судьбѣ

Что-то лежитъ роковое:

Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,

Выбрали дѣло другое—

Не было бы, точно, согласенъ и я,

Жалкихъ писаекъ и педантовъ,

Только бы не было также, друзья,

Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ».

По послѣдней переписи, въ одномъ только Петербургѣ насчитывалось «представителей ли-

беральныхъ профессій, литераторовъ, ученыхъ, художниковъ и артистовъ—7,568 человекъ.

Писатель долженъ обладать хорошимъ стилемъ и наблюдательностію.

Все наши классическіе писатели отличаются, между прочимъ, совершенствомъ стиля.

Стиль или слогъ — врожденный даръ писателя. Подобно тому, какъ рождаются люди съ предрасположеніемъ къ музыкѣ или живописи, такъ точно рождаются и писатели съ хорошимъ слогомъ. Такъ какъ хорошей стиль есть первое условіе писательства, то отсюда вытекаетъ слѣдующій совѣтъ для начинающихъ литераторовъ: кто отъ природы лишень хорошаго стиля, тому нечего и пускаться въ профессію писательства.

Врожденный даръ можно забросить, и онъ заглохнетъ; или же его можно развить и тогда онъ еще болѣе усовершенствуется.

Англійскій писатель Джоржъ Бэнтонъ, чтобы собрать свѣдѣнія объ «искусствѣ писательства», обратился съ письмами къ нѣсколькимъ сотнямъ лицъ изъ литературнаго и ученаго міра Западной Европы и Америки—съ вопросами по данному предмету; при этомъ онъ обращался, преимущественно, къ тѣмъ литераторамъ и ученымъ, которые пользовались славою хорошихъ стиллистовъ.

Онъ получилъ отвѣты 176 литераторовъ и

ученыхъ, и изъ всѣхъ этихъ отвѣтовъ вывелъ слѣдующее заключеніе:

1) Хорошій стиль есть прежде всего природный даръ;

2) Огромное большинство писателей, не считывая, однако, на одно природное дарованіе, обрабатываетъ свой стиль упорнымъ трудомъ.

Посмотримъ, какъ русскіе писатели, великіе мастера слова, вырабатывали свой стиль.

«Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью», говорилъ Гоголь, — въ то время, когда онъ писалъ «Мертвыя души». И для этого онъ читалъ что нибудь вслухъ, на примѣръ, народныя пѣсни, басни и т. п.

Пушкинъ старательно изучалъ и народную жизнь, и народный говоръ.

Во время пребыванія во Псковѣ, онъ знакомился съ живою народною рѣчью въ самомъ ея источникѣ: онъ ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди видѣли его нерѣдко одѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ.

«Разговорный языкъ простого народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій. Не худо бы намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просфирнямъ, совѣтуетъ Пушкинъ писателямъ»

они говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

Въ своей записной книжечкѣ Пушкинъ записывалъ всѣ встрѣчавшіяся новые для него народныя пословицы, старинныя выраженія и т. п.

Тургеневъ завѣщалъ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» беречь русскій языкъ, какъ великое достояніе народа. Самъ Тургеневъ зналъ, какъ много значить языкъ въ художественномъ произведеніи слова. Онъ отчеканивалъ языкъ въ своихъ произведеніяхъ, точно скульпторъ—статую. За то въ произведеніяхъ Тургенева нѣтъ ни одного лишняго слова. Если въ произведеніяхъ Тургенева вы измѣните почти любое его выраженіе, вы тотчасъ же замѣтите, что мысль, высказанная имъ, теряетъ свой характеръ.

Стройною чередою текутъ мысли Тургенева, соотвѣтственно имъ слѣдуютъ и образныя формы.

Извѣстно также, что Гончаровъ тоже очень тщательно отдѣлывалъ свои произведенія, и они у него лежали въ портфелѣ годами, прежде чѣмъ появиться въ свѣтъ. Онъ, повидимому, буквально слѣдовалъ совѣту Горация: «держатъ девять лѣтъ свой трудъ подъ изголовьемъ, прежде нежели выступить съ нимъ въ свѣтъ». Въ 1847 году Гончаровъ напечаталъ: «Обыкновен-

ную исторію», въ 1857 году—«Фрегатъ Паллада», въ 1868 году—«Обломовъ».

Если писатель одаренъ стилемъ, и если онъ задумалъ написать какое нибудь литературное произведеніе, онъ приступаетъ къ работѣ.

Техника писательства весьма различна у разныхъ авторовъ.

Обыкновенно, публика читаетъ каждое литературное произведеніе уже въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Никто не знаетъ тѣхъ подготовительныхъ работъ, которыя предшествовали появленію на свѣтъ Божій произведенія. А эти работы нерѣдко бываютъ сложны и мучительны.

Прежде всего, конечно, надо основательно знать то, о чемъ пишешь. Писатель, воспроизводящій жизнь общества, долженъ ознакомиться съ этой жизнью. Собрать возможно большее количество наблюденій. Благодаря наблюдательности, писателю это дается легко.

Анненковъ рассказываетъ, что Гоголь узнавалъ множество разнообразныхъ свѣдѣній о русской современной жизни отъ людей всевозможныхъ спеціальностей, отъ свѣдущихъ опытныхъ людей; и въ то же время, какъ онъ занимался постоянными наблюденіями, никогда, даже въ средѣ оживленныхъ и жаркихъ преній, происходившихъ въ кружкѣ по поводу современныхъ

литературныхъ и жизненныхъ явленій, не покидала его лица постоянная, какъ бы приросшая къ нему наблюдательность...

Желая сохранить слышанныя слова, «пока мѣсть онѣ еще не остыли», онъ нерѣдко заносилъ въ записную книжку все, что подмѣчалъ въ обществѣ. Сильная впечатлительность даетъ писателю возможность подмѣчать то, чего другіе не замѣчали.

Въ 1832 году Гоголь не мало удивилъ С. Т. Аксакова своимъ возраженіемъ на замѣчаніе послѣдняго, что «у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно». Гоголь, рассказывая Аксакову, посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди его, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху, и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его.

Смотря по содержанію произведенія, собраніе фактовъ и наблюденій бываетъ иногда очень продолжительно—втеченіе даже нѣсколькихъ лѣтъ.

Когда подготовительныя работы кончены, приступаютъ къ самому процессу воспроизведенія.

Составляется планъ. По заранѣ намѣченному плану, произведеніе пишется начерно, а потомъ исправляется и переписывается набѣло.

По совѣту Гоголя, «сначала надо набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ черезъ мѣсяць, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою), достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея, новыя замѣтки на поляхъ—и снова забудьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея, новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста взять отдѣльный клочекъ и приклеить сбоку.

Когда все будетъ такимъ образомъ написано возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія урѣзки, добавки, очищенія слога. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть пишите другое. Придетъ часъ, вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ, и когда она будетъ снова измарана, перепишите ее собственноручно».

По такому рецепту Гоголь передѣлывалъ и переписывалъ свои произведенія до 8 разъ.

Сохранившіяся рукописи «Ревизора» поражаютъ массою передѣлокъ, ради живости и вѣрности языка.

За-границей въ 1836 году Гоголь передѣлываетъ съизнова первоначальный набросокъ «Мертвыхъ душъ». Все начатое въ Петербургѣ, пишетъ Гоголь къ Жуковскому, передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ, и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись».

Однажды у Аксаковыхъ Гоголь вторично прочелъ одну главу изъ «Мертвыхъ душъ», и всѣ были поражены и удивлены: глава показалась имъ еще лучше, и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ:

«Вотъ что значитъ, когда живописецъ даетъ послѣдній тушь своей картинѣ. Поправки, по-видимому, самыя ничтожныя: тамъ одно словцо убавлено, и здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено—и все выходитъ другое. Тогда надо печатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы».

Пятилѣтнимъ упорнымъ трудомъ, 1836—1841 г., были окончены вполнѣ только первыя шесть главъ «Мертвыхъ душъ», въ которыхъ явились Маниловъ, Коробочка, Ноздревъ, Собакевичъ и Плюшкинъ.

Пушкинъ въ большинствѣ случаевъ писалъ свои произведенія сперва начерно.

«Поучительно видѣть, говоритъ Анненковъ какъ изъ страницы, кругомъ исчерченной и, можно сказать, обращенной въ самую мелкую сѣтку помарокъ, вытекаетъ стихотвореніе чистое, какъ алмазь, съ роскошной игрой свѣта и въ изумительной обдѣлкѣ».

Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкинъ иногда ставилъ, такъ сказать, указательныя вѣхи своему вдохновенію: такъ, напримѣръ, при созданіи «Полтавы», онъ набрасываетъ конспектъ которому строго слѣдуетъ его муза.

Случается, что писатель сперва вынашиваетъ свое произведеніе въ головѣ—до мельчайшихъ подробностей, а потомъ переписываетъ его на бумагу.

Къ числу такихъ писателей принадлежалъ покойный В. Гаршинъ.

Онъ обдумывалъ свои рассказы во время продолжительныхъ прогулокъ, или дома, работая за переплетнымъ станкомъ.

Онъ говорилъ, что главное удовольствіе, доставляемое ему переплетаніемъ книгъ, состоитъ въ томъ, что за этимъ занятіемъ такъ хорошо думать. Руки работаютъ механическую работу, голова тоже бываетъ занята. За то, когда онъ садился писать, весь рассказъ былъ уже готовъ въ его головѣ.

Писалъ онъ свои рассказы недолго, обычно-

венно даже очень быстро, списывая мелким почеркомъ маленькіе, беспорядочные клочки бумаги. Онъ не могъ много и долго работать. Недаромъ говорилъ онъ, что каждая буква стоила ему каплю крови.

Такимъ образомъ, техника писательства для В. Гаршина представляла процедуру переносиванія прямо набѣло тѣхъ рассказовъ, которые сложились уже у него въ головѣ.

Литературная работа слишкомъ утомляла Гаршина, слишкомъ напрягала его нервы, чтобы онъ могъ постоянно или часто заниматься. Онъ не могъ писать спокойно, «не волнуясь и не спѣша»; его маленькіе рассказы требовали отъ него сильнаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ и созданія его воображенія глубоко его волновали.

Въ воспоминаніяхъ г. Воборыкина есть цѣнное указаніе о томъ, какъ Гончаровъ писалъ свой «Обрывъ».

«Цѣлыми днями писалъ я, говоритъ Гончаровъ, съ утра до вечера безъ всякихъ, даже маленькихъ остановокъ, точно меня что несло. Случалось списывать цѣлый печатный листъ въ день, и больше, и такъ быстро, что у меня дѣлалась боль въ пальцахъ правой руки, и я изъ-за нея только останавливалъ работу».

Подобная порывистая энергичная работа по-

казываетъ, что въ дѣлѣ стиля, пошиба можно достигнуть мастерства, яркости и простоты формы—не однимъ только корпѣніемъ надъ выборомъ существительныхъ и прилагательныхъ, какимъ прославился французскій писатель Флоберъ.

Быстрота писанія, между прочимъ, зависитъ отъ широты замысла произведенія, отъ темы. Въ этомъ отношеніи, мы имѣемъ примѣръ Голя съ его «Мертвыми душами», Пушкина съ его «Евгеніемъ Онегинымъ»: это послѣднее произведеніе написано въ 7 лѣтъ, 4 мѣсяца и 17 дней.

За то тѣмъ же Пушкинымъ въ октябрѣ 1828 г. была начата и окончена превосходная поэма «Полтава». Съ удивительною быстротою одна глава слѣдовала за другою: первая пѣсня окончена 3 октября, вторая 9 октября, третья 16 октября и т. д.

Литературная плодовитость писателя весьма различна. Все дѣло здѣсь заключается въ умѣнши соблюдать экономію своихъ силъ и сохранять свой талантъ—въ свѣжести.

Про писателя, какъ и про гравера, можно сказать, что сколько онъ посидитъ, столько и напишетъ.

Если писатель пишетъ мало, то это происходитъ оттого, что его произведенія съ трудомъ находятъ сбытъ, или потому что его заѣдаетъ

лѣнь, или наконецъ потому, что онъ обремененъ совѣмъ посторонними литературѣ занятіями.

Наши классическіе писатели: Пушкинъ, Левъ Толстой, Тургеневъ, Щедринъ, Островскій были очень плодovitы.

Левъ Толстой, по его собственнымъ словамъ, весьма плодovitый писатель, 40 почти лѣтъ ничего не дѣлавшій, кромѣ писанія, написалъ 300 печатныхъ листовъ. Далѣе онъ дѣлаетъ такой расчетъ: что если бы онъ писалъ по однимъ праздникамъ по 2 страницы въ день, то онъ написалъ бы тѣ же 300 печатныхъ листовъ въ 14 лѣтъ. А онъ писалъ иногда по 1 печатному листу въ 1 день.

Прежніе писатели, за исключеніемъ Пушкина, въ матеріальномъ отношеніи, были люди болѣе или менѣе обеспеченные, и потому смотрѣли на литературу, какъ «на высокій и благородный подвигъ». Они писали, когда чувствовали расположеніе къ творчеству.

Современный писатель въ большинствѣ случаевъ на занятіе литературы смотритъ, какъ на заработокъ.

Слишкомъ тернистъ путь русскаго писателя!

Кто живетъ въ столицахъ, тотъ еще скорѣе можетъ пристроить свое литературное произведеніе въ какую-нибудь редакцію; а кто живетъ въ далекой провинціи, тому бѣда: безконечное

странствованіе рукописи по почтѣ изъ одного города въ другой, изъ одной редакціи въ другую—отобьютъ всякую охоту къ литераторству. Непринятую рукопись въ редакціи еще и перепачкаютъ.

Получаетъ начинающій литераторъ свою рукопись обратно изъ редакціи и видитъ: на первомъ листѣ рукописи рукою редактора сдѣлана отмѣтка: «не удобно», или «возвратить назадъ», или «не годится» и т. п.

Положительно авторамъ слѣдуетъ протестовать противъ подобнаго безцеремоннаго отношенія редакторовъ къ чужому труду: пачкать чужую рукопись, присланную имъ на разсмотрѣніе, они не имѣютъ никакого права, тѣмъ болѣе, что редакторы не всегда стоятъ на высотѣ своего призванія.

Изъ предисловія къ недавно вышедшей въ свѣтъ юмористической поэмѣ «Собаки» Я. П. Полонскаго, читатель съ недоумѣніемъ узнаетъ, что это произведеніе лежало у автора въ портфель въ продолженіи около двадцати лѣтъ, подспудомъ, потому что ни одинъ литературный журналъ не пустилъ «Собакъ» въ свое общество. Маститый поэтъ, неподражаемый авторъ «Кузнечика - музыканта», благодушно говоритъ, что онъ не винитъ за это редакторовъ—можетъ быть, его собаки лаяли и выли не громко.

Левъ Толстой — за работой, съ картины г. Рѣпина,
гравироваль В. В. Матѣ.

Сплошь и рядомъ писатель не сразу угадываетъ свое истинное призваніе. Бываетъ такъ, что

Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

И только вступивъ на свою дорогу, писатель чувствуетъ свои силы, подобно древнему богатырю, испившему живой воды.

Только благодаря счастливому случаю, Григоровичъ и Лѣсковъ стали писателями.

Григоровичъ свои «литературныя воспоминанія» начинаетъ слѣдующей многознаменательной фразой: «въ кругу русскихъ писателей врядъ ли много найдется такихъ, которымъ въ дѣтствѣ привелось встрѣтить столько неблагопріятныхъ условій для литературнаго поприща, сколько было ихъ у меня».

Въ своихъ воспоминаніяхъ г. Григоровичъ даетъ интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ былъ написанъ имъ одинъ изъ первыхъ его очерковъ, подъ заглавіемъ «Петербургскіе ширманщики».

«Попавъ на мысль описать бытъ ширманщиковъ, я съ горячностію принялся за исполненіе... Я, прежде всего, занялся собираніемъ матеріала. Около двухъ недѣль бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ трехъ Подъяческихъ улицахъ,

гдѣ преимущественно селились тогда ширманщики, вступалъ съ ними въ разговоръ, заходилъ въ невозможныя трущобы, записывалъ потомъ до мелочи все, что видѣлъ и о чемъ слышалъ.

Обдумавъ планъ статьи и раздѣливъ ее на главы, я, однако-жъ, съ робкимъ, неувѣреннымъ чувствомъ приступилъ къ описанію».

Окончивъ «Ширманщиковъ», Григоровичъ показалъ свое произведеніе Достоевскому.

Достоевскому понравился очеркъ, за исключеніемъ одного выраженія въ главѣ *Публика ширманщика*.

«У меня было написано такъ, рассказываетъ Григоровичъ, когда ширманщикъ пересталъ играть, чиновникъ изъ окна бросаетъ пятакъ, который падаетъ къ ногамъ ширманщика. «Не то, не то,—раздражительно вдругъ заговорилъ Достоевскій,—у тебя выходитъ слишкомъ сухо: пятакъ упалъ къ ногамъ...

Надо было сказать: пятакъ упалъ на мостовую, *звеня и подпрыгивая*».

Эта поправка для Григоровича оказалась цѣлымъ откровеніемъ. Онъ сразу понялъ разницу между сухимъ выраженіемъ и художественнымъ литературнымъ приемомъ: *звеня и подпрыгивая* выходитъ гораздо живописнѣе, довершая движеніе.

Когда талантливый писатель составить себѣ имя, то онъ находитъ доступъ въ любую редакцію.

Прошли тѣ времена, когда сотрудникъ одного журнала, пропечатавшійся въ другомъ журналѣ, считался чуть ли не измѣнникомъ, «перелетомъ» и т. п. Нынѣче писатель для одного журнала напишетъ романъ, для другого—повѣсть и т. д. Почтенный беллетристъ Лѣсковъ, на примѣръ, писалъ въ 40 газетахъ и журналахъ.

Чѣмъ больше печатныхъ листовъ, тѣмъ лучше, ибо плата производится по листу. Современный писатель работаетъ много и быстро. Вотъ какъ высказался о снѣжности современной литературной работы старый ветеранъ отъ литературы г. Григоровичъ:

«Этою снѣжностью, къ сожалѣнію, увлекаются все болѣе всѣ наши современные писатели. Излишне и говорить, однако, на сколько она въ сущности вредитъ писателю... Всѣмъ намъ слѣдовало бы въ этомъ отношеніи брать примѣръ съ колоссовъ прошлаго. Хорошо бы было всѣмъ нашимъ литераторамъ, и въ особенности начинающимъ, заглядывать, напр., отъ поры до времени хотя бы въ публичную бібліотеку. Они увидѣли бы здѣсь собственными глазами, какъ «писали» такіе великіе учителя, какъ Гоголь... Вспомните, что «Ревизи-

зорь» и «Мертвыя души» переписывались и передѣлывались незабвеннымъ ихъ создателемъ по нѣсколько разъ. А втеченіе сколькихъ лѣтъ наши гиганты выдерживали свои произведенія въ портфель; сколько времени они обдумывали и передумывали всѣ малѣйшія подробности своихъ созданій!.. Увы! теперь не то время: теперь чуть не всѣ мы работаемъ на своего рода спѣшку, и хотя я никогда не былъ приверженцемъ такого рода работы, но все-таки, этотъ духъ времени не остался безъ вліянія... Я лично, живя въ Петербургѣ, — работаю не такъ много какъ тогда, когда лѣтомъ я нахожусь вдаль отъ здѣшняго шума и суеты... Я поэтому всегда съ нетерпѣніемъ жду наступленія апрѣля и на цѣлые 5 мѣсяцевъ ежегодно отправляюсь за-границу... Вотъ тутъ-то я и наслаждаюсь полнымъ спокойствіемъ, работая на досугѣ, не утруждая себя ничѣмъ и выжидая минуты, такъ называемаго, «вдохновенія»... Только при такихъ условіяхъ въ сущности и слѣдуетъ приниматься за работу, и даже Москва, напр., въ этомъ отношеніи представляетъ сравнительно съ Петербургомъ куда болѣе преимуществъ. Тамъ жизнь гораздо тише, куда меньше суеты»...

Спѣшность работы современнаго литератора объясняется его необезпеченнымъ экономическимъ положеніемъ. Современный писатель сред-

ней руки долженъ очень много писать, чтобы имѣть сносный заработокъ для безбѣднаго существованія.

Хорошо живется только журналистамъ, пристроившимся около газетъ или журналовъ, гдѣ они получаютъ опредѣленное жалованіе.

Мужикъ работаетъ руками и вообще физической силой; писатель работаетъ головою. Умственный трудъ гораздо тяжелѣе физическаго.

Физическій трудъ, послѣ утомленія, даетъ, по крайней мѣрѣ, хорошій аппетитъ и сонъ; а напряженный умственный трудъ слишкомъ угнетаетъ нервную систему.

Это можетъ подтвердить каждый литераторъ, готовящій къ какому нибудь журналу срочную статью. Противнѣе и несноснѣе срочной литературной работы трудно себѣ что нибудь и представить.

Кто хочетъ посвятить себя литературѣ, тотъ прежде всего долженъ озаботиться найти частную или коронную службу, если онъ человекъ, въ матеріальномъ отношеніи, необезпеченный. И затѣмъ смотрѣть на писательство, какъ на побочное занятіе, на излюбленный трудъ. Если писатель не состоитъ нигдѣ на службѣ, и не пристроился къ какой-нибудь газетѣ или журналу, то онъ, въ большинствѣ случаевъ, бога-

тый помѣщикъ, наприм., Л. Толстой и покойные Фетъ, Тургеневъ и т. д.

Многіе наши извѣстные писатели состоятъ на государственной службѣ и писательствомъ занимаются въ часы досуга, напримѣръ, Я. П. Полонскій, А. Майковъ, Скальковскій, Филипповъ и друг.

Нерѣдко занятіе литературой пролагаетъ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ.

Самый послѣдній чиновникъ, состоящій на государственной службѣ, на закатѣ дней своихъ, по выслугѣ извѣстнаго срока, можетъ рассчитывать на отдыхъ, сопровождаемый пенсіей. Для писателя, по характеру его профессіи, не полагается выслуги: для него нѣтъ старости.

Онъ всегда долженъ быть свѣжъ и бодръ, чтобы не умереть съ голода; перо его не должно притупляться, и чернила — изсякнуть.

Вотъ почему многіе писатели, застигнутые болѣзнію, умираютъ во всеоружіи своей профессіи: или съ перомъ въ рукахъ, или за чтеніемъ корректуры своихъ сочиненій.

Подобно тому какъ Некрасовъ говорилъ старику разсылному, у котораго болѣли ноги отъ ходьбы: «жить тебѣ, пока ты на ходу», такъ можно сказать и писателю — въ отношеніи его литературныхъ занятій.

Салтыковъ работалъ всю свою жизнь, не по-

кидая пера, хотя и былъ матеріально обезпеченъ. По воспоминаніямъ г. Абрамова, работа для него превратилась не только въ обычное занятіе, но въ какую-то непреодолимую потребность.

Въ гармоніи слова и процессъ творчества писатель находитъ для себя высокое наслажденіе.

Искусство, творчество, оставалось для Гоголя до самаго конца жизни выше всего въ мірѣ: «однѣ изъ лучшихъ минутъ въ жизни моей, говоритъ онъ въ авторской исповѣди, были тѣ, когда я, наконецъ, клалъ на бумагу то, что выносилось долговременно въ моихъ мысляхъ; едва ли есть высшее изъ наслажденій, какъ наслажденіе творить... не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить».

Едва ли какая нибудь другая профессія пренебрегаетъ такъ гигиеной своего труда, какъ писатели.

Между тѣмъ, писатель, по свойству своего труда, долженъ строго слѣдовать извѣстнымъ гигиеническимъ правиламъ. Тогда только онъ избѣжитъ умственного и физическаго банкротства. Князь Вяземскій справедливо замѣчаетъ, что недовольно писателю имѣть дарованіе, мысли, свѣдѣнія, нужно еще—*искусство писать*.

Русскіе писатели работаютъ очень много; слишкомъ расходуя свои силы, расшатываютъ

первую систему преждевременно. Многие из них имѣютъ пагубную привычку работать по ночамъ, напримѣръ, Достоевскій просиживалъ цѣлыя ночи на пролетъ, пиша свои романы.

Не только ночныхъ, но даже вечернихъ работъ, по возможности, писатель долженъ избѣгать. По крайней мѣрѣ, за часъ, за два передъ отходомъ ко сну, писатель долженъ бросить свое перо, чтобы дать первой системѣ время—успокоиться и, такъ сказать, остыть.

Человѣческій мозгъ,—сей «престоль ума и вдохновенія»—очень чувствительный органъ.

Всякій другой труженикъ, напримѣръ, граверъ, наборщикъ, окончивъ дневную работу, можетъ вполне предаться отдыху или сну. Граверъ, поработавъ надъ своею гравюрою поздно вечеромъ, спитъ ночью безмятежнымъ сномъ.

Напротивъ, писатель, послѣ умственного труда, послѣ окончанія процесса творчества, не можетъ тотчасъ же отрѣшиться отъ своей работы, позабыть ее, по своему произволу. Для него забвенья нѣтъ! И если онъ работалъ поздно вечеромъ, то всю ночь себѣ испортитъ: картины и образы его собственнаго творчества, какъ непрошеные гости, будутъ носиться въ его воображеніи—среди ночной темноты еще ярче, чѣмъ днемъ. «Когда я пишу, я всегда

испытываю точно роды», выразился Тургеневъ.

Въ отношеніи распредѣленія времени занятій, писатели должны взять для себя примѣромъ—Эмиля Золя, который пишетъ ежедневно по утрамъ положенное число страницъ, работая не болѣе трехъ часовъ въ день.

Изъ русскихъ писателей умѣлъ хорошо располагать временемъ историкъ Соловьевъ. Кромѣ своего главнаго труда, *Историю Россіи*, онъ успѣвалъ еще участвовать и въ повременныхъ изданіяхъ, при этомъ *по вторникамъ* писалъ для «Отечественныхъ Записокъ», а *по пятницамъ* для «Современника» — отъ такого-то часа и до такого-то.

Какъ только наступалъ срокъ, онъ бросалъ работу даже на половинѣ недоконченной фразы.

Ужъ если по вечерамъ необходимо заниматься, то лучше всего употребить это время—на механическое переписываніе съ черника набѣло.

Профессіональная болѣзнь писателей—переломленіе, со всѣми его послѣдствіями: параличемъ мозга и т. п.

Указывать ли примѣры?

Достаточно назвать Гоголя, Успенскаго, Спасовича и друг.

Въ скалѣ смертности писатели стоятъ въ са-

момъ низу, т. е. жизнь ихъ, сравнительно съ другими профессіями, кратковременна.

Съ этой точки зрѣнія, покойный Гончаровъ поступалъ вполне благоразумно, не внимая сѣтованію современниковъ, что онъ мало пишетъ. Продолжительное молчаніе, прерываемое послѣ многихъ лѣтъ, когда онъ снова брался за перо, сохранило ему долготѣтную жизнь, до глубокой старости.

Теперь перейдемъ къ вопросу о заработкѣ писателя. Начнемъ съ редакторовъ.

Въ большихъ повременныхъ изданіяхъ, газетахъ и журналахъ, редакторы получаютъ двѣ, три и даже шесть тысячъ рублей въ годъ, такъ-напримѣръ, въ «Нивѣ» редакторъ Ключниковъ получалъ 6,000 рублей въ годъ.

Въ газетѣ «Новое Время» С. Атава за свое сотрудничество (еженедѣльные фельетоны) получаетъ 400 рублей въ мѣсяцъ. Г. Буренинъ за свой талантъ и остроуміе получаетъ министерскій окладъ—12,000 рублей годовыхъ.

Г. Лейкинъ за свои *сценки* получаетъ изъ «Петербургской газеты» 150 руб. въ недѣлю, и кромѣ того, 1000 руб. единовременно, а всего около 9,000 руб. въ 1 годъ.

Въ «толстыхъ журналахъ» помѣщенные статьи оплачиваются полистной платою.

Для разныхъ писателей—различныя цѣны.

Глѣбъ Успенскій изъ «Русской Мысли» получалъ 300—400 рублей за 1 печатный листъ. Лѣсковъ въ «Нивѣ»—500 рублей, а въ другихъ журналахъ 250—300 рублей за 1 печатный листъ. Боборыкинъ—250 рублей за 1 печатный листъ, Ясинскій 150—200 рублей за 1 печатный листъ, Немировичъ-Данченко—150 рублей за 1 печатный листъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ) 125 рублей за 1 печатный листъ, Голицинъ (Муравлинъ) 150 рублей за 1 печатный листъ и одинъ разъ въ «Нивѣ» 1,000 рублей за 3 печатныхъ листа, Ольга Шапиръ—200 руб. за 1 печатный листъ. При этомъ 1 печатный листъ—35,000 буквамъ.

Стихи оплачиваются отъ 25 коп. до 50 копѣекъ съ 1 стиха. Для такихъ поэтовъ, какъ Полонскій и Феть, плата—поштучная: 25 рублей за каждое маленькое стихотвореніе, будь оно въ нѣсколько строкъ, такъ-что каждый стихъ обходится дороже 1 рубля.

Въ дѣтскихъ журналахъ плата понижается: «Родникъ»—35 рублей за 1 печатный листъ, «Дѣтскій отдыхъ»—25 рублей, «Игрушечка»—25 рублей, «Дѣтское чтеніе»—25 рублей (а въ 1892 г. въ «Дѣтскомъ чтеніи» плата была даже 15 рублей за 1 печатный листъ).

Но это еще не есть minimum. Существуетъ журналъ (и даже въ Петербургѣ, и не дѣт-

скій, а для взрослыхъ), который платитъ по 8 рублей за 1 печатный листъ!..

Въ Россіи даже наиболѣе популярныя писатели не могутъ похвастаться большими барышами съ изданія своихъ сочиненій.

По статистическимъ даннымъ, произведенія К. А. Михайлова (Шеллера), по спросу, существующему на нихъ въ публичныхъ библіотекахъ, стоятъ во главѣ сочиненій другихъ авторовъ. И однако, этотъ почтенный писатель получаетъ очень маленькій доходъ съ изданія своихъ сочиненій, и не работай онъ въ «Живописномъ Обзорѣніи», дѣло было бы плохо.

Въ 1873 году собраніе своихъ сочиненій онъ продалъ издателю Бартневскому, въ 5 томахъ, 2,400 экземпляровъ, за 2,000 рублей. Бартневскій назначилъ рыночную цѣну за 5 томовъ 10 рублей и продаетъ ихъ еще и до сихъ поръ...

За изданіе отдѣльныхъ романовъ, по напечатаніи ихъ въ какомъ-нибудь повременномъ изданіи, А. К. Михайловъ получаетъ отъ издателя Губинскаго по 300 рублей за каждый романъ, въ объемѣ 22—23 печатныхъ листовъ, въ 2,400 экземплярахъ, такъ что полистная плата 14 рублей...

Не будь эти романы предварительно напечатаны гдѣ-нибудь въ журналѣ и уже оплочены,

не стоило бы ихъ и писать: трудъ не вознаграждался бы. Овчинка не стоила бы выдѣлки... Между тѣмъ, издатель за каждый романъ назначаетъ рыночную цѣну 1 руб. 25 коп.— 1 руб. 50 коп. Распродавъ все изданіе, онъ выручаетъ, за скидкой 40⁰/₀ книгопродавцамъ, 2,160 рублей: шестьсотъ рублей стоитъ изданіе, 300 руб.—авторскій гонораръ, 1,260 рублей—чистый барышъ издателю.

Если подобный гонораръ получаютъ писатели извѣстные, то что сказать о писателяхъ средней руки. Большинство издателей (въ особенности гостинодворцевъ), покупая у автора право на изданіе какого-нибудь сочиненія, торгуются и рядятся съ авторомъ, точно гоголевская Коробочка, которая продавала свиное сало, пухъ, перья, и т. п.

Даже классическіе писатели хорошее вознагражденіе за свой трудъ получаютъ... послѣ смерти.

Поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Достоевскій.

Какъ извѣстно, втеченіе своей жизни онъ не выходилъ изъ долговъ и бился, что называется, какъ рыба объ ледъ, просилъ у издателей безконечные авансы въ счетъ будущихъ романовъ, находившихся въ проектѣ, въ головѣ.

Когда онъ умеръ, г-жа Достоевская, его жена, издала полное собраніе сочиненій Достоевскаго и выручила за 1-е изданіе около 75,000 дохода, такъ что изъ доставшагося на ея долю капитала въ 10,000 рублей она тотчасъ же построила въ Старой Русѣ школу имени Достоевскаго!.. Теперь она выпустила 4-е изданіе, и за всѣ 4 изданія получила, вѣроятно, не менѣе 300,000 рублей дохода!..

Можно положительно сказать, что гениальные писатели, властители думъ своего вѣка, никогда при жизни не бываютъ такъ вознаграждены за свои труды, какъ послѣ смерти.

Репутація писателя, помимо таланта, создается продолжительнымъ трудомъ. Его идеи ассимилируются обществомъ постепенно. Фигура писателя, его общественное значеніе, выясняется подъ конецъ его жизни, когда писателю пора уже справлять свой литературный юбилей. Въ началѣ своего поприща писатель былъ конечно не извѣстенъ, и только подъ конецъ жизни онъ достигаетъ извѣстности, славы. Въ это время вполне опредѣляется спросъ на его произведенія среди читающей публики. Но жизнь человѣческая коротка. Писатель умираетъ, оставивъ литературное наслѣдство.

Нерѣдко бываетъ, что писатель, подъ конецъ

своей жизни, стоя на краю могилы, дѣлаетъ духовное завѣщаніе о своихъ сочиненіяхъ.

Онъ передаетъ право литературной собственности или своимъ родственникамъ, или продать какому нибудь издателю.

Извѣстно, что Тургеневъ, въ предѣлахъ земнаго совершивъ все земное, продалъ право литературной собственности—Глазунову.

То же самое сдѣлалъ и Гончаровъ.

Подобная предсмертная сдѣлка представляетъ собою актъ, когда, въ счетъ будущихъ поколѣній, писатель получаетъ нѣкоторое вознагражденіе за свои труды—отъ издателя.

Если право литературной собственности не продано писателемъ никакому издателю, то при жизни онъ не получаетъ ничего, за исключеніемъ полустной платы съ повременныхъ изданій. За то всѣ выгоды остаются наследникамъ. Они срываютъ плоды съ дерева писателя, напримѣръ, г-жа Достоевская, наследники Салтыкова и т. д.

Нѣкоторые гениальные писатели, напримѣръ, Пушкинъ и Гоголь, не были поняты современниками, а были вѣрно оцѣнены слѣдующими поколѣніями... Спросъ на ихъ произведенія обнаружился потомъ. Понятно, всѣ выгоды въ этомъ случаѣ получили издатели.

Если произведенія великихъ писателей пере-

живають вѣка, то произведенія среднихъ и мелкихъ писателей нерѣдко позабываются публикою еще при жизни самихъ писателей: писатель переживаетъ свое собственное произведеніе.

Драматическій моментъ въ жизни писателя наступаетъ тогда, когда онъ «сталъ исписываться», «сталъ слабѣть», «повторяться» и т. п. Его произведенія не находятъ сбыта.

Если писатель устарѣлъ, и перо у него вываливается изъ рукъ; если писатель заболѣлъ какой-нибудь тяжкою болѣзнію, и вслѣдствіе этого принужденъ бываетъ прекратить свои литературныя занятія,—во всѣхъ подобныхъ несчастіяхъ онъ можетъ найти нѣкоторую помощь отъ «общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ».

Это общество основано въ 1859 году. Мысль организаціи общества для пособія литераторамъ и ученымъ принадлежитъ Дружинину. Основатели общества: Некрасовъ, Манаевъ, Дружининъ и Краевскій изъявили желаніе вносить въ пользу общества съ 1860 г. по 1 копѣйкѣ съ каждаго подписчика на издаваемые ими журналы. А Кавелинъ и Галлаховъ—по 1 копѣйкѣ съ продаваемыхъ книгъ и наконецъ Ковалевскій — по 1 проценту съ гонорара за статьи, помѣщаемыя въ повременныхъ изданіяхъ.

Въ публикѣ это общество извѣстно подъ именемъ «Литературнаго фонда».

Средства общества составились: 1) изъ денежных пожертвованій, напримѣръ, писатель Елисеѣвъ пожертвовалъ 35,000 руб., А. Н. Плещеевъ—30,000 руб., 2) съ изданія сочиненій Гаршина и Надсона и 3) изъ выручки по устройству литературныхъ вечеровъ, публичныхъ лекцій и т. д.

Въ 1892 году неприкосновенный и именной капиталъ общества возросъ свыше 200,000 руб.

Число членовъ было 750 человекъ. Всѣхъ пенсіонеровъ и пенсіонерокъ числилось 24 человекъ.

Единовременныхъ пособій оказано было 95 человекамъ.

Кромѣ того, комитетъ общества, состоящій изъ 5 человекъ, избираемыхъ ежегодно, помѣщаль дѣтей-писателей въ учебныя заведенія, хлопоталъ объ уплатѣ гонорара, доставалъ даровые билеты, отыскивалъ работу нуждающимся и т. п.

Бѣлинскій дѣлилъ литературу на 4 области: науку, искусство или поэзію, беллетристику и прессу.

Что касается классификаціи писателей по содержанію ихъ произведеній, то ихъ можно подраздѣлить на слѣдующія группы: *ученые*,

поэты, драматурги (трагедія, комедія и мелодрама), *беллетристы* (романъ, повѣсть и разсказъ), *публицисты, критики* (литературы, музыки и живописи) и *библіографы*.

Въ послѣднее время сильно развита пресса, и въ ней господствуетъ публицистъ.

Дѣятельность публициста можно приравнять къ дѣятельности государственнаго человѣка. Большимъ вліяніемъ на русское общество и всесвѣтною славою пользовались Катковъ, И. Аксаковъ.

Благодаря цѣлому ряду гениальныхъ и знаменитыхъ писателей, начиная съ Пушкина и кончая Л. Толстымъ, благодаря многимъ блестящимъ публицистамъ, престижъ русскаго писателя поднялся въ обществѣ до небывалой высоты. Писатели пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Салтыковъ въ предсмертномъ своемъ письмѣ, между прочимъ, завѣщаль своему сыну: «паче всего люби родную литературу, я званіе литератора предпочитаю всякому другому».

Гравировальное дѣло въ Петербургѣ.

Искусству гравированія въ Петербургѣ обучаютъ: 1) при академіи художествъ, 2) въ обществѣ поощренія художествъ и 3) въ рисовальной школѣ барона Штиглица.

Кромѣ этихъ школъ, разсадникомъ искусства гравированія въ Петербургѣ служатъ и частные граверы, которые имѣютъ учениковъ, работающихъ у нихъ въ мастерскихъ. Напримѣръ, граверы Вейерманъ, Зубчаниновъ и друг. имѣютъ у себя по 10—15 учениковъ, которые выучиваются и работаютъ подь ихъ руководствомъ.

Нельзя сказать, чтобы искусство гравированія стояло у насъ на высотѣ своего призванія. Стоитъ только присмотрѣться къ повременнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ, чтобы видѣть, что современная гравюра страдаетъ многими существенными недостатками.

Современный граверъ, за немногими исключеніями, гравируетъ условно, плоско и шаблонно.

Гоголь въ своихъ «Мертвахъ душахъ», по поводу Сабакевича, между прочимъ говоритъ, что есть лица, надъ созданиемъ которыхъ природа не долго мудрила:хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ,хватила другой—вышли губы,потомъ взяла сверлило,провертѣла двѣ дыры—и выпли глаза,и затѣмъ свое созданіе пустила гулять по свѣту,сказавши: «идеть!»

Точно такимъ же образомъ гравируютъ и нынѣшніе граверы.

Въ особенности этотъ недостатокъ техники и знанія бросается при гравированіи человѣческаго лица и фигуры.

Хотя въ натурѣ на лицѣ человѣка нѣтъ линий, граверъ иначе и не «рѣжетъ» человѣческое лицо, какъ условными линиями—традиціонными очерками глазъ, носа, рта и т. д.

Въ такихъ работахъ вы не ищите на лицѣ человѣка мускуловъ, которые придаютъ тотъ или иной характеръ фізіономіи.

Все здѣсь плоско, шаблонно, лишь было бы нѣкоторое отдаленное сходство съ оригиналомъ—и этого довольно.

Портреты общественныхъ и государственныхъ дѣятелей, гравированные нынѣшними граверами въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, очень плохи.

Среди подобныхъ рутинныхъ граверовъ вы-

дѣляется граверь-художникъ В. В. Матэ, ученикъ Сѣрякова, у котораго онъ учился въ «обществѣ поощренія художествъ». Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ с.-петербургской академіи художествъ, въ 1875 — 1880 г. Затѣмъ съ 1880—1883 годъ г. Матэ отправленъ былъ за-границу, на счетъ академіи, для усовершенствованія въ гравировальномъ искусствѣ.

За-границею В. В. Матэ работалъ у французскихъ граверовъ Гальяра и Паннемакера. Окончивъ ученіе, г. Матэ, для ознакомленія съ гравернымъ дѣломъ, посѣтилъ Англію и Голландію. Здѣсь онъ, между прочимъ, собралъ богатую коллекцію гравюръ.

Вернувшись въ Россію, В. В. Матэ въ 1884 г., при рисовальной школѣ барона Штиглица, основалъ классъ гравировальнаго искусства, въ которомъ онъ и состоитъ руководителемъ. Въ классѣ насчитывается 15 человекъ учениковъ.

Въ настоящее время г. Матэ пользуется заслуженною извѣстностью талантливаго гравера-новатора.

Онъ выработалъ свою особую манеру гравировать, и врагъ всякой условности—въ гравировальномъ дѣлѣ. Принимаясь «рѣзать» человеческое лицо, онъ выгравируетъ его детально, «прочувствуетъ» самый малѣйшій мускулъ на лицѣ: отъ этого работы г. Матэ дышутъ не-

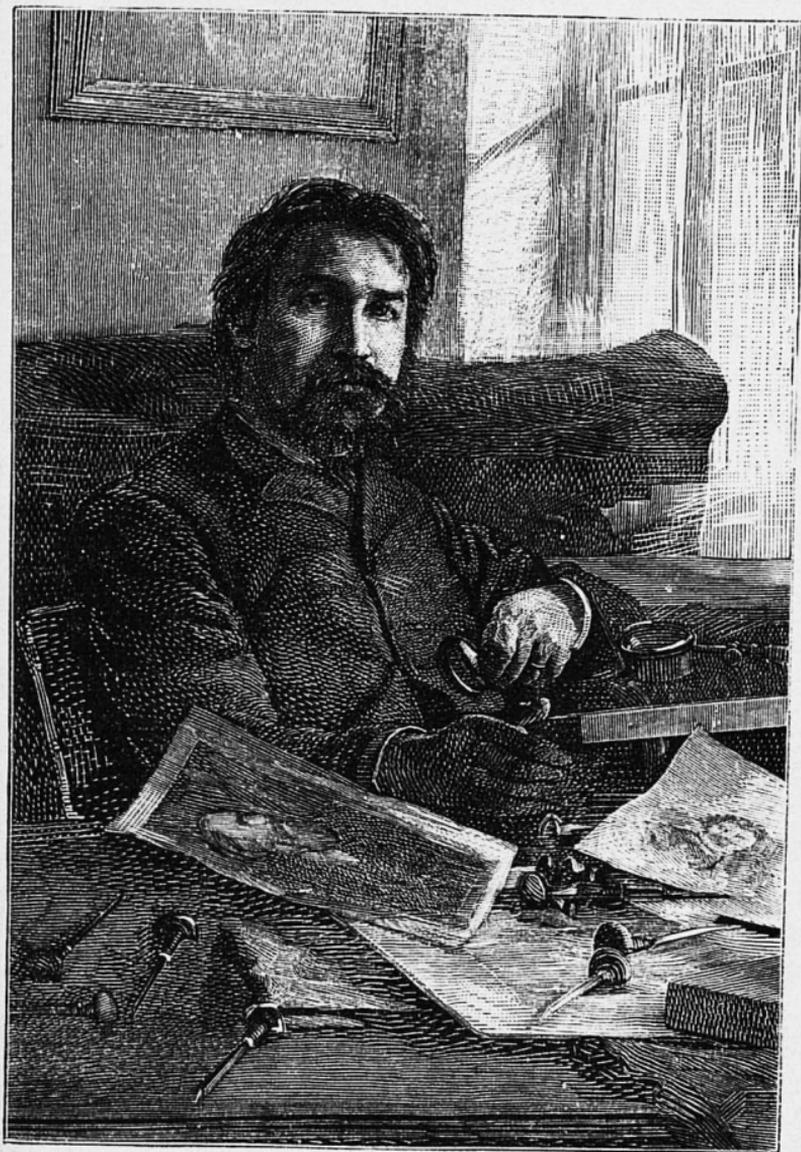
обыкновенною живостию и сходствомъ съ оригиналомъ. Если же г. Матэ гравировать фигуру человѣка, то онъ прослѣдитъ анатомически вѣрно ея рисунокъ. Тамъ, гдѣ граверъ-рутинеръ, гравировавъ человѣческое лицо, «вырѣжетъ» одну плоскость (напр. лба, щеки), г. Матэ усмотритъ многочисленныя градаціи мускуловъ, свѣта и тѣни. При такой детальной отдѣлкѣ, анатомически вѣрной, особенную цѣну приобретаетъ гравированіе портретовъ. Въ этой области г. Матэ достигъ удивительнаго совершенства.

Его портреты, на примѣръ, композитора Бородина, поражаютъ необычайнымъ сходствомъ

Наши художники, на примѣръ, Рѣпинъ, очень цѣнятъ талантъ г. Матэ, потому-что это единственный граверъ, который въ своихъ гравюрахъ можетъ передать почти каждый взмахъ кисти художника.

Онъ образовалъ уже нѣсколько граверовъ, которые придерживаются манеры своего учителя. Одинъ изъ его учениковъ - граверовъ работаетъ въ Сибири, въ Омскѣ, у издателя Макушина.

Г. Матэ, между прочимъ, гравировать теперь «Запорожцевъ», картину Рѣпина — на мѣди. Массивная мѣдная доска имѣетъ $1\frac{1}{2}$ аршина длины и 1 аршинъ ширины. Надъ этой гравюрой онъ работаетъ уже 1 годъ.

Граверъ В. В. Матэ.

Печатаніе афишъ.

И одно произведеніе типографскаго станка не печатается такимъ разнообразнымъ шрифтомъ, какъ афиши: онѣ оттискиваются разными титульными шрифтами; нерѣдко на одну афишу требуется до 50 разныхъ шрифтовъ. Почти каждая новая строка афиши печатается особымъ шрифтомъ.

Названіе піесы или какого-нибудь зрѣлища печатается большими литерами — величиною въ вершокъ и болѣе, достигая чудовищнаго размѣра, а именно $\frac{1}{2}$ аршина и болѣе.

Крупный шрифтъ афишъ рассчитанъ для прочтенія уличной публики.

Афиши печатаются *деревяннымъ шрифтомъ*, который тщательно вырѣзывается изъ пальмоваго дерева.

Для типографіи Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ — деревянный шрифтъ вырѣзанъ въ Парижѣ.

Деревянный шрифтъ, какъ извѣстно, употреблялся Гутенбергомъ.

Что же заставило типографчиковъ для печатанія афишъ обратиться къ старинному деревянному шрифту?

Во-первыхъ — дороговизна отливки огромныхъ литеръ, во-вторыхъ, неудобство примѣненія на практикѣ тяжелыхъ свинцовыхъ массъ, т. е. литеръ.

Наборщику во время набора текста пришлось бы подымать и набирать большія тяжести. Все это послужило причиною прибѣгнуть для печатанія афишъ — къ деревянному шрифту.

Наборщикъ, набирая афишу, пользуется сразу нѣсколькими шрифтъ-кассами.

Бумага для афишъ употребляется простая, дешевая, потому что и самая афиша имѣетъ эфемерный характеръ; ея интересъ ограничивается *однимъ днемъ*, по прошествіи котораго она не имѣетъ цѣны и значенія, за исключеніемъ развѣ историческаго интереса для какаго-нибудь историка — о зрѣлищахъ и театрахъ.

Простая афишная бумага стоитъ по 1 руб. 60 коп. за стопу, въ стопѣ 500 листовъ.

Въ Петербургѣ афиши о зрѣлищахъ и представленіяхъ печатаются въ типографіи Императорскихъ театровъ.

Наравнѣ съ газетными объявленіями, афиши печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія г. градоначальника.

Приемъ заказовъ для печатанія афишъ продолжается до 7 часовъ вечера ежедневно. Всякая афиша, поступившая въ типографію раньше упомянутого срока, печатается *ночью* и выступаетъ на слѣдующій день, утромъ—для публики.

Для расклейки афишъ по городу, при упомянутой типографіи организована артель разсыльныхъ, въ 40 человѣкъ.

Недавно еще афиши расклеивались по городу такъ. Разсыльный, взявъ пачку афишъ въ одну руку и ведро съ клейстеромъ и кистью—въ другую, отправлялся въ городъ и расклеивалъ афиши, гдѣ попало: на заборахъ, углахъ домовъ и пустопорожнихъ мѣстахъ. При такомъ способѣ расклейки афишъ, объявленіе не вполне достигало цѣли: во-первыхъ, не было контроля—все ли афиши наклеены артельщикомъ; во-вторыхъ, нѣкоторыя афиши отрывались прочь уличными мальчишками, тотчасъ же послѣ наклейки.

Во избѣжаніе этихъ неудобствъ, въ 1891 г., въ разныхъ мѣстахъ города, съ согласія домовладѣльцевъ, прибиты на домахъ занумерованные ящички—для афишъ. Крышка у ящичковъ—

проволочная, въ видѣ сѣтки. Пока прибито 800 ящичковъ. Каждая новая афиша вставляется въ ящикъ, который запирается на ключъ.

При этомъ способѣ расклейки, возложенъ контроль, и афиши не пропадаютъ ранѣе срока. По истеченіи интереса дня, старая афиша вынимается изъ ящичковъ и замѣняется другою. Старыя афиши приносятся назадъ въ типографію.

Расклейка афишъ обходится по 2 копѣйки съ 1 экземпляра.

Кромѣ заказныхъ афишъ отъ частныхъ заказчиковъ, въ типографіи Императорскихъ театровъ ежедневно печатается 5,000 экземпляровъ абонементныхъ экземпляровъ афишъ, кои рассылаются подписчикамъ.

По городу же, въ ящикахъ, расклеиваются объявленія и афиши частныхъ заказчиковъ— о зрѣлищахъ, концертахъ, выставкахъ, скачкахъ, публичныхъ лекціяхъ и т. п.

Въ Москвѣ для афишъ въ разныхъ мѣстахъ города, по сторонамъ улицъ, прибиты на столбахъ черныя доски, на которыя и наклеиваются афиши.

Кромѣ простой афишной бумаги, для печатанія афишъ употребляется еще: 1) розовая бумага и 2) веленевая бумага—для важныхъ особъ.

Объясненіе типографскихъ словъ *).

Авторъ (лат.)— то-же, что писатель. Въ обширномъ смыслѣ творецъ всякаго произведенія ума, воплощеннаго искусствомъ, воспроизведеніе и распространеніе котораго постороннему лицу воспрещается.

Абзатцъ (нѣм. ab—от, setzen—ставить)—отступъ съ лѣвой стороны въ начальной строкѣ періода, равняющійся двумъ, тремъ и болѣе буквамъ текста, смотря по ширинѣ строкъ; напр., если строка набрана отъ 3 до 5 кв., то отступъ дѣлается на круглый, отъ 5¹/₂ до 6¹/₂ кв.,—на 1¹/₂ круглыя, однимъ словомъ, чѣмъ шире строка, тѣмъ отступъ больше.

Акциденція, акцидентныя работы, — мелочныя работы, какъ то: таблицы, бланки, визитныя карточки, меморандумы, счета и пр., которыя составляютъ для большой типографіи *случайные доходы*, а для маленькой—спеціальность.

Акцентъ—значекъ на буквѣ; въ русскомъ языкѣ акценты (ударенія) находятся на гласныхъ буквахъ.

Аллегорическія виньетки—картинки съ иносказательнымъ изображеніемъ.

Альдинскія изданія — книги, изданныя фамиліею Альдовъ, всего насчитывается 1105 изданій 780 авто-

*) Приношу искреннюю признательность наборщику г. Кербасу, при содѣйствіи котораго *объясненіе типографскихъ словъ* составлено.

ровъ.—Альдъ Мануцій—знаменитый итальянскій типографщикъ, который поставилъ типографское дѣло въ Италіи на высокую степень развитія. Онъ основалъ типографію въ Венеціи; въ 1495 году изъ новой типографіи вышла первая отпечатанная греческая книга—грамматика Ласкариса. Въ томъ же году изданы были сочиненія Аристотеля. Кромѣ греческихъ книгъ, онъ издалъ много римскихъ книгъ.

Для большей доступности издаваемыхъ книгъ, Альдъ напечаталъ цѣлую серію книгъ *in octavo* (въ восьмую долю листа), при чемъ каждый томикъ долженъ былъ вмѣстить въ себѣ столько же текста, сколько его помѣщалось до сихъ поръ въ томѣ *in quarto* (въ четвертую долю); съ этою цѣлью Альдъ заказалъ отлить свой новый знаменитый *косой шрифтъ*, для котораго образцомъ послужилъ, какъ полагають, почеркъ Петрарки.

Въ Германіи этотъ новый шрифтъ назывался *Cur-siv*; въ Англіи—*italic* и т. п. Эти новыя и удобныя изданія, замѣнившія собою прежнія неуклюжія фоліанты, были встрѣчены съ восторгомъ. 13 ноября 1502 года сенатъ выдалъ Альду Мануцію на *курсивъ* десятилѣтнюю привилегію, утвержденную папой Александромъ VI.

Вообще итальянцамъ Европа обязана тѣмъ, что книгопечатаніе не заглохло, а развилось по всей Европѣ.

Анаграмма—обратное чтеніе буквъ одного или нѣсколькихъ словъ; такъ, напримѣръ, «воръ» будетъ А отъ «ровъ».

Анонимъ—безымянный, неизвѣстный. Анонимнымъ называется литературное произведеніе, авторъ котораго не выставилъ своего имени.

Антикварій—собиратель или торговецъ старинными, преимущественно, рѣдкими книгами.

Англійскій шрифтъ—обыкновенный, но только

немного черный, имѣющій болѣе плотное очертаніе и выходящій въ печати довольно ясно, такъ что слабые зрѣніемъ могутъ его читать болѣе свободно. Преимущественно этимъ шрифтомъ (не крупнѣе № 14) печатаются проекты, предназначенные для доклада въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, дабы не такъ было затруднительно для зрѣнія сановниковъ. Въ книгахъ же онъ употребляется для заглавій и надписей. Рисунокъ этого шрифта введенъ впервые въ Англии, для англійскаго шрифта, а потомъ по образцу его сдѣлапъ былъ и русскій, вслѣдствіе чего русскій шрифтъ, подобный по типу англійскому, называется англійскимъ. Въ настоящее время словолитное искусство придало шрифту этого типа красивую форму, дѣлая его на различныя кегли; этотъ шрифтъ болѣе крупнаго кегля называется также англійскимъ. Вотъ видъ этого шрифта на кегль № 10: **Александръ Благословенный**.

Англійскій кончикъ — фигурная черта, ливейка, концевое украшеніе; впервые появились въ англійской печати.

Антиква, антика (лат. *antiqua* — древній) — прямой латинскій шрифтъ, названный въ противоположность вѣмецкому (фрактуръ). Изобрѣтеніе антиквеннаго шрифта принадлежитъ братьямъ Ельзевиръ. Въ русскомъ значеніи антиква означаетъ обыкновенный шрифтъ, въ противоположность косому (курсиву).

Ассюре, ассюревыя ливейки. Названіе происходитъ отъ французскаго слова *assuré* — обезпеченный, потому что они предохраняютъ написанныя на нихъ слова отъ подкабливаній и измѣненій. Преимущественно употребляются на бланкахъ, векселяхъ, акціяхъ, купонахъ и прочихъ дѣловыхъ бумагахъ коммерческаго

міра. Они представляют собою параллельныя волнообразныя линіи.

Афиши — листы бумаги, на которых напечатаны объявленія о театральныя представленія, концертахъ, зрѣлищахъ и т. п.

Въ цензурномъ уставѣ, между прочимъ, сказано: «отнюдь не должны быть допускаемы къ печати объявленія и афиши съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ, а также священныя предметовъ».

Въ 1812 г. въ Москвѣ издавались графомъ Ростопчинымъ такъ называемыя «Ростопчинскія афиши», заключавшія въ себѣ патріотическое воззваніе къ народу; первая такая афиша вышла 1 іюля 1812 г. съ виньеткой, которая изображала питейный домъ, цѣловальника и московскаго мѣщанина Карнюшку Чихирина, который, услышавъ, что Бонапартъ идетъ въ Москву, разругалъ всѣхъ французовъ и держалъ къ народу рѣчь:

«Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масляницу... Карль-то шведскій пожилиствѣй тебя былъ, да и тотъ уходился подъ Полтавой... Да коли понадобится, скажи намъ батюшка Александръ Павловичъ: «Сила христіанская, выходи!» и высыпите безконечная, и свѣту Божьяго не увидишь...»

Г. Суворинъ издалъ ростопчинскія афиши въ количествѣ 300 экземпляровъ.

Бабашка, иначе квадраты, служатъ для заставки пустыхъ мѣстъ на страницѣ набора.

Батырицкъ (по итальянски battitore), бьющій,

помощникъ печатника, накатывающій вальцемъ краску на наборъ, подлежащій отпечатанію.

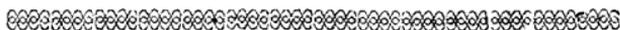
Берегъ—такъ назывались поля въ древнихъ пергаментныхъ рукописныхъ книгахъ.

Библиографія—книгоописаніе, книговѣдѣніе, т. е. изслѣдованіе и описаніе книгъ съ цѣлію облегчить ознакомленіе съ ними. Для всякаго библиографическаго труда обязательно: сообщеніе полной и точной копіи съ заглавнаго листа книги, указаніе формата, числа страницъ и имѣющихся приложений — картъ, гравюръ и т. п.

Блокатный—деревянный шрифтъ различной величины и рисунка, употребляемый для афишъ, объявленій и пр.

Боргесъ, буржуа—обыкновенный, четкій, круглаго очертанія шрифтъ. По своему всеобщему употребленію названъ буржуа, т. е. шрифтъ, получившій право гражданства. Въ началѣ боргесъ отливался на 9 пунктовъ, но теперь для удобства отливаютъ на кегли 8 и 10, не измѣняя рисунка и величины очертанія буквъ. Къ боргесу имѣется курсивъ.

Бордюръ — украшеніе, всевозможныхъ рисунковъ, имѣющихъ между собою связь.

Бланкъ—листъ чистой бумаги съ напечатанной на ней фирмой какого нибудь присутственнаго или частнаго заведенія.

Бретонскій — названіе шрифта, отлитаго на 18 пунктовъ.

Брошюра (фр. brochure) — всякая небольшая книжечка въ лепточкѣ или бумажной обложкѣ, безъ картона и кожанаго корешка.

Брошюровка книгъ — шиваніе отдѣльныхъ печатныхъ листовъ въ книгу. Брошюровщикъ беретъ всѣ печатные листы, которые лежатъ одинъ на другомъ, по порядку, начиная съ перваго и до послѣдняго листа. Въ мѣстахъ сгиба проводитъ острымъ концомъ ножа три поперечныхъ надрѣза: по концамъ и посрединѣ книги. Затѣмъ, взявъ иголку съ ниткой, беретъ первый печатный листъ, продѣваетъ иголку въ надрѣзъ — съ правой руки, потомъ иголка выходитъ въ средній надрѣзъ; когда это сдѣлано, брошюровщикъ беретъ второй листъ и кладетъ его на первый листъ, продѣваетъ иголку въ средній надрѣзъ, потомъ иголка выходитъ въ крайнемъ надрѣзѣ слѣва; теперь иголка поворачиваетъ назадъ — берется третій листъ, иголку просовываютъ въ крайній надрѣзъ слѣва, потомъ иголка выходитъ въ среднемъ надрѣзѣ; берется четвертый листъ, иголка проходитъ въ средній надрѣзъ и выходитъ въ крайнемъ надрѣзѣ — справа. Такимъ образомъ, нитка сдѣлала полный кругъ и захватила 4 печатныхъ листа. Точно такъ же производится шиваніе и всѣхъ остальныхъ листовъ, т. е. когда нитка идетъ впередъ, отъ правой руки къ лѣвой она захватываетъ 2 печатныхъ листа, и когда поворачиваетъ назадъ, отъ лѣвой руки къ правой, она тоже захватываетъ 2 печатныхъ листа, а всего, при полномъ оборотѣ — 4 печатныхъ листа. Въ 1 день брошюровщикъ успѣваетъ сшить отъ 3000 до 5000 печатныхъ листовъ.

Буква, литера — сдѣланная изъ особаго сплава, называемаго гартонъ, палочка въ родѣ бруска, вышиною (длиною) въ 1 дюймъ (25 милл.). Русскій ростъ буквы 66,7 п. = 25 мм. Вѣнскій 63 п. = 23¹/₂ мм., Парижскій 62¹/₂ п. = 23¹/₄ мм., рѣдко встрѣчающійся 62 п. = 23 мм.

Каждая буква заключаетъ въ себѣ: кегль, очко и рубчикъ.

Кегль—означаетъ толщину буквы и служить какъ бы ножкой или подставкой для *очка*—очертанія буквы на кегль; *сигнатура*, *рубчикъ*—небольшая выемка ниже середины буквы, указывающая, съ которой стороны приходится правильное очко.

Есть шрифты, имѣющіе нѣсколько рубчиковъ, но это большею частію встрѣчается у заказныхъ; дѣлаются они для того, чтобы удобно было отличать новый шрифтъ отъ стараго такого же, имѣющагося въ обращеніи въ типографіи. У нѣкоторыхъ шрифтовъ есть рубчики вверху, т. е. на лицевой сторонѣ буквы.

Бѣлая строка — рядъ поставленныхъ квадратовъ въ ширину строки, выходящихъ въ печати бѣлою строкою.

Бюллетень — краткое увѣдомленіе или объявленіе о какомъ-либо важномъ событіи.

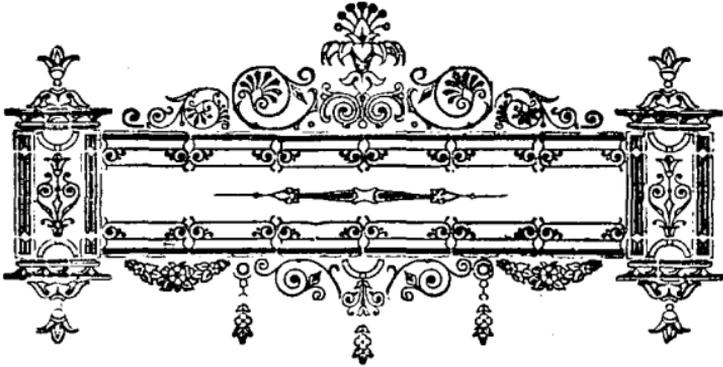
Введеніе—предварительное объясненіе предмета сочиненія, помѣщающееся въ началѣ книги. Въ англійской печати «введеніе», «отъ автора», «отъ издателя» играетъ видную роль, потому печатается всегда шрифтомъ крупнѣе отъ текста почти въ три раза и занимаетъ иногда четверть самой книги.

Верстатка—металлическая линейка съ двумя стѣнками подъ угломъ, а третья стѣнка—подвижная, на винтѣ, такъ что по желанію наборщика можетъ быть укрѣплена въ любомъ мѣстѣ линейки.

Верстать наборъ—раздѣлять гранки типографскаго набора на полосы, на страницы или по газетному формату.

Визоръ и тенагль (фр. visorium — штемпель, tenaille—щипцы) употребляются для держанія на кассѣ оригинала, съ котораго производится наборъ. Визоръ это драбочка, имѣющая на концѣ выступъ съ гвоздемъ. Тенагль—двѣ пластинки, скрѣпленныя вмѣстѣ въ ручкѣ.

Виньетка (фр. vignette — картинка) — украшение, поставленное въ началѣ, предъ текстомъ и въ концѣ текста для приданія красоты изданію.

Газетный манускриптъ — рукопись для напечатанія въ газетѣ, пишется на одной сторонѣ бумаги, отнюдь не карандашемъ, а чернилами, должна быть написана четко. Это дѣлается по тому, что газетный наборъ есть исключительно наборъ срочный, для спѣшнаго выполненія котораго метранпажъ рѣжетъ манускриптъ на части и раздаетъ нѣсколькимъ наборщикамъ. Въ нѣмецкихъ типографіяхъ, метранпажъ, получивши газетный манускриптъ, исписанный съ обѣихъ сторонъ, возвращаетъ его назадъ по принадлежности.

Гарамонъ иначе **грамондъ** — шрифтъ, изобрѣтенный словолитчикомъ Клавдіемъ Гарамономъ. Довольно античный шр. нѣмецкой печати.

Гарнитура (Garniture — приборъ) — подборъ одинаковаго шрифта; въ словолитнѣ помѣта или вумеръ шрифта.

Гартъ. Слово «гартъ» происходитъ вѣроятно отъ нѣм. Hart, что значить твердый, или отъ слова гаръ (горѣть). Гартомъ называется испорченн. шрифтъ, марзаны, пробѣлы, шпоны и пр., которыя бросаются въ «гартъ», т. е. въ помѣщеніе, гдѣ находится не-

годный материалъ для работы, а только служащей для сплава. Всякая негодная буква для печатанія есть гартъ. При переливкѣ изъ стараго шрифта (т. е. гарта) на новый, полагается на угарь $12^{1/2}/0$, т. е. около 5 фунтовъ на каждый пудъ. За старыи шрифтовый гартъ въ обмѣнъ на новые шрифты словолитни плотять отъ 2 р. 75 к. до 4 р. за пудъ, смотря по достоинству гарта. Старые марзаны, шпоны, пробѣлы, большіе шрифты, клише и проч. отъ 2 р. 25 к. за пудъ, считая въ обихъ случаяхъ доставку гарта въ словолитню за счетъ продавца.

Гидравлическій прессъ съ насосомъ, имѣющій два поршня различныхъ діаметровъ, изъ которыхъ клапанъ большаго, при увеличеніи давленія, поднимается, а меньшій продолжаетъ накаливаніе до полученія желаемаго давленія, которое указывается придѣл. къ насосу монометромъ.

Глазирвальная машина употребляется для наведенія глянца на бумагѣ посредствомъ голландеровъ и цинковыхъ листовъ, между которыми кладутся листы, подлежащіе глазировкѣ и пропускаются между вертящимися голландерами.

Голландеръ — приборъ изъ двухъ валовъ, движущихся вокругъ оси, между которыми пропускаютъ бумагу для наведенія на ней глянца.

Готическій шрифтъ — русскій шрифтъ, подобный нѣмецкому угловатому почерку. Очень употребителенъ въ англійской печати. Въ настоящее время этого шрифта имѣется много сортовъ въ различныхъ типахъ.

Исторія книги на Руси.

Гражданскій шрифтъ — введенъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ въ 1708 году. Первою книгою, отпе-

чатанною гражданскимъ шрифтомъ, считается «Геометрія», напечатанная въ Москвѣ 1 марта 1708 г. Послѣ «Геометріи» напечатаны: «Приклады, какъ пишутся комплементы».

Первыя попытки печатанія русскихъ книгъ гражданскимъ шрифтомъ сдѣланы были въ Голландіи, въ Амстердамѣ, въ типографіи Тессинга, гдѣ въ 1699 г. напечатано было «Введеніе краткое во всякую исторію».

Въ 1710 году Петру представленъ былъ приготовленный экземпляръ азбуки съ изображеніемъ «древнихъ и новыхъ письменъ славянскихъ, печатныхъ и рукописныхъ». Государь перечеркнулъ въ представленной ему азбукѣ всѣ славянскія буквы и оставилъ буквы шрифта гражданского, а въ концѣ азбуки собственноручно написалъ: «Сими литерами печатать историческія и манифактурныя книги».

Графа—столбецъ въ книгѣ; въ таблицѣ—промежутокъ между линейками.

Графья—доска на машинѣ, служащая для накладыванія по ней бумаги

Дебель—въ типографской машинѣ нѣсколько листовъ бумаги, прикрѣпленныхъ къ барабану. Въ станкѣ—приспособленія съ приправкою.—На дебель кладется бумага, подлежащая отпечатанію.

Деревенскія скобки—угловатая скобка [].

Дефисъ—у типографщиковъ называется такъ переносный знакъ (маленькое тире) -

Диаганальная закладка у верстатки. Главное достоинство верстатокъ состоитъ въ томъ, что передвижная стѣнка одновременно прижимается ко дну и спинкѣ посредствомъ заключающаго рычага, между тѣмъ какъ при другихъ системахъ этого не достигается.

Діамантъ (фр. *diamant*—алмазъ)—мелкій дорогой шрифтъ, отлитый на 4 пункта.

Доска наборная или верстальная. Цинковая или

деревянная, разной величины, имѣющая по бокамъ съ трехъ сторонъ въ родѣ рамки ободки; въ эти ободки вставляется цинковая или деревянная тонкая дощечка, называемая языкомъ или средникомъ.

Дроби—у типографщиковъ называются маленькія цифры, отлитыя на верхнюю (¹²³), среднюю (123) и нижнюю (₁₂₃) линію. Употребляютъ для ссылокъ, примѣчаній и математическихъ наборовъ.

Друкарня—старинное названіе типографіи.

Друкарскія орудія—печатныя принадлежности.

Друкаръ—(по нѣмецки Drucker) печатникъ, старинное наименованіе типографщиковъ.

На надгробной плитѣ нашего перваго русскаго книгопечатника дьякона Ивана Ѳедорова, начертано: «друкаръ книгъ предъ тымъ невиданныхъ», т. е. печатникъ книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ.

Египетскій—круглый, черный—похожій на нѣсколько сплюснутый—шрифтъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ Великій.

Жирный шрифтъ—литеры, отличающіяся отъ обыкновеннаго шириною и чернотою очертанія.

Жирный шрифтъ.

Заводъ—на типографскомъ языкѣ означаетъ количество печатающихся экземпляровъ; напр., 100, 200, 800, 1200 и пр.

Икунабулы, колыбельныя—книги, напечатанныя до 1500 года.

Интервалъ, промежутокъ, пробѣлъ между словами и строками. Для промежутка между словами употребляются полукруглые и шпаци, между строками—шпоны.

Италическій шрифтъ—похожій на курсивъ, нѣ-

сколько наклоненный влѣво. Первоначально отлить Альдомъ Мануціемъ.

Инициалы (лат. Initialen) — 1) начальныя буквы имени и фамиліи; 2) Въ началѣ текста—начальныя, узорчатыя, красивой формы буквы, вслѣдъ за которыми слѣдуетъ обыкновенный текстовой шрифтъ. Напр.

скорѣ по изобрѣтеніи книгопечатанія

Каландръ — глазировальная машина, глазирующая бумагу безъ цинковыхъ листовъ.

Каллиграфическій шрифтъ — рукописный, красиваго рисунка.

Капитель (лат. capitellum)—шрифтъ въ линію со строчными буквами рисунка прописныхъ, въ русск. шрифтѣ ихъ 9: а, в, е, і, р, с, у, ф, ѣ.

Кали—каустикумъ—окисъ калия бѣлаго цвѣта, составляющ. основаніе поташа и селитры. Ёдкій и жгучій составъ, употребляется для смывки краски съ полиטיפажей и клише.

Квадраты и полуквадраты—систематическіе, металлическіе бруски для заставки пустыхъ мѣстъ въ типографскомъ наборѣ, имѣющіе различную толщину, напр., преимущественно въ 6, 8, 10, 11, 12 и 16 п., одинаковые въ ширину: квадратъ=48 п., полуквадратъ=24 п., $\frac{3}{4}$ квадрата=36 п. По желанію могутъ быть изготовляемы различной толщины.

Квадратъ — у типографщиковъ означаетъ мѣру длины въ 48 пунктовъ ————— ; служить для опредѣленія ширины строкъ, на примѣръ, въ настоящей книгѣ строка имѣетъ ширины $4\frac{1}{2}$ квадрата.

Кенигъ Фридрихъ (родился въ 1775 г. въ Эйсlebenъ)—механикъ и типографъ, изобрѣтатель скоропе-

чатной машины и основатель известнаго завода скоропеч. типографскихъ машинъ «Кёнигъ и Бауэръ» въ Клостеръ-Оберцеллѣ, близъ Вюрцбурга въ Баваріи. Въ 1807 г. Кенигъ вступилъ въ компанію съ механикомъ А. Бауэромъ, а въ 1811 г. они соорудили *первую* типогр. скоропечатную машину. Умеръ въ 1833 г. въ Оберцеллѣ.

Книжная закладка—шнурокъ, лента, полоса бумаги, матеріи и т. п., съ вышитыми узорами, надписями или рисунками; служитъ закладываніемъ между тѣми страницами въ книгѣ, гдѣ остановился читатель.

Книжная застѣжка — служитъ для застѣгиванія стариннаго образца книгъ въ «доскахъ» или кожаныхъ переплетахъ. Дѣлается она изъ металла и застѣгивается на шпенецъ, находящійся въ верхней крышкѣ переплета.

Въ старину считалось небрежнымъ отношеніемъ къ книгѣ, если чтець, по окончаніи чтенія, не застѣгивалъ застѣжекъ. Въ припискѣ къ одному евангелію значится: «а который поць или дяконъ чтець, а не застѣгаетъ всѣхъ застѣжекъ, буди проклятъ».

Колонтитлы—сокращенное названіе книги, главы, статьи — стоящее сверху страницы (или надъ наборомъ).

Колонцифры—цифры, обозначающ. страничный порядокъ; въ роскошныхъ изданіяхъ ставятся вверху полосы.

Книсей—коробка, содержащая печатную краску.

Корректурные знаки: | || ||| Г Г Г L

Ц Ш Ш Г П Г О Ш Т П Ш Г L

≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ ≡ —эти знака ста-

вять на ошибкахъ и поляхъ; S L Z раздѣленія;

∩ ∪ ∩ ∪ вн. соединенія; S вставка буквы

въ слово; ∞ □ □ □ □ □ □ перестановка

словъ; & выкидка, знакъ уничтоженія, происходитъ отъ сокращенія dl или del лат. deleatur, что озна-

чаетъ уничтожить, зачеркнуть, взить прочь; $\frac{||}{||}$

осадить марашку; V U поворотный знакъ, похожій на лат. V, происходитъ отъ сокращенія лат. vertatur— что означаетъ перевернуть; >< отбить; (---) сьузвить;

$\frac{||}{||} \frac{||}{||} \frac{||}{||} \frac{||}{||}$ разбить текстъ т. е. набрать

со шпаціями; □ отступить; Z съ новой строки;

┌ ⊙ придвинуть къ краю строку; $\frac{|}{|}$ отодви-

нуть; ===== выровнять кривизну; худо выходятъ буквы; подъ зачеркнутымъ словомъ ----- означа- етъ, что слово остается по старому; ——— подчеркиваніе—курсивъ; ∞ поставленный въ пробѣлахъ

означаетъ, что нужно выровнять разбивку, въ промежуткахъ между словами уничтожить пустоту; X крестикъ, поставленный подъ буквою, означаетъ, что буква попорчена или не того шрифта и подле- жать перемѣнѣ. Подъ буквой двѣ черточки означаютъ, что нужно прописную букву. Надъ буквой—строчную;

X, V — означаетъ пропускъ.

Корешокъ — сложенное мѣсто листа, подлежащее сшиванію.

Красочная плита и курантъ (фр. courant—ходя- чій). Для растиранія сухихъ и перетиранія тѣсто- образныхъ красокъ пользуются каменною плитою и

курантомъ. Плитой служитъ литографскій камень нившаго качества или мраморная доска. Курантъ долженъ быть конусообразный, такъ чтобы его можно было охватить руками вверху и въ серединѣ, и не имѣть значительной тяжести, чтобы передвиганіе его не требовало большихъ усилій. Лучше употреблять курантъ изъ мрамора, гранита или змѣвика, а также можно употреблять стеклянный или роговый.

Круглый — толщиною въ двѣ полукруглыя, ниже буквы. Употребл. для отступовъ и замѣщенія пустыхъ мѣстъ въ строкѣ.

Корпусъ — всякій шрифтъ, отлитый на 10 пунктовъ; названъ по первой напечатанной книги «Corpus juris civilis» (Совокупность гражданскихъ законовъ).

Кустодія — подстрочный переносъ. — Бумажная покрывка на государственныхъ восковыхъ печатяхъ для сохраненія изображеній.

Кука — рукоятка въ станкѣ, протянутая къ винту, нажимающему пѣанъ (прессъ).

Курсивъ (фр. cursiv) — косою шрифтъ, похожій на рукописный почеркъ, наклоненный вправо.

Михаилъ Васильевичъ ЛОМОНОСОВЪ.

Литографскіе валики — металлическій стержень, обверченный фланелью, а поверхъ этого — гладкой кожей; служитъ для накатыванія литографской краски на камень; можетъ проработать лѣтъ шесть.

Литографская краска — употребляется въ литографіи; въ составъ ея входятъ мыло (или сода), сало или жиръ, воскъ, гуммилакъ и сажа; разница только въ пропорціяхъ, наиболѣе подходящая: 1 часть мыла, 2 ч. воска, 1 ч. сала, 2 ч. гуммилака и сажы — сколько надо для окрашиванія.

Литографія — искусство дѣлать на камнѣ рисунки,

способные для переведенія на бумагу помощью печатанія. Рисунокъ рисуется на литографскомъ камнѣ особыми чернилами, въ составъ которыхъ, между прочимъ, входитъ жиръ.

Передъ тѣмъ какъ получить съ камня оттискъ, его смачиваютъ водою, вода пристаётъ къ камню въ мѣстахъ непромасленныхъ.

Затѣмъ на камень, при помощи литографскаго валика, накатываютъ литографскую краску, которая чернитъ рисунокъ, оставляя нетронутымъ влажную поверхность камня.

Самое тисненіе производится тѣмъ же способомъ, какъ и печатаніе съ набора — на скоропечатной машинѣ.

Листовка — брошюрка въ одинъ печатный листъ бумаги.

Марзаны (по итальянски *margini*) — деревянные планки, бруски, которые вставляются въ типографскомъ наборѣ для обозначенія полей.

Маца (по итальянски *mazza*) — 1) Кожаный, набитый шерстью мѣшочекъ, съ рукояткою для набивки краски на литеры.

2) Цилиндръ, обтянутый кожею и вращающійся на оси, концы которой служатъ ручками; употребляется для накатыванія краски на типографскій наборъ.

Макулатура (лат. *macula* пятно), загрязненная или неправильно отпечатанная бумага; однимъ словомъ всякій негодный листъ бумаги для употребленія; оберточная бумага.

Мелотинія (*melos* — пѣсня, *typos* — отпечатокъ). Печатаніе нотъ подвижными знаками, придуманное Дюко въ Парижѣ.

Метеорологическій бюллетень — указаніе состоянія атмосферы. Метеорологическіе бюллетени, кромѣ вырѣзыванія на деревѣ, дѣлаются и типографскимъ

способомъ—что гораздо удобнѣе. Чтобы составить такой наборъ, берется потребной величины форма въ видѣ рамки, гдѣ находится гипсъ; ставятъ эту форму на лампочку (нарочно для этого приспособленную), дабы сдѣлать удобнымъ для употребленія. Въ такую форму вставляются знаки, линіи и все, что потребно по оригиналу биллютена. Линіи дѣлаются изъ выгнутыхъ линеекъ, сообразно оригиналу, потомъ вставляются со знаками въ мягкій гипсъ, находящійся въ формѣ. Когда все готово, форму снимаютъ съ лампочки и даютъ застыть гипсу; послѣ этого тискаютъ на корректуру; въ нагрѣтомъ же видѣ и исправляются неточности.

Металлографическій станокъ употребл. для печати съ металлическихъ досокъ; весь желѣзный съ винтовымъ проводомъ, удобенъ и практиченъ.

Мертвый знакъ — крестикъ †, замѣняющій собою слово «умеръ».

Министерская линейка—особая мѣрка въ формѣ линейки, на которой обозначены все размѣры печатнаго листа.

Какъ извѣстно, по цензурному уставу въ обѣихъ столицахъ все сочиненія, по объему не менѣе 10 печатныхъ листовъ, освобождаются отъ цензуры.

Величина печатнаго листа измѣряется длиною и шириною набора (текста) страницы, выраженными въ типографскихъ квадратахъ.

Для главныхъ форматовъ, въ которыхъ издаются бевцензурныя книги, назначены слѣдующіе размѣры ширины: для 2-й доли — 9 квадратовъ, для 4-й—7 квадратовъ, для 8-й — пять квадратовъ, для 16—4 квадрата, для 32-й—3 квадрата.

Длина набора должна быть не менѣе какъ въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе ширины.

При этомъ на каждый квадратъ длины набора должно приходиться не менѣе 3 строкъ.

Книги, не достигающія, по своимъ размѣрамъ одного изъ этихъ условій, относятся къ низшему ряду формата.

Наборная линейка. Это мѣдная, латунная или гартовая пластинка, вышиною въ букву, разной ширины, съ ушками по бокамъ для удобнаго и свободнаго выниманія ея изъ верстатки. Безъ линейки при наборѣ обойтись нельзя, такъ какъ она требуется для выставленія набр. стр. изъ верстатки на уголокъ, а тѣмъ болѣе при постановкѣ буквъ въ верстатку, линейка необходима, такъ какъ буквы не могутъ свободно ставиться, а будутъ задѣвать о предыдущія строки; въ верстаткѣ служатъ для раздѣленія строкъ.

Накладчикъ—рабочій, стоящій на подножкѣ скоропечатной машины; онъ накладываетъ листы бумаги на машинный цилиндръ или барабанъ, съ котораго они переходятъ къ «формѣ» и воспринимаютъ съ нея оттискъ.

На обязанности накладчика лежитъ сдѣлать подготовительную работу для печати, какъ-то: сосчитать листы бумаги, обкладывать наборъ форматомъ, освободить отъ шнурковъ, тискать на сводку, смывать наборъ; по окончаніи, печатанія, накладчикъ обязанъ сдать «форму» въ наборное отдѣленіе въ такомъ видѣ, въ какомъ она ему была дана, т. е. связанною и необсыпанною. Хорошій накладчикъ бываетъ очень полезенъ печатному мастеру: онъ раздѣляетъ его трудъ, чѣмъ и сокращаетъ время работы; онъ смотритъ за печатной машиной, слѣдитъ за равномерностью печати, прибавляя или убавляя типографскую краску, а также и сообщаетъ свои познанія новичкамъ.

Нонпарель, (фр. non—не, pareil—подобный = «неподобный») —всякій шрифтъ, отлитый на 6 пунктовъ.

Наизупотребительнѣйшимъ шрифтомъ въ Англійи считается самый мелкій *нонпарель*. Этимъ объясняется распространенность въ Англійи близорукости. Въ 1891

году одинъ депутатъ предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ — обязать издателей газетъ употреблять только такія литеры, которыя можно читать на разстояніи полуметра. Палата общинъ похоронила этотъ вопросъ при взрывѣ хохота.

Норма — названіе заглавія сочиненія, помѣщаемое на первой страницѣ каждаго печатнаго листа — подъ текстомъ, съ лѣвой стороны.

Обложка — цвѣтная покрывка на книгѣ; на московскихъ изданіяхъ для народа на обложкѣ непременно печатается какая-нибудь картинка, соответствующая содержанию текста.

Оглавленіе — обозначеніе содержанія книги по главамъ.

Околадка — деревянный брусокъ, которымъ околачиваютъ наборъ при началіи печатанія; это дѣлается для того, чтобы сравнять литеры, подвѣшавшіяся при спусканіи набора на талеръ. Колотятъ деревяннымъ молоткомъ по околадкѣ, лежащей на наборѣ.

Орнаментъ (лат. ornare — украшать). Тесьмообразныя украшенія различныхъ рисунковъ.

Паризьенъ, Перль — шрифтъ, отлитый на 5 пунктовъ. Прежде такъ наз. латинскій шрифтъ на этотъ кегль.

Переборка — перестановка болѣе или менѣе значительнаго количества строкъ, когда требуется вставить значительный пропускъ, или выбросить цѣлый періодъ.

Переверстка — измѣненіе въ типографскомъ наборѣ порядка главъ, статей и т. п.

Піанъ чугунный или мѣдный нажимъ (прессъ) въ станкѣ.

Полоса — страница набора.

Полукасса — таже касса, но только на половину меньше по размѣру. Въ полукассу преимущественно помѣщается титульный шрифтъ.

Поля—бѣлыя мѣста кругомъ набора въ книгахъ на страницахъ, въ листахъ.

Предисловіе—помѣщается въ началѣ книги и излагаетъ обстоятельства и цѣль, обуславливающія изданіе. Въ старину предисловіе называли послѣсловіемъ и печаталось въ концѣ книги, чего старообрядцы придерживаются и до сихъ поръ.

Послѣсловіе старинныхъ книгъ имѣетъ важное значеніе для историка и библіографа. Въ немъ обыкновенно обозначалось: при какомъ царѣ книга написана или напечатана, въ какомъ году, въ какомъ городѣ и т. п.

Примѣчаніе—ссылка, выноска, отдѣльное отъ статьи пояснительное прибавленіе. Къ *Исторіи Государства Россійскаго*, Карамзина, присоединено множество любопытныхъ примѣчаній.

Приправка—наклейка кусочковъ бумаги на оттискутомъ листѣ на мѣста блѣдно или плохо выходящія и вырѣзка на томъ же листѣ буквъ, выходящихъ очень жирно или черно. Этотъ листъ съ приправкою укрѣпляется въ машинѣ на барабанѣ, а въ станкѣ на тюмпанѣ. Ранѣе чѣмъ приступить къ печати дѣлаютъ предварительно нѣсколько приравокъ. При смѣшеніи стараго шрифта съ новымъ, приправка бываетъ продолжительна, ибо на старыя, плохо выходящія буквы, а также слова приходится наклеивать бумажки, а на новыя—вырѣзывать. Для наклейки употребляется такъ называемая тонкая приправочная бумага.

PS. Приправку хорошо сохранять особенно текстовыхъ дѣлъ, которые могутъ повторяться, а особенно хорошо сохранять приправку рисунковъ, не смотря на пзмѣненіе формата книги.

Пунктиръ, пунктирныя линіи: 1) въ рядъ поставленн. съ нѣкоторымъ пространствомъ точки, указывающія соотвѣтствующія тексту мѣста; 2) линіи

точками, употребляемые для вписыванія на нихъ словъ.

Пунктъ—систем. фр. мѣра, общеупотребляемая въ типографіяхъ, равняющ. толщинѣ игральной карты ($\frac{1}{27}$ часть сантиметра или $\frac{1}{68}$ ч. русск. дюйма).

Разгонка или вгонка—уменьшеніе или увеличеніе промежутковъ между словами; перенесеніе слоговъ изъ одной строки въ другую. Употребляется, когда надо вставить незначительный пропускъ или сдѣлать незначительную выкидку.

Рама—обыкновенная стальная, лежитъ ниже шрифта; употр. для укрѣпленія въ ней набора, предъ печатаніемъ. На ручномъ станкѣ рама вѣситъ фунтовъ 20, а на скоропеч. машинѣ около 1 пуда.

Рашкетъ—тонкая, желѣзная рама (въ станкѣ), прикрѣпленная къ тюпану и обтянутая картузною бумагою, въ которой мѣста, подлежащія печатанію, вырѣзываются, а пробѣльные остаются закрытыми.

Реглеты (фр. Reglette—линейка, пластинка)—гартовые пластинки ниже буквъ различной длины и толщины. Употребляется для замѣщенія пустыхъ мѣстъ.

Ренессансъ (фр. renaissance—возрожденіе)—круглый шрифтъ времени возрожденія, красиваго рисунка.

Рондо (Ronde—кругъ)—круглый, прямообразный рукописный шрифтъ красиваго рисунка. Предпочтительнъ для визитныхъ карточекъ.

Рондо.

Рукописный шрифтъ—похожій на обыкновенный канцелярскій почеркъ, наклоненный вправо. Каждая въ отдѣльности буква соединяется со слѣдующей, такъ что между собою образуютъ связь.

Свинцовое отравленіе — профессиональная болѣзнь наборщиковъ и словолитчиковъ. Дурное провѣтриваніе мастерскихъ, занесеніе свинцовой пыли на платъяхъ въ жилища, постоянное пребываніе и ночевки въ мастерскихъ благоприятствуютъ отравленію. Вредно также дѣйствуетъ ѣда въ типографіи или словолитной мастерской, употребленіе воды, стоявшей тамъ, а также и недостаточное обмываніе рукъ передъ ѣдой и страсть нѣкоторыхъ рабочихъ держать шрифты въ зубахъ, между губами и т. п. Характеристическимъ признакомъ отравленія свинцомъ служитъ черная или синевато-черная кайма на зубномъ краѣ десенъ, всегда сильнѣе выраженная на верхней челюсти. Упомянутая черная кайма происходитъ, благодаря отложенію свинцовой пыли на ткань десенъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ эта окраска распространяется на всю десну или даже на всю слизистую оболочку рта. Дальнѣйшимъ признакомъ дѣйствія свинца на организмъ человѣка является приторный и слегка вяжущій свинцовый вкусъ во рту. Затѣмъ появляется свинцовое худосочіе и колика.

Сводка— послѣдній оттискъ для окончательной корректуры передъ приступленіемъ къ печатанію; сводить съ подписною корректурой, т. е. провѣрить все ли исправлено въ наборѣ и нѣтъ ли новыхъ ошибокъ.

Сигнатура (лат. *signatura* отъ *signum*, знакъ)— цифра, стоящая внизу 1 и 3 полосы каждого листа, означающая счетъ листовъ по порядку. Въ старыхъ книгахъ вмѣсто цифръ употреблялись буквы въ алфавитномъ порядкѣ.

Соборъ— шрифтъ на кегль 60 пунктовъ.

Сплавъ для отливки шрифта. Для отливанія шрифта существуетъ нѣсколько составовъ: 1) 80 ч. свинца и 20 ч. сурьмы и регулуса; 2) на 1 пудъ лучшаго свинца 10 фунтовъ регулуса, 3) на 1 пудъ лучшаго свинца 13 фунтовъ регулуса и отъ 2 до 4 ф. олова.—

Англичане и америка. ы употребляют такой сплав: берутъ мягкаго свинца лучшей очистки, затѣмъ регулуса (антимоніуса) и олова, особенно послѣднихъ двухъ металловъ они не жалѣютъ, не смотря на дороговизну такого сплава, за то шрифтъ, отлитый изъ этого сплава, выдерживаетъ вдвое и втрое дольше.

Сплошной наборъ — наборъ, составленный изъ одного текстоваго шрифта, за исключеніемъ рѣдко попадающихся иноязычныхъ словъ, главъ, надписей, содержаній, разговоровъ и пр.

Талеръ — чугунная или стальная доска, находящаяся въ станкѣ, въ машинѣ — на которую спускаютъ формы для печатанія. Талеръ съ наборомъ двигается по канавкамъ и подходитъ въ станкѣ подъ планъ (прессъ), а въ машинѣ, подъ барабанъ, который дѣлаетъ нажимъ на наборъ. Талеръ также находится на столѣ гдѣ заготавливаются для печати формы.

Текстъ: 1) шрифтъ, которымъ прежде печатались тексты Библии для церк. употребленія, а теперь такъ называется всякій шр. на кегль 20. 2) Всякій сплошной наборъ.

Тередорщикъ (по итальянски tiratore) — въ старину такъ назывался книгопечатникъ, т. е. наборщикъ и печатникъ.

Терція — всякій шрифтъ въ 16 пунктовъ.

Типографскіе валики — въ скоропечатной машинѣ служатъ для накатыванія типографской краски на наборъ. Они дѣлаются изъ желативной массы, укрѣпленной на металлическомъ стерженѣ.

Для состава желатина берется клей, глицеринъ и сахаръ, все это варится въ одинаковомъ, по вѣсу, количествѣ. Валикъ можетъ проработать $\frac{1}{2}$ года, потомъ онъ портится; желативную массу снимаютъ, снова варятъ (при этомъ улетучивается 5⁰/₀ вѣса) и снова пускаютъ въ дѣло. Желатинъ продается отъ 16—20 руб. за 1 пудъ.

Во избѣжаніе порчи, типографскіе валики моются скипидаромъ.

Типографскія марки—въ самомъ раннемъ періодѣ книгопечатанія типографщики употребляли въ видѣ фабричнаго клейма такъ называемыя типографскія марки—гербы, эмблемы и изреченія, служившія указаніемъ происхожденія изданія. Уже Фаустъ и Шефферъ употребляли свою марку.

Фамилія Эльзевировъ избрала своимъ девизомъ масляное дерево. Фамилія Этьенъ также приняла дерево съ фигурою апостола Стефана, указывающаго пальцемъ на увашія отломленныя вѣтки, а также и на изреченіе апостола Павла: «Не заносись высоко, а бойся».

Нѣкоторыя эмблемы сдѣлались достояніемъ типографщиковъ всѣхъ странъ, таковы, напримѣръ, крестъ, звѣзда, якорь и т. п.

Титульный шрифтъ—Титульнымъ называется всякій шрифтъ, отличающійся отъ обыкновеннаго (газетнаго или книжнаго шр.) чернотою или красотою очка, а также величиною (хотя и мелкій шр. тоже называется титульнымъ). Употребл. для заглавныхъ строкъ и надписей, а также въ дѣлахъ, претендующихъ на красоту и изящество.

Траурныя линейки—бываютъ разной толщины и служатъ для окаймленія конвертовъ и бумагъ съ извѣщеніемъ о смерти, приглашеніемъ на поминки и пр. Бумага и конверты съ напеч. на нихъ черными линиями назыв. траурною. Въ газетахъ въ траурныхъ линейкахъ помѣщаются извѣстія о смерти, поминкахъ, панихидѣ и некрологи извѣстныхъ лицъ, напримѣръ, писателей, политическихъ дѣятелей и т. п.

Титуль—главное заглавіе или наименованіе книги, части или главы, помѣщенное въ началѣ. Красиво сдѣланный титуль есть высшее достоинство книги. Для серьезныхъ книгъ не употребляютъ цвѣтныхъ,

двойныхъ, курчавыхъ и т. п. шрифтовъ. Главныя строки, имѣющія болѣе значенія, выдѣляются крупнымъ и виднымъ шрифтомъ, соблюдая при этомъ гармонію, не употребляя подрядъ одинаковаго рисунка и кегля шрифтовъ.

Тюмпанъ (греч. τυμρανον)—въ машинѣ обтянутый ровно и безъ морщинъ полотномъ, равентухомъ или коленкоромъ, желѣзный цилиндръ (валь), называемый барабаномъ, который сверху покрывается приправкой и декелемъ; въ станкѣ — желѣзная рама, обтянутая коленкоромъ, полотномъ, а при изящныхъ работахъ шелковою матеріею, левантиномъ или тавтою. Въ тюмпанѣ утверждается рашкетъ.

Уголокъ — продолговатая дощечка, цинковая или деревянная, имѣющая съ 3-хъ сторонъ ободочки (ниже буквъ) въ видѣ рамки, употребл. для помѣщенія несвязаннаго набора.

Унциальныя буквы — крупныя буквы въ дюймъ вышиною, употребляемыя преимущественно для надписей, монументовъ и т. д. Въ актахъ употребляются въ первой строкѣ и въ подписяхъ.

Названіе ихъ встрѣчается у св. Іеронима въ предисловіи къ переводу книги Іова.

Фирма — названіе и адресъ типографіи. Ставится обязательно на всѣхъ печатныхъ работахъ, кромя визитныхъ карточекъ.

Форматъ — размѣръ книги. Форматъ бываетъ: in folio — листъ, сложенный вдвое; in quarto или «квартантъ», 4-я доля — листъ, сложенный вчетверо; in octava, 8-я доля — листъ, сложенный въ восьмую долю; а также размѣры бываютъ въ 12, 16, 24 и 32 долю листа.

Фототивія.— А) *Основаніе:* Желатина, обработанная хромовыми солями, будучи подвергнута дѣйствию свѣта, теряетъ обыкновенное свое свойство впитывать въ себя воду.

В) *Процессъ*. Стекло покрываютъ хромированной желатиной и выставляютъ на свѣтъ, покрывъ желатинный слой обыкновеннымъ фотографическимъ негативомъ. Потомъ весь желатинный слой смачивается водой и накатывается печатной краской. При этомъ мѣста, побывавшія на свѣту, останутся сухими, и въ силу этого примутъ жирную краску, а не бывшія на свѣту напитаются водой и примутъ краску не будутъ. Послѣдовательно смачивая, накатывая краску и прикладывая листы бумаги, получаютъ оттиски.

Фронтисписъ—заглавный листъ книги, атласа и т. п.

Цинкографія представляетъ дешевый способъ воспроизведенія подлинныхъ документовъ, рисунковъ на цинкъ посредствомъ свѣтописи съ такою точностью, что въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ замѣнить подлинникъ.

Шахтель (нѣм. Spa(ch)tel)—стальная, желѣзная, мѣдная, костяная или деревянная лопаточка, употребляемая при растираніи красокъ, для соскабливанія и переворачиванія краски на камнѣ.

Шпацин — тонкіе листки типографскаго металла, вставляемые между отдѣльными буквами словъ, когда требуется выдѣлить эти слова изъ остальнаго текста, чтобы обратить на нихъ вниманіе читателя. Шпацин употребляются и для раздѣленія словъ, для заканчиванія строки.

Въ подражаніе древнимъ рукописямъ, въ первопечатномъ *Апостолѣ* текстъ нерѣдко былъ набранъ вплотную, т. е. отдѣльныя слова не были разставлены шпациями, что было не удобно, потому-что не видно, гдѣ оканчивается одно слово и гдѣ начинается другое.

Шпоны (нѣм. Spund—закладка)—гартовыя пластинки, ниже буквъ, употр. для отдѣленія одной строки отъ другой. Наборъ безъ шпоновъ некрасивъ. Шпоны бываютъ разной толщины и длины, отъ 1 пункта до 5

пунктовъ толщины, а длины отъ 3 до 8 квадратовъ. (См. Квадратъ).

Шраффированныя линейки (вѣм. schraffiren — штрихи дѣлать)—штриховыя линейки, употребляемыя въ видѣ украшенія.

Шрифть-касса, или наборная касса, это—поставленный на реалъ въ наклонномъ положеніи деревянный ящикъ, длиною $1\frac{1}{4}$ аршина, шириною 1 аршинъ и глубиною $1\frac{1}{2}$ вершка, имѣющей много перегородокъ (въ русской шрифть-кассѣ 109), для каждой буквы и знака прерыванія по одному ящику; кромѣ того, имѣются особыя отдѣленія для такъ называемыхъ матеріаловъ печати—*шпаций*, *шпонъ*, *крумыхъ*, *полукрумыхъ* и т. п.

Касса состоитъ изъ стѣнокъ и главныхъ скрѣпленій, сдѣланныхъ крестообразно въ видѣ продольной и поперчной перегородки; затѣмъ идутъ многочисленныя тонкія перегородки, образующія большія и меньшія ящики для помѣщенія литеръ. Въ верхнихъ трехъ рядахъ лежатъ прописныя или такъ называемыя большія буквы, въ четвертомъ, съ лѣвой стороны, до продольной перегородки, лежатъ капительныя буквы, съ правой стороны—цифры, начиная отъ 1 до 0. Въ нижнемъ отдѣлѣ находятся строчныя или малыя буквы и знаки прерыванія.

Ящики-кассы дѣлятся на большіе и малые. Большіе ящики назначены для литеръ, которыя наиболѣе расходуются при наборѣ, такихъ ящичковъ 13 — для буквъ: *а, в, д, е, и, м, н, о, р, с, т, у, з.*

Штамба (по итальянски Stampa)—старинн. названіе книгопечатнаго заведенія.

Цицеро—шрифть въ 11 пунктовъ. Латинскимъ шр. подходящаго кегля, имъ первоначально были напечатаны въ Венеціи письма Цицерона въ 1457 году.

Въ отличіе отъ цицеро въ 11 пунктовъ, цицеро въ 12 пунктовъ навывается гроцицеро.

Щипчики—употр. при правкѣ корректуры или сводокъ для вытаскиванія буквъ изъ набора, при таблицахъ—линеекъ, очень удобны для послѣдняго случая.

Эльзевиръ, эльзевирный шрифтъ, отлитый по рисунку лейденскихъ типографщиковъ братьевъ Авраама и Бонавентурія. Эльзевиръ — свѣтленькій, круглый, хвостобразный (и безъ хвостиковъ), безъ утолщеній шрифтъ.

БРАТЯ ЭЛЬЗЕВИРЪ.

Эльштейнъ (нѣм. Ölstein) — масляный камень, употребляемый въ словолитняхъ для шлифованія и приданія прямоты пунсонамъ на томъ мѣстѣ, гдѣ предположено сдѣлать рисунокъ буквы.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Брюхо Петербурга:—общественно-физиологическіе очерки. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Исторія книги на Руси. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гутенбергъ,—его жизнь и дѣятельность. Цѣна 25 коп.

Какъ дѣлается бумага и какъ на ней печатаются книги?—изданіе Комиссіи по устройству народныхъ чтеній, по Высочайшему повелѣнію учрежденной министромъ народнаго Просвѣщенія. Цѣна 5 коп.

Синь